детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

10/2011

Искатель, 2011 №10

Анатолий Галкин, Сергей Саканский, Сергей Криворотов

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 2011. № 10
Содержание:
Анатолий ГАЛКИН. ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ
Сергей САКАНСКИЙ. ТАЙНА МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно.

ИСКАТЕЛЬ 2011
№ 10

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

10/2011

(393)

2011

*

© «Искательпресс», 2011

Содержание:

Анатолий ГАЛКИН
ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ
повесть

Сергей САКАНСКИЙ
ТАЙНА МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ
повесть

Сергей КРИВОРОТОВ
БАШНЯ ЗЛА
рассказ

Анатолий ГАЛКИН
ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

Анатолий ГАЛКИН

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

По правой стороне шоссе машины двигались неторопливо. Заходящее солнце висело над горизонтом и слепило глаза водителям, выезжавшим из Москвы.

Недалеко от Калужского шоссе на опушке леса остановились четыре иномарки. Из багажника «Шевроле» появился столик и четыре раскладных стульчика. Хозяева машин уселись под березой и выставили перед собой шипучие напитки... Со стороны все-выглядело пристойно. Это было похоже на короткий пикник бизнесменов. Но из беседы становилось ясно, что это нормальная бандитская разборка. Трое против одного! Молодые нахальные ребята что-то требовали от испуганного лысого мужчины. Тот пытался объяснить и оправдаться, но ничего не получалось. Ему не верили!

«Лысый» — это сорокалетний таможенник, которого все называли по фамилии — Дубровский. Имена остальных собеседников тоже в разговоре звучали, но это были прозвища, или, на тюремном жаргоне, «погоняла»...

Лишь одна кличка была близка к настоящему имени. Тридцатилетнего Колю Чижова друзья называли «Николя». На французский манер — с ударением на последнем слоге.

Игоря Фокина именовали «Шпунт». Это, вероятно, за его шустрость и желание лезть во все дыры.

Последний и самый старший из троицы имел благородный псевдоним «Червонец», что соответствовало его нормальной фамилии — Ефим Злотников.

Претензии к Дубровскому предъявлял Ефим. Он был немногословен и логичен.

— Так, приехали! Снова у нас тупик. Начнем плясать от печки... Месяц назад мы с тобой, Дубровский, договорились о переправке товара. Так?

— Да, мы договаривались...

— Отлично!.. Вещей был мизер. Не вагон и не фура, а так — чемодан средних размеров. Правильно?

— Согласен, Ефим Борисович, груз был небольшой...

— Хорошо, Дубровский! Мы договорились, и на следующий день Николя со Шпунтом принесли к тебе груз. А что было дальше?..

...А дальше Дубровский показал троице большую серебристую фуру, в которой он спрятал чемодан. Эта машина с грузом каких-то тряпок из Иванова отправлялась через Минск и Варшаву

на Берлин.

Сразу после выхода грузовика с московской таможни его стали сопровождать три иномарки — два «Опеля» и «Шевроле» цвета «мокрый асфальт».

Уже через сутки Злотников, Фокин и Чижов наблюдали, как фура проходит польскую таможню. Обстановка была нервной, но и веселой. Смешно было наблюдать, как шофер хорохорится, размахивая документами. Дело в том, что водитель фуры был не при делах — он ничего не знал о грузе, который Дубровский подложил в кузов. Он не знал, что тот контрабандист!.. Очень прикольно!

После успешного пересечения границы надо было изъять из фуры чемодан. Но для этого нужен был удобный случай. И он представился буквально через час...

Справа начался густой польский лес... Заметив среди дубов проселочную дорогу, водитель притормозил и осторожно направил тяжелую фуру в дубраву.

Через триста метров он остановил машину, выскочил из кабины и зачем-то бросился в кусты. Он так спешил, что не заметил, как в лес въехали три иномарки — два «Опеля» и «Шевроле» цвета «мокрый асфальт»...

Водителя они не били!.. Так, легко намяли бока, завязали глаза, сунули кляп и привязали к польскому дубу... Сразу же вскрыли машину и начали поиск спрятанного груза.

Разборка фуры длилась больше часа!.. Вокруг лежали кипы текстиля. Из разорванных тюков по поляне струились красивые ткани от ивановских ткачих... Машина была пуста, но чемодана с товаром нигде не было... Ребята собирались забрать свой груз и отправиться по маршруту Варшава — Берлин — Париж — Лондон. Они не собирались возвращаться в Россию — им троим хватило бы до конца жизни.

Но пришлось ехать в Москву... Напоследок они жестко допросили шофера, но сразу было видно, что он в такие игры не играет...

И вот теперь все начиналось по новому кругу... Слева шумело Калужское шоссе. Николя и Шпунт нервно сосали из банки «Спрайт», а Червонец продолжал ставить вопросы:

— Так где наши игрушки, Дубровский?

— Мне и самому это интересно... Может быть, шофер по дороге украл?

— Не мог он этого сделать! Мы в шесть глаз его опекали. От самой таможни фура шла под нашим присмотром... Думай еще, Дубровский!

— Вы могли не найти! Когда фура загружалась, я чемодан в дальний угол положил. Поближе к кабине...

— Не получается, Дубровский! Мы под Варшавой два часа машину разгружали. Вот этими руками каждую кипу перещупали... Где наши вещи?!.

— Значит, кто-то у меня в таможне подсуетился. Все жулики! Никому верить нельзя...

— Кончай заливать, Дубровский! Тогда был день твоего дежурства. Ты сказал, что глаз с фуры не спускал... Где чемодан, гад?». Ребята, надо вытрясти из него правду! Я нутром чую, что вещи у него.

Дубровский сжался в комок. Он сообразил, что сейчас ему будет очень больно... И любые действия бесполезны. Можно протестовать, кричать и сопротивляться, но все равно его скрутят и будут бить...

Шпунт подошел сзади и ногой выбил из-под таможенника стул. Дубровский упал. Он сразу почувствовал, что сердце неприятно дернулось и начало часто колотиться, постоянно сбиваясь с ритма... Такое с ним бывало, но очень редко, только в моменты крайнего волнения... Аркадий Вадимович попытался вспомнить, в каком

кармане сердечные таблетки, необходимые в данном случае.

Он вспомнил! Правая рука потянулась в карман пиджака, но подоспевший Николя на футбольный манер взмахнул ногой и тяжелым ботинком ударил в локоть Дубровского... Тот хотел взвыть от боли, но даже на это сил не хватало. Он вяло прошептал:

— Лекарство в кармане... Не бейте. Я отдам ваши вещи...

Злотников встал и, потирая руки, подошел к лежащему таможеннику. Ефим улыбался, но очень зловеще.

— Конечно, отдашь! А куда ты денешься с нашей подводной лодки?.. Ребята, прислоните его к машине. Пусть сядет. А то я лежачих не бью.

Аркадия Вадимовича протащили по поляне, приподняли и приложили спиной к колесу «Шевроле». После завершения этой операции. Шпунт наклонился и кулаком врезал Дубровскому в челюсть.

Он ударил резко, но не сильно. Ему просто хотелось расслабиться и восстановить справедливость... А для таможенника этот мордобой оказался последней соломинкой. От стресса и обиды его сердце затрепетало во все стороны и

начало затухать.

Дубровский закатил глаза, улыбнулся, дернулся, а потом он сам и его взгляд замерли...

Злотников первым понял ситуацию.

— Ты что, Шпунт, сделал?.. Он собирался сказать, где чемодан! Где нам теперь искать вещи?

— Не бери в голову, Ефим! Теперь найдем... А этого франта я почти и не тронул. Он от страха умер... Или от жадности! Уже привык к нашему добру. А как понял, что придется расстаться с чемоданом, так и окочурился...

— Хватит, Шпунт, шутки шутить! Ты клиента успокоил, вот ты за собой и прибери... Его нельзя здесь оставлять — мы тут слишком наследили. Засунь его в машину, вывези на трассу и там взорви.

— Нет проблем, шеф!.. Сейчас повеселимся.

Шпунт живо затащил тело Дубровского в его же «Форд», а сам бросил на заднее сиденье свой кейс и сел за руль... Он отвел машину всего на двести метров и оставил ее на дороге, ведущей к Калужскому шоссе.

Уходя, Шпунт подтянул таможенника поближе к рулю и положил рядом с ним небольшое устройство, извлеченное из кейса... Потом он пешком вернулся на поляну.

Два «Опеля» и асфальтовое «Шевроле» дружно ушли с поляны и вырулили на Калужское шоссе. Они двигались к Москве на небольшой скорости, наблюдая за одиноким «Фордом», стоящим на боковой дорожке... Вот из-за леса появились два джипа, которые приближались к машине Дубровского. Шпунт насторожился и притормозил. В руках у него появился включенный мобильник с заранее набранным номером.

Когда машины подошли поближе, Шпунт нажал кнопку... Через три секунды что-то грохнуло, а там, где стоял «Форд» жадного Дубровского, возникло огненное облако!.. Джипы, оказавшиеся вблизи взрыва, подпрыгнули, сорвались с дороги и стали кувыркаться на полянах за обочиной.

И «Шевроле», и два «Опеля» тоже тряхануло, хотя они находились за двести метров от взрыва... Ефим Злотников дал отмашку, и три иномарки резво рванули к Москве. И это понятно — надо «делать ноги», пока не загребли как свидетелей...

* * *

Уже начало темнеть... Сегодня Денис обещал прийти пораньше, но опять опаздывал. Так было и вчера, и позавчера, и еще раньше... Это — тенденция!

И Ольга испугалась, что у мужа появилась любовница. Если так, то это легко объясняло его задержки... Правда, при этом совершенно отсутствовали другие надежные признаки измены — следы помады на рубашках, женские волосы на пиджаке и запах чужих духов...

Ольга Крутова стала нервничать и совсем запуталась...

Она слышала, что в семейной жизни бывают критические сроки. Это такие годы, когда можно запросто потерять счастливую любовь. Это — народная мудрость! Об этом говорили все, но вот только в цифрах были расхождения.

Пятидесятилетняя соседка Ольги, называвшая себя Марианной, тоже уверяла, что есть периоды, опасные для брака. Это три года, семь лет и тринадцать. Она клялась, что знает об этом по собственному опыту. Она говорила, что эти три даты сидят в ней, как три спицы в сердце.

В первый критический момент Марианна застала мужа с соседкой. Закатила нормальный скандал и простила!.. Через четыре года она накрыла его с секретаршей. Устроила большой скандал и снова простила!.. А через тринадцать лет после свадьбы — стыдно сказать! Соседка застукала своего благоверного с продажной жен-

щиной. Не с дешевкой, а с той, которая по двести баксов в час или пятьсот за ночь... И опять после грандиозной разборки с битьем посуды Марианна простила муженька.

Ольга верила жизненному опыту соседки. Тем более что та подводила к этому научную базу: три, семь и тринадцать — нечетные годы, которые делятся только на себя. А значит, виновата именно математика, а не муж Марианны... Хотя он — ренегат, Иуда и кот мартовский!

С математикой у Ольги Крутовой всегда было плохо, но она уловила, что в этом ряду пропали цифры пять и одиннадцать... Кроме того, у ее подруги Ванды Горбовски все разводы проходили на четных годах супружества — или на втором, или на четвертом...

Денис пришел в одиннадцать вечера. Его вид только усилил подозрения Ольги — муж был не просто усталый, но и взволнованный. И даже возбужденный!

— Ты представляешь, Оля, три часа потерял впустую. И где? Почти рядом с нашим домом.

— А что случилось?

— Взрыв!.. На повороте с Калужского шоссе три машины всмятку!.. Одна вообще на клочки разлетелась, а две другие перемяты и покалечены.

— А люди?

— Люди живы! Только шок и синяки... Ну, это те, которые помялись. А тот, что взорвался, — его и не нашли толком. Так в протоколе и отметили: «...найдены фрагменты тела».

— А ты, Денис, и протокол читал?

— Не только читал! Ты представляешь, мне даже подписывать пришлось... Я был свидетелем! Я спешил домой и решил встретиться с компаньоном на перекрестке Калужского шоссе. И я мельком видел на поляне четыре машины. Потом три уехали, а одна взорвалась... Вот такие дела!.. Что с тобой, Оленька?

— Так ты и сам мог пострадать?

— Вот и нет! Мы стояли далеко от того места... Ты что это, плакать собралась? Почему?

— Почему? Потому, что я люблю тебя очень... Поклянись, что у тебя никого больше нет!

— Клянусь!.. Только не надо так говорить. Мне очень даже обидно.

* * *

Человек всегда чем-нибудь недоволен... До этой простой мысли Ванда додумалась сама.

Теперь у нее было все! У нее был любимый муж — не на два года, не на четыре, а на всю жизнь!..

Они со Славой купили коттедж. И не где-нибудь, а рядом с Денисом и Ольгой... Теперь у нее были деньги на любые тряпки и побрякушки... Теперь у нее была масса свободного времени. Она могла не просто отдыхать, а бездельничать...

Все хорошо! Но безделье очень быстро надоедает!

Ольга Крутова тоже забросила свою адвокатскую практику и помогала Ванде в обустройстве нового коттеджа... Но когда был наведен полный уют, подруги сели в мягкие кресла и задумались — впереди вырисовывалась скучная жизнь. Мужья все в работе. Соседи прячутся по своим норкам. А в телевизоре — один сплошной рейтинг...

— Помнишь, Ольга, ты предлагала открыть детективное агентство?

— Это когда мы клад в Крыму нашли?

— Да... Веселое было время... А может, и правда, подруга, давай попробуем сыщиками поработать?

— Я против, Ванда!.. Это в кино у детективов интересные дела. А к нам пойдут ревнивые жены или дамы с пропавшими собачками... Вот подумай, Ванда, как ты будешь искать сбежавшую болонку?

— Да, ты права! Перспектива не радужная...

— Но слушай сюда, Ванда, если ты хочешь время чем-то занять, то у меня есть интересный вариант...

Их общая соседка Марианна была женой известного продюсера Сикорского. И естественно, что она хорошо разбиралась в искусстве вообще и во внутренней кухне телецентра Останкино...

Недавно она предложила Ольге пойти на платные актерские курсы при каком-то из главных каналов ТВ.

— И в вас, Оленька, и в вашей подруге я вижу яркий талант. Вы созданы для успеха!.. Это так прекрасно! Сотни мужчин будут ловить ваши взгляды... Нет, я не призываю к изменам. Мужья — это святое! Но легкий флирт будоражит кровь. Это ново, ярко, весело. Вы забудете о скуке...

Вначале Крутова и не думала учиться на актрису. Но для интереса она начала узнавать про эти курсы. Оказалось, что их ведет старый артист Рощин. На занятиях он репетирует с народом Шекспира, преподает театральное мастерство и систему Станиславского. К нему в гости приходят известные люди — знаменитые экранные личности. Студентов водят на съемки всяких шоу. Иногда их снимают в массовке или в рекламе...

Уже настроившись идти в Останкино, Ольга

спросила совета у мужа. Денис Носов думал долго. Он пытался объяснить плюсы и минусы этого мероприятия. Его общий вывод таков — артисток из вас с Вандой не получится, но развлечься сможете. В конце концов — появятся интересные знакомства в киношном мире. И это хорошо!

* * *

На первую лекцию Рощин опоздал. В зале собрались студенты трех групп — это не меньше шестидесяти человек. Все были взволнованы началом своей артистической карьеры. Все переговаривались, шутили и гудели, как шмели в банке... Когда прошли десять минут ожидания, публика стала шуметь и откровенно выражать недовольство.

Никто не обратил внимания, как в зал вошла старушка в ярком синем халате. Она поднялась на сцену, подождала минуту, подняла вверх правую руку, и пародируя Петьку из «Чапаева», закричала:

— Тихо, граждане! Рощин в пробке застрял...

Зал замолк... Старушка в синем подошла к трибуне и проверила микрофон. Он работал. Тогда бабуся начала свою лекцию:

— Нехорошо, ребята! Андрей Вадимович на

Сухаревке стоит, волнуется о вас, а вы шалите... Зачем кричите? Вы пришли в храм искусств, а ржете, как лошади... Или выдумаете, что телевидение не храм? Кто из вас считает, что тут балаган, где все продается? Поднимите руки! Не бойтесь, я вас не заложу...

Сразу в зале нашлось семеро смелых... Потом еще несколько человек подняли руки. Но эти были из робкого десятка. Эти тянули ладони не долго и не очень высоко — они как бы поправляли прическу или чесали за ухом.

Женщина, стоявшая на трибуне, осмотрела зал и усмехнулась.

— Не ожидала, что среди вас столько храбрецов... Конечно, вы правы, но лишь частично. Продажность на телевидении есть, но ее везде много. А здесь она видна слишком отчетливо... Вот я раньше работала в театре. Там я могла на актера любой парик нацепить. Припудрила швы, и вали на сцену! Ближайший зритель в десяти метрах — оттуда мелкие детали не видны... А на телевидении — совсем другое дело! Тут каждый волосок, каждая морщинка во весь экран. Любая фальшь видна, как под микроскопом... Грим на телевидении — это высокое искусство!

Зал притих. Некоторые студенты даже раскры-

ли тетради и начали конспектировать. И не зря! «Лекция» была очень забавная...

Гримершу звали красиво — Маргарита Львовна Зинчук. Но она просила всех называть ее коротко — Марго. И в глаза, и за глаза.

За час, пока Рощин прохлаждался в пробке, Марго раскрыла кандидатам в артисты некоторые секреты телевизионной кухни. Прежде всего она рассказала о местном жаргоне.

— Не зная этого языка, вы здесь как слепые котята. Ничего не поймете!.. Вот морской язык знают все. Вам скажут: «Кок после склянок будет на камбузе». И никому не надо переводить. Всем и так ясно — кто, где, когда... А теперь слушайте здешний сленг: «Нам надо ехать в Стакан, просеять лохов, отделить гоблинов и сделать ладушки. Вожак сам расставит мебель...» Кто понял смысл? Думайте...

Зал замер. Студенты думали изо всех сил, и было слышно, как что-то скрипит в их головах. Очевидно, где-то там, внутри, шарики с трудом цеплялись за ролики... Марго выждала минуту и, чувствуя свою победу, продолжила:

— Теперь перевожу... Нам надо поехать в «Останкино», пообщаться с теми, кто будет изображать зрителей в студии. Из них надо выявить и

удалить тех, кто будет мешать передаче, — слишком активных или вялых.

Студенты начали активно записывать. Теперь всем стало ясно, что такое «Стакан» и кто такие «лохи» и «гоблины»... А Марго продолжала:

— Потом вам надо рассадить «лохов» и до передачи заснять смех и аплодисменты зрителей. Потом эти «ладушки» вмонтируют в нужные места...Теперь о мебели. «Вожак» — это продюсер передачи. Он встретит и посадит на первый ряд всяких консультантов, писателей, политиков. Они должны поддакивать ведущему, кивать, улыбаться. Кто-то даже скажет два-три слова. Но фактически их позвали «для мебели»... Ну как, ребята, умею я бантики завязывать?

И опять зал замер. Все поняли, что и это жаргон. Что слово «бантик» это не то, что на косичках у первоклассниц.

— Да, ребята. Для любой передачи бантик как изюминка, как завлекательный и добрый сюжет, который держит внимание зрителя... Это как тигренок, подаренный президенту...

Когда пришел Андрей Вадимович Рощин, лекция стала солидной и скучной. Он говорил о высоком искусстве, о системе Станиславского, о сверхзадаче и вживании в образ...

Крутова и Горбовска чуть задержались в аудитории. Уходя, они столкнулись с Марго, которая поджидала их в коридоре... Старая гримерша взяла Ольгу под руку, подвела к окну и стала поворачивать во все стороны, рассматривая ее лицо.

— Да, так и есть!.. Вас как зовут, девушки?

— Я — Ольга Крутова... А это моя подруга Ванда.

— Отлично!.. Хотите в кино сниматься?

— Конечно, хотим, Маргарита Львовна.

— Меня зовут просто Марго... Так вот, Оленька, вы удивительно похожи на актрису Веру Дубровскую. Знаете такую?

— Что-то слышала, но не помню.

— Да, ее мало кто знает. Она два года назад приехала из Харькова, удачно вышла замуж и вдруг... Трагедия! Просто ужас!

— Что случилось, Маргарита Львовна?

— Недавно муж Дубровской погиб! Взорвался в собственной машине... Понятно, что Вера вся на нервах, а ей режиссер Фурман предложил большую роль.

— И она будет играть?

— А куда она денется?.. Ой, девочки, актрисы — это рабыни обстоятельств! Но ты, Оленька, можешь ей помочь. Ты похожа с Дубровской почти

как две капли. Поверь мне — опытному гримеру. Я немного поработаю *с* твоим лицом, и вас никто не отличит даже на крупных планах... Пока она в трансе, ты будешь ее подменять! Хочешь?

— Хочу... Очень хочу, Маргарита Львовна!

— Я для вас просто Марго... Сейчас я звоню Вере, и мы все устроим. И для Ванды роль найдется...

Гримерша набрала на мобильнике номер и замерла, ожидая ответа...

— Странно, девочки! Что-то Дубровская не отвечает.

* * *

Из лежащего на столе телефона донеслись нежные звуки фортепьяно. Вальс Грибоедова звучал сначала тихо, потом громче, а затем начал работать виброзвонок. Аппарат стал жужжать, дрожать и двигаться по гладкой поверхности стола... Шпунт схватил вибрирующий мобильник, бросил его на диван и прикрыл подушкой.

Николя в этот момент проводил обыск на кухне, а Злотников осматривал кабинет таможенника.

Телефон отключился, но вскоре кто-то позвонил еще раз... Из-под подушки вальсок звучал вяло и жалобно. И вибрировать мобильнику было сложно.

Шпунт победно усмехнулся и подошел к пленнице.

Актриса Верочка Дубровская сидела посреди гостиной, привязанная к стулу. Одежда на ней была спальная — что-то легкое, короткое и кружевное.

Веревки были крепкие, но Шпунт решил проверить, насколько плотно они прижимают тело жертвы. Особенно в районе груди... Он зашел сзади и осторожно начал пропихивать вниз ладони.

Вера вздрогнула, задергалась и зарычала. Если бы не лоскут пластыря на ее губах, актриса сказала бы Шпунту все, что она о нем думает. Она была родом из Харькова и с детства умела отлично выражаться на малороссийском «суржике» — яркой смеси полтавского с нижегородским.

Такое сопротивление только раззадорило Шпунта. Он попытался перейти к более активным действиям, но на шум прибежал сначала Николя, а потом пришел Ефим Злотников. Он, как главарь этого сообщества, не мог допустить анархии и всяких шалостей.

— Ну все, Шпунт, ты меня достал! Убери от нее руки!.. Ты забыл, зачем мы сюда пришли? Так я тебе, Игорек, напомню...

В голову Ефима Борисовича вдруг пришла умная мысль. Он вспомнил байки про то, как менты

нагло разводят подозреваемых, играя в злых и добрых следователей.

Только что Шпунт, не думая об этом, сыграл нехорошего «мента». А он, Фима Злотников по кличке «Червонец», сейчас изобразит доброго дядю.

Ефим выдернул Шпунта из-за стула, встряхнул его и поставил перед пленницей. Убедившись, что Дубровская смотрит на них, Червонец произнес четко и с интонацией благородного графа:

— Я не позволю вам, Шпунт, так обращаться с женщиной!

После этого Ефим Борисович выдержал небольшую паузу и неожиданно правым кулаком врезал Шпунту в левую челюсть.

Нокаута не получилось, но был страшный грохот. Бедный Игорек Фокин отлетел в угол, где стоял большой керамический слон индийской работы... Сам-то слон удар выдержал, но на спине этого восточного гиганта стояла этажерка из бамбука, а на ней пальма в ярком горшке.

После того как голова Шпунта потревожила слона, бамбук заскрипел и зашатался, размахивая пальмой... Наконец все грохнулось! Лежащий на полу любвеобильный Игорь был засыпан землей, зеленью и осколками горшка, который Вера из

Харькова называла красиво — вазон.

Шпунт приподнялся, растирая по лицу чернозем с кровью. Он громко произнес обличительную речь... Если убрать эмоции, то в словах Игоря было всего три мысли: «Это полный беспредел! А что я такого сделал? Ну, ты, Червонец, совсем оборзел».

Смотревший на это Николя не стал выражать солидарность напрямую, но для порядка несколько раз недовольно крякнул... Нет, если по делу, то можно и рожу начистить, но зачем же без повода. Несправедливо. это!

Ефим Борисович сделал предупреждающий жест. И все замолкли... Он приблизился к Вере и начал ласково снимать пластырь с ее губ. При этом Червонец сделал доброе лицо и заговорил отеческим голосом.

— Только не надо кричать. Давайте, Верочка, спокойно поговорим... Мои друзья — хамы! Они не умеют вести себя с женщинами. Но надо и их понять. Ваш муж взял у нас очень ценные вещи. Хотел отдать, но как-то вдруг взорвался... Вы на них больше не сердитесь или мне опять пластырь лепить?

— Нет!.. Я уже не сержусь на них. Очень милые мальчики... А какую вещь не вернул мой муж?

Что вы ищете?

— Это, Верочка, не одна вещь, а несколько. Это такая разная утварь... Ты не парься насчет подробностей! Весь товар был упакован в чемодан. Он такой средних размеров — не кейс, но и не баул. Квартиру мы всю осмотрели — нет его!.. Где чемодан, стерва!

— Я даже не знаю... Может быть, Аркадий его на работе оставил?

— Он не дурак, чтоб такие улики на таможне хранить. Там все борзые и стучат друг на друга.

— А на нашей даче?

— Мы всю прошлую неделю у тебя на даче рыскали. Все цветы-кусты повыдернули. Огород три раза перекопали... Думай, Вера! От этого вся твоя жизнь зависит.

— А если в гараже посмотреть? Там у нас есть погреб.

— Нет теперь погреба! Мы вчера там, как кроты, копались. Все стены обрушили... Думай, девочка! Крепко думай!

— Я пока и не знаю... Друзей у Аркаши не было. С братом он в крепкой ссоре... Чемодан — это не иголка.

— Точно, красавица... Соображай, куда он дел наши вещи. Четыре дня тебе даю. Не вспомнишь,

так всю жизнь будешь играть две роли.

— Какие?

— Бабу Ягу и горбунью-хромоножку...

— Это такая шутка?

— Не угадала, Вера! Это я на полном серьезе!.. И не вздумай сообщать ментам! Если нас возьмут, то у тебя все конфискуют. Голая уйдешь на улицу! Здесь все вокруг ворованное...

* * *

Гримерша Зинчук жила не просто в центре Москвы, а на знаменитой улице — Кузнецкий мост. Она всегда шутила, что от ее дома 150 метров до самых важных мест — до Большого театра, до Тверской, до ЦУМа и до Генеральной прокуратуры.

Квартирка была однокомнатная, но с наборным паркетом, лепниной на бордюрах и неработающей печкой в изразцах. Это не жилплощадь, а миниатюрный дворец. За такое чудо шустрые квартирные маклеры предлагали Марго новую «трешку» в Южном Бутово, но она гордо отказалась. И правильно — зачем ей сто девять квадратных метров у черта на куличках? Да еще с линолеумом и с блеклыми обоями...

То, что Дубровская не отвечала по своему

мобильнику, было не просто странно, а очень странно!.. Гримерша уже год общалась с Верой из Харькова, и та не расставалась с трубкой ни на секунду. Несколько месяцев назад, когда еще не взорвался ее Аркадий, Дубровская горько пошутила, сообщив Марго, что постоянно спит лишь с сотовым телефоном, а с мужем изредка, лишь по большим праздникам...

Шутка шуткой, но Маргарита Львовна начала серьезно волноваться. Когда Дубровская овдовела, гримерша стала опекать ее как мать или даже сильнее — как бабушка. Они часто секретничали о нарядах и мужчинах. Верочка мечтала о том, что еще возможно, а Марго вспоминала о своих девичьих приключениях.

Подходя к своему дому на Кузнецком мосту, гримерша трижды звонила актрисе... Все впустую!

Дубровская объявилась сама!.. В одиннадцатом часу, когда уставшая Маргарита Львовна натянула ночную рубашку, собралась лечь и почитать в постели детектив, Верочка начала звонить в дверь, а потом стучать — громко и нетерпеливо... Вскоре они пили чай с тортом и ликером.

Дубровская рассказала почти все! Все, кроме самого главного... Она умолчала об украденном чемодане и о визите милых ребят — Червонца,

Николя и Шпунта.

Вера и раньше говорила Марго, что у нее появился богатый поклонник. В своем первом фильме она сыграла яркий эпизод. Там по сюжету три подружки сидели на берегу озера. И героине Дубровской вдруг захотелось купаться. Она стремительно разоблачилась и в натуральном виде пошла в воду.

Очень короткий эпизод, но сделан мастерски!.. Одним словом, посмотрев все это, сорокалетний бизнесмен Глеб Барханов воспылал к актрисе чувствами. Он влюбился, как пылкий мальчик, полный страсти нежной... Возможно, здесь был элемент купеческого форса — что хочу, то должно быть мое!

Пока был жив Аркадий Дубровский, Вера регулярно встречалась с Глебом Наумовичем, но интима не предлагала. Мужа она не любила, но изменять ему пока не собиралась... Она разрешала Барханову водить себя в дорогие рестораны, дарить подарки, знакомить с нужными людьми.

Теперь ситуация перевернулась. Когда изменять стало некому, Глеб начал проявлять настойчивость. Сегодня он встретился с Верочкой и поставил вопрос ребром — или она немедленно едет с ним в особняк на Днепре, или полный раз-

рыв!.. Особняк Барханова под Киевом. Это не дом, а замок с участком в три гектара. В прудах осетры, на лужайках павлины... Есть о чем подумать!

— Вы поймите, Марго! Он встал передо мной на колено и сказал: «Или — или. У меня тоже есть гордость...» Что мне делать? Я пока его совсем не люблю...

— Надо, Верочка, ехать к Барханову!

— А любовь?

— А павлины?.. Любовь, она выше денег, но деньги сильнее... Вот посадит он тебя на яхту, повезет в Испанию. А по дороге заходы в Стамбул, в Афины, в Неаполь. Везде роскошь класса «Люкс»... И все! Стерпится — слюбится!

— Здесь, Марго, я согласна. Но меня утвердили на главную роль. Через пять дней начинаются съемки в каком-то Боровске. Если я подведу продюсера с режиссером, то мне никогда не быть актрисой.

Маргарита Львовна встала. Она всю жизнь работала стоя, и так ей лучше думалось... Сегодня днем она познакомилась с Ольгой Крутовой. Это, конечно, не близнец Верочки, но ее двойник. А если пару дней поработать с прической, макияжем и дикцией, то никакой Фурман не отличит.

— Верочка, у тебя есть в съемочной группе

близкие друзья?

— Нет. Все мои друзья в Харькове остались... Из группы я знакома только с режиссером Фурманом. Да и то — шапочно. На пробах перебросились парой фраз... А что?

— А то, милая, что у меня есть план. Они оба будут наши — и Барханов с деньгами, и Фурман с кино... Сейчас я тебе дам адрес одной девицы... Вот она — Ольга Крутова! Это почти твоя близняшка... Ты, Вера, должна поехать к ней и уговорить сниматься вместо тебя. Она авантюристка, она пойдет на эту аферу...

Выходя от Марго, Дубровская похвалила себя за хитрость. Как хорошо, что она не сказала гримерше про трех бандитов. Тогда бы не возникла идея с рокировкой... Теперь бандиты пойдут по ложному следу. Жалко, конечно, эту Крутову, но своя шкура дороже...

Вера вышла на Кузнецкий, видя, что за ней плетется гадкий Шпунт. А еще она знала, что где-то рядом их на машине сопровождает Николя... Теперь она не боялась этой слежки! У нее появился гонор и приятное злорадство. Скоро она всех их облапошит — и бандитов, и киношников, и самого Барханова. Но это если Глеб Наумович не предложит заключить брак в киевском загсе...

А если он предложит, то можно немножко пожить миллионершей... И сразу же, как советовала Марго, на яхту — и в Стамбул, вАфины, в Неаполь, в Марсель...

Дубровская шла по тихому переулку от Неглинки к Сандуновским баням... Она оглянулась — в десяти метрах за ней усталым шагом плелся Шпунт. А еще дальше полз «Опель», за рулем которого сидел Коля Чижов по кличке Николя...

* * *

Ольга не согласилась бы на эту авантюру ни за какие коврижки. Но при разговоре с Дубровской присутствовала Горбовска. А польская кровь всегда кипит от амбиций и эмоций...

Крутова сопротивлялась три часа, но Вера с Вандой просто взяли ее в клещи и методично давили.

Доводов было много... Первый — получение главной роли в фильме. Просто так! Без долгой учебы в театральном вузе, без интриг, без нудных проб, без обязательной режиссерской постели...

Довод второй — Дубровская обещала завтра устроить в этом фильме маленькую роль для Ванды Горбовски. А помощь подруге — святое дело...

Далее — Ольга с Вандой помогут Дубровской

устроить ее личную жизнь. Это благородно! Если Вера станет великой актрисой, то яркий эпизод с рокировкой войдет в анналы и прочие мемуары.

Четвертый — и Ольга, и Ванда приобретут огромный актерский опыт и практику интриг в творческом коллективе.

Пятый — подмена никогда не раскроется. Но даже если их разоблачат, то по законам жанра все трое будут в шоколаде! Творческая раскрутка и народная популярность зависят только от скандала. От любой бузы!..

Шестой — в любом случае это будет яркое приключение, которое запомнится на всю жизнь!

С последним доводом Крутова согласилась безусловно. Этот обман может вылиться в такой незабываемый скандал, что мало не покажется...

Последним возражением Ольги были мужья. Говорить им правду или лгать? Вот в чем вопрос!

Ванда сразу сообщила, что она сторонница компромиссов, консенсусов и женской хитрости. И Денис, и Слава услышат правду, но не всю... Можно сказать им, что Ольге и Ванде предложили роли в отличном фильме «Любовь с видом на море». И это будет правда!.. А то, что Крутова будет играть под чужой фамилией, — это нюанс,

о котором можно сказать чуть позже... Когда?.. После возвращения из города Боровска, где будут проходить съемки.

* * *

Сегодня утром Дубровская сама подошла к Шпунту... За последние четыре дня она сроднилась с этим парнем. При первой встрече он вел себя как хам, хотя его необузданная страсть была ей даже приятна... Но вот в последние дни она гоняла его по всему городу. Она никогда не пыталась оторваться, и он топал за ней с утра до вечера.

Шпунт помнил, что сегодня последний день слежки. Он уже передал Злотникову полный отчет о работе. Это был список мест, куда заходила Дубровская, — жилые дома, коттеджи, магазины, туалеты. И везде время захода и ухода, а также вероятные контакты, если таковые проявлялись. Чистая работа!

За эти дни они не общались, не говорили и старались даже не переглядываться... Но сегодня она сама подошла к нему.

— Вас, кажется, зовут Игорь?

— Ну.

— Очень красивое имя... А Шпунт — это ваш

псевдоним?

— Не!

— Это ваша кличка?

— Ну!

— Я помню, что ваш начальник хотел сегодня ко мне зайти.

— Ну...

— Четыре дня, конечно, прошли, но я только начала вспоминать подробности. Вы, Игорь, не могли бы попросить вашего главаря об отсрочке. Мне нужен еще один день... Вы его попросите, Игорек?

— Ну!

— Что «ну»? Ты как попугай заведенный! Ты что, Шпунт, других слов не знаешь?.. Так ты передашь Червонцу мою просьбу?

— Конечно, передам! Нет базара!.. Я еще это... Ну, я хотел тебе сказать. Ну, то, что я зря тебя тогда щупал. Очень захотелось — удержаться не смог!.. Ты извини!

— Ладно, Игорь, проехали!.. Только обязательно передай мою просьбу. Если заявитесь сегодня, то я вообще ничего не вспомню...

* * *

Дубровская подумала, что из нее могла бы получиться разведчица. Это только недалекие люди считают всех женщин трепачками... Нет! За четыре дня она встречалась с разными людьми — с соседками, с портнихой, с Марго, с Ольгой Крутовой, с Вандой и, наконец, со своим будущим женихом, с Глебом Наумовичем Барханом. И никому, даже намеком, Вера не сказала о трех бандитах и их чемодане... Если вся комбинация сработает, то Крутова по ее паспорту поедет на съемки в Боровск. За Крутовой побежит Червонец со своими Шпунтами, а она сама ляжет на дно в особняке с павлинами... Мата Хари отдыхает!

Продюсер фильма Артур Умнов закупил для съемочной группы два вагона СВ. Это говорило о щедром финансировании сериала «Любовь с видом на море». Обычно актеры второго плана, звукооператоры и всякие там костюмеры ехали в купейном, а то и в плацкартном...

Поезд уходил в Боровск сегодня в восемь вечера. Курьер уже доставил билеты для нее — актрисы Веры Дубровской, и для ее подруги Ванды Горбовски, которой обеспечена маленькая роль... Все идет по плану!

В три часа дня к Дубровской приехала Марго со своим волшебным чемоданчиком... Она только успела разложить на трюмо грим, парики, краски, как раздался еще один звонок. Это пришла Ольга.

Крутова была не похожа на себя! На ней было нелепое яркое платье с турецкими огурцами, рыжий парик и темные очки... Дубровская бросилась к ней, как к лучшей подруге.

— Оленька, ты извини, что я попросила тебя так нарядиться. Я не хочу, чтоб соседи заметили мой уход... Я сейчас надену это заметное платье, напялю твой рыжий парик, и все подумают, что не я выхожу из дома, а та, которая ко мне пришла.

— Вера, вы сразу к жениху?

— Да, Глеб ждет меня... Если и правда свадьба получится, то я ваша должница по гроб жизни — и твоя, Ольга, и ваша, Марго.

Крутова вытряхнула на кровать все содержимое своей сумочки и протянула ее Дубровской. Потом она стянула с себя платье и осталась в одном купальнике.

В свою очередь Дубровская выложила на кровать свою одежду, в которой ходила эти четыре дня. Сверху бросила свой мобильник, паспорт, билеты до Боровска и ключи от квартиры.

— Вот и все, Ольга! Теперь ты не Крутова, а Дубровская... Сейчас Марго тебя подправит, и мы сами запутаемся — кто есть кто!

— Но это только на время съемок?

— Это, Оленька, как получится... Свои чемоданы я для тебя собрала. Но ты командуй в этой квартире, будь хозяйкой... Ванда сюда приедет?

— Да, через час.

— Вот и хорошо! А ровно в семь за тобой заедет продюсер.

— За мной?

— Он заедет за актрисой Дубровской. А значит — за тобой... Привыкай, Оленька! Откликайся на имя Вера, ну и все такое... Продюсера зовут Артур Умнов. Мужику за пятьдесят, но очень любит молоденьких женщин. С ним надо осторожно.

Тем временем Дубровская натянула платье с огурцами, рыжий парик и темные очки. Подхватив сумочку, она пошла к двери. Уже на пороге она остановилась и развернулась.

— Спасибо вам, Марго... И тебе, Ольга, спасибо! Не волнуйся. Все будет хорошо. Ты разговаривай со всеми понахальней... Я только так и делала!.. Гримируйтесь, дверь я сама захлопну...

Через час, когда пришла Ванда, перевоплощение было закончено.

Ольга надела платье актрисы и впервые взяла в руки свой новый паспорт, в котором значилось: Дубровская Вера Давыдовна, уроженка Харькова...

* * *

Когда рыжая девка выкатилась из подъезда, Шпунт задержал взгляд на ее обнаженных плечах. Они очень симпатично двигались во все стороны... А на пояснице и чуть пониже желтели на зеленом платье корявые турецкие огурцы...

Шпунт заметил Рыжую, когда она входила в дом. Это было сорок минут назад... А сейчас она неторопливо удалялась, и привлекательные огурчики колыхались во все стороны... Он проводил ее взглядом, облизнулся и опять уставился на дверь в подъезд.

За два часа не произошло ничего примечательного. Никто не выходил. А вошла в дом всего лишь одна девушка, приехавшая на такси. Она была вся в красном и колыхалась, как победный флаг. И шла она не одна. С ней был огромный баул, который своими китайскими колесиками никак не хотел ехать по нашему щербатому асфальту.

Самое страшное для Шпунта началось через час. Под окна Дубровской лихо подкатил микро-

автобус «Форд», в котором уже сидели веселые пассажиры — человек пять-шесть... Водитель призывно просигналил, а из машины вышел какой-то франт, который направился в подъезд.

А еще через десять минут этот самый франт вывел из подъезда Дубровскую с двумя чемоданами и красную девицу с непослушным баулом... Они начали грузиться в «Форд», а Шпунт бросился к своему «Опелю», доставая на ходу мобильник.

Он хотел позвонить шефу, хотя заранее знал, что скажет ему Фима Злотников... Червонец не любил менять свои приказания. Он сказал: «Следить за Дубровской, куда бы она ни пошла...» Вот и следи!

На вокзале Шпунт до самых бровей натянул синюю бейсболку. Ему не хотелось, чтоб Дубровская увидела его здесь. Если она решила сбежать, то пусть думает, что оторвалась от слежки... Он несколько раз степенно прошел вдоль съемочной группы, которая собиралась на краю платформы. Компания была веселая и шумная. Не надо было даже прислушиваться, чтоб узнать все их тайны.

Не упуская из виду киношников, Шпунт еще раз позвонил Ефиму Борисовичу — шеф должен немедленно узнать все новости.

— Фима, я просто в полной панике! Тут на пер-

роне полно артистов. Они все садятся в поезд до Боровска.

— Зачем!

— У них у всех там съемки. Я так понял, что они планируют сидеть там до конца лета.

— Ясно... А Дубровская где?

— Так она уже в вагоне. А с ней подружка. Она вся в красном.

— А как зовут подружку? Не знаешь?

— Знаю, Червонец!.. Я про это случайно подслушал. Дубровская два раза назвала ее Вандой.

— Значит — она полячка. Очень странно!.. А ты молодец, Шпунт! Разведчик!.. Вот и продолжай следить.

— Как?

— Срочно уговори проводницу, садись в этот поезд и провожай Дубровскую до места съемок... А мы с Николаем приедем, если надо... Ты понял?

— Понял... Ефим Борисович, тут у вокзала мой «Опель» остался. Забрать бы его...

— Не мелочись, Шпунт! Мы великое дело делаем, а ты о своей железке волнуешься.

* * *

За год, который прошел после свадьбы, Денис Носов ни разу не пожалел о своем выборе. Его

Ольга — большая умница, хотя и адвокат. И вообще — она прелесть во всех отношениях! Он ее любил, а значит, на эмоциональном уровне не видел в ней никаких недостатков.

Но Денис был человеком мыслящим, и где-то в глубине черепной коробки несколько вредных извилин плели свои сети, подбрасывая гадкие мыслишки.

Например, так... Почему у них до сих пор нет детей, хотя они активно работают в этом направлении?.. Ольге Крутовой уже перевалило за тридцать, и пора бы!

Или другой вопрос — почему она так легко отказалась от адвокатской карьеры и стала простой женой при нем, успешном бизнесмене?

А в последний месяц странности в поведении Ольги посыпались, как из рога...

Она начала ревновать Дениса и даже пыталась следить за ним... Это кому она не верила?!. Ему, который даже в мыслях никогда не помышлял!

Теперь другая странность — Ольга с Вандой задумали создать свое детективное агентство... Бабы-сыщицы? Смешно!..

Денис и Слава Зуйко упорно убеждали жен отказаться от этой затеи... В ходе споров возник аргумент, что для обывателя женщина-сыщик

— это мисс Марпл. А у той был возраст побольше, чем у Ольги и Ванды вместе взятых.

Девушки отказались от карьеры детективов и вдруг пошли на курсы в Останкино — учиться на актрис... Но и этого мало! Им сразу поступили предложения главных ролей в какой-то мелодраме.

Отговорить их невозможно, а съемки где-то в Боровске. Это недалеко от Азовского моря...

Денис верил жене стопроцентно, но не абсолютно!.. То есть он доверял, но решил проверить.

А что такого? Месяц назад Ольга собиралась за ним следить?. Вот теперь он отплатит той же монетой... Да и не в платеже дело! Ванда импульсивна и простовата, Ольга — добрая, чистая, наивная душа. Их могут завлечь в криминальную авантюру! А как спасать?.. Боровск-то далеко, а информации про эти съемки — ноль!..

Крутова и Горбовска упросили мужей не провожать их в Боровск. Ну, в творческой среде не принято, когда проявляются родственники из другой сферы... Супруги-актеры — пожалуйста, певица и продюсер — ради бога! Но муж бизнесмен — это извини, подвинься!

Вечером, когда поезд «Москва — Боровск» был уже где-то в районе Тулы, в коттедж Дениса Но-

сова пришел сосед — Славик Зуйко. С ним был ящик, в котором приятно позвякивали бутылки доброго пива.

Зуйко был зол, обижен и мрачен.

— Ты подумай, Денис! Мы для них всё, а они даже проводить не пустили... Они нас бросили! Ты согласен?

— Ты, Славик, не торопись. Садись и доставай свое пиво... А насчет «бросили», так я бы даже усилил. Они нас кинули!

— Именно, Денис!.. Я чувствую, что все здесь очень странно. Не успели они попасть в Останкино, как им главные роли предлагают! Так бывает?

— Так не бывает.

— Вот!.. И фильм какой-то странный — «Любовь с видом на море»... Это намек на поездку в Боровск или как?

— Или как!.. Ты остынь, Слава! Я знаю чуть больше, чем ты...

— Как это?

— А вот так... Вчера я нанял детектива — Бориса Кукина. Говорят, это лучший сыщик в Москве... Это я не затем, чтоб следить, а для охраны.

— Молодец, Денис! Очень правильный шаг... Но уже что-то есть?

— Есть!.. Час назад Кукин позвонил и передал первый отчет... Так вот. Действительно, съемочная группа фильма едет в Боровск. Нашим девочкам выделили отдельное купе, типа «СВ»... Все бы хорошо, но мою Ольгу и на перроне, и в вагоне все зовут Верой Дубровской.

— Очень прикольно... А мою как зовут?

— А твоя как была Вандой, так Вандой и осталась.

— Полный финиш!.. И как нам быть?

— Берем, Слава, отпуск на две недели и едем в Боровск... Говорят, что это не город, а сказка.

* * *

Первый час прошел в нервной суматохе. Так всегда бывает после посадки в поезд. Надо вытащить из сумок самое нужное, распихать все вещи, переодеться...

После переезда через Оку, когда позади осталась Московская область, все в поезде успокоилось и вошло в нормальный дорожный ритм.

Крутова с Вандой нацепили спортивные костюмы, забрались на мягкие диваны и стали шепотом обсуждать проблемы. Говорили тихо потому, что разговор был секретный.

— Послушай, Ольга. Я тебя последний раз назы-

ваю Ольгой. Ты на эти два месяца должна стать Верой Дубровской... Повторяй постоянно: «Я Вера, Вера, Вера...»

— Сейчас попробую... Я Вера, я Надежда, я Любовь... С тобой не получается! Это надо в общении с кем-то чужим.

— Это, Верочка, тебе скоро предстоит! Ты заметила, как на тебя режиссер смотрел?

— Это Фурман?.. Заметила!

— Этот Вадим Семенович на тебя, Крутова, запал... Ну, в том смысле, что он на тебя, Дубровская, не просто смотрел. Он тебя гладил глазами. Постепенно так — плечи, грудь, живот...

— Хватит, Ванда! Противно!.. Но я и сама это заметила. Он смотрел, как раздевал.

— Вот! Это только начало... Я слышала, что все режиссеры всех актрис через себя пропускают. Говорят, что в интересах искусства. Им легче потом на площадке работать.

— Слышала я, Ванда, эти слухи... А еще говорят, что и женские роли так и распределяются: вечером постель — утром роль, днем постель — вечером роль... Мне интересно, Вера Дубровская уже расплатилась с Фурманом или этот Вадим Семенович от меня чего-то захочет?

— Обязательно захочет!.. Режиссеры — они

ненасытные.

* * *

Борис Кукин был легендарной личностью. Ему было около сорока лет, и половину жизни он занимался частным сыском... За последние годы он раскрыл несколько громких дел, которые у ментов числились в «глухарях».

В газетах о его подвигах не писали, но среди московских бизнесменов пошел слух о ловком детективе Кукине. Он сразу перешел в категорию сыщиков высшего разряда, а это слава и хорошие деньги.

Дело, предложенное Денисом Носовым, на первый взгляд ему не очень нравилось. Нет яркой изюминки — ни убийства, ни похищения, ни крупного наследства... Но Кукин взял крупный аванс и пообещал честно отработать десять дней.

Сразу же, еще на платформе, Борис понял, что предстоит разгадывать тайну — почему жена заказчика Дениса Носова вдруг сменила имя с фамилией.

То, что перед ним не Дубровская, а Крутова, сыщик узнал сразу — с первых слов Ванды. Она попеременно называла подругу то Верой, то

Ольгой...

И там же на перроне появилась еще одна тайна — парень в синей бейсболке и с криминальной внешностью. Он явно следил за Ольгой, женой заказчика...

Когда Кукин с большим трудом устроился в поезде до Боровска, он вдруг обнаружил, что «синяя бейсболка» с несчастным видом сидит в соседнем купе.

* * *

Последний раз на поезде и Ольга, и Ванда ездили два года назад. Тогда они вели себя как близняшки — их свадьбы со Славой и Денисом отмечались в один день. А потом обе пары молодоженов отправились в Крым... Богатый и счастливый Носов постарался шикануть — купе были в два раза больше, чем это «СВ».

Но это было давно. Сейчас они в сторону моря ехали одни. А мужья остались в суетливой Москве... Впрочем, суеты хватало и здесь, в актерском вагоне.

По коридору постоянно бегала толстая Галина, ассистент режиссера. Она периодически выкрикивала фамилии, вызывая людей к Умнову или Фурману. Она распределяла талоны в вагон-ре-

сторан. Она уточняла размещение актеров в гостинице города Боровска... Здесь впервые прозвучало, что они будут жить в старой «Азалии». Это самый шикарный отель, в котором снимали номера Распутин, Вертинский, Гагарин и Киркоров. Правда, они не встречались, так как жили здесь не одновременно...

После ужина за окнами стемнело и суматоха поутихла. В каждом купе стали готовиться спать.

Ольга с Вандой уже постелили, когда в дверь вкрадчиво постучали... Горбовска шепотом произнесла польское ругательство «Пся крев!» и открыла — на пороге стоял режиссер Вадим Семенович Фурман.

В свои сорок с хвостиком он выглядел не очень... Толстоват и лысоват, но с большим гонором и маслеными глазами.

— Я к вам, девочки... Собственно, мы с продюсером только что обсуждали вашу роль, Ванда. Она планировалась как очень эпизодическая, но все можно поменять... Вы ступайте, Горбовска, к Умнову. Попробуйте уговорить его, покажите себя со всех сторон... Идите же, Ванда. Артур ждет.

И Ванда ушла... А что было делать?..

Фурман закрыл дверь, подвинул к краю одеяло и сел, устремив на Ольгу страстный взгляд.

— Я думаю, Вера, что наша первая встреча не была случайной!

— Вы это о чем, Вадим Семенович?

— Как о чем?.. Тогда после проб я был, конечно, пьян. Но я хорошо помню, что ты была великолепна... Почему ты не осталась у меня на ночь?

— Потому и не осталась!.. Вероятно, хотела сохранить приятные воспоминания. Такие встречи — это всплеск эмоций! Они как день рождения.

— В каком смысле?

— В том, что они бывают только раз в году.

— Не понял тебя, Дубровская!.. Ты намекаешь, что мне теперь год ждать?.. Не шути так. Это жестоко!

* * *

Шпунт тоже попытался поселиться в «Азалии», но мест не было в принципе!..

Продюсер Умнов очень удачно выбрал гостиницу. Разместилась вся съемочная группа из двух вагонов, и еще осталось десять резервных номеров — для складских целей, для костюмерной, для гостей, для опоздавших артистов. Но для случайных граждан типа Шпунта мест не было...

Вся «Азалия» начинала жить под знаком съемок многосерийного шедевра с названием «Любовь с

видом на море»...

Но Шпунт ничего этого не знал. Он свято верил, что за деньги можно получить все! В крайнем случае — за большие деньги... Ну, в самом крайнем — за очень большие...

Когда все киношники расселились и утащили свои вещи в номера, Игорек Фокин почти час пытался уломать главного администратора. Это была дородная женщина в возрасте, который сразу следует за «бальзаковским». Это где-то в районе сорока пяти или пятидесяти лет... Ее звали Кира Петровна.

Шпунт очень пытался ей понравиться. Он шутил, ловко рассказывая рискованные анекдоты. Она смеялась, смущалась и игриво махала рукой: «Ах, какой шалун...» Контакт установить удалось, но номер она так и не давала.

После заигрывания Игорек перешел к подкупу... Он вытащил пачку долларов и стал ею играть, тасуя купюры, как карты.

— Здесь, Кира, тонна баксов! Хочешь?

— Хочу... Но свободных номеров нет.

— А если подумать?

— Есть у меня квартирный маклер. Он сделает любую квартиру. Хочешь — в самом центре, а хочешь — рядом с нашей «Азалией»... Завтра в де-

сять сменюсь и отвезу вас к нему. Вы согласны?

— Нормальный вариант... А где я до утра буду кантоваться?

— В моем номере. В служебном люксе... Правда, там всего одна кровать, но она широкая.

— Не бери в голову, Кира!.. Как-нибудь поместимся.

* * *

Всю ночь Ванда читала сценарий. Продюсер Артур Яковлевич увлек ее заманчивой идеей — сюжет фильма вполне можно расширить, введя новый персонаж. Специально для нее, для Ванды Горбовски. Это будет подруга главной героини со своей сложной судьбой и со своей любовной линией.

Тогда при разговоре в купе Умнов был очень убедителен. Он — продюсер, а это самый главный человек в кино. Кто платит деньги, тот девушкам и роли раздает!

Артур попросил Ванду соблюдать творческую тайну. Надо сначала продумать новый образ, дополнить сценарий, прорепетировать, а потом поставить режиссера перед фактом.

Пришлось молчать даже с Ольгой. А это для Ванды было самым страшным испытанием...

На следующий день после приезда и размещения в «Азалии» съемочная группа отправилась на место основных съемок. Это был дачный поселок «Дубрава» на берегу маленькой лесной реки со странным названием Тырма.

В эту первую поездку взяли всех. Это был праздничный день — начало съемок!.. Предполагались речи, банкет с коньяком и шашлыком, а в конце — народные гуляния.

От гостиницы «Азалия» до дачной «Дубравы» было всего тридцать километров. Но природа в этих местах отличалась кардинально. Здесь не рощи и холмы, как в окрестностях Боровска, а горы и леса... Понятно, что это не Кавказ, не Альпы и даже не Карпаты, но склоны не ниже Воробьевых гор. И все это какое-то натуральное, природное — с корявыми березами и кустами можжевельника.

Для большинства съемочной группы это был не первый фильм, и каждый киношник знал свой маневр... Кто-то вытаскивал из автобуса и расставлял на поляне банкетные столики, кто-то разложил четыре мангала и разжигал в них сухие ветки, добавляя привезенный с собой уголь, кто-то устанавливал на рельсы штатив с камерой... Это рабочее место оператора и стало потом

самым главным объектом торжества.

Когда все было готово к банкету, Умнов дал команду, и вся съемочная группа собралась около камеры.

Режиссер Фурман подал первую команду: «Внимание! Мотор». И сразу же под объектив выбежала ассистент Галина. Она красиво щелкнула хлопушкой, на которой было написано: «Любовь с видом на море»... Кадр 1... Дубль 1».

Теперь все развернулись к камере, а Вадим Семенович поднял над головой большую и красивую тарелку... Выдержав паузу, он с размаха грохнул этот фарфоровый диск о ножку штатива!

Блюдо разлетелось вдребезги, и вся группа бросилась собирать осколки. Каждый брал по одному, и это было символом удачи. Если бы кому не досталось — плохая примета!

Но осколки тарелки достались всем, и Умнов провозгласил первый тост... Дальше банкет стал раскручиваться сам собой. Свой умный спич сказал режиссер. Сразу за ним оператор. Потом сценарист. Затем главный герой-любовник Миша Маков.

Участники банкета уже плохо слушали тосты, но Миша попытался дать слово своей партнерше,

«гениальной актрисе Вере Дубровской»... Ольга не стала отнекиваться. Она подняла пластиковый стакан и что-то сказала о своей радости, о счастье работать в таком дружном коллективе... Все закричали «Ура!» и еще раз дружно выпили...

Продюсер Умнов тоже закричал «Ура!» и осторожными боковыми шагами приблизился к Ванде, которая около столика наполняла свой стакан для очередного тоста. Ее глазки горели торжеством... Еще бы! Если Крутова будет играть под чужой фамилией, то Горбовска получает свою роль! Более того — сам Артур Умнов предложил расширить ее роль. Это значит только одно — то, что продюсер увидел в ней талант...

— Артур Яковлевич, я так рада. Я всю ночь думала о вашем предложении... Я буду играть гениально. Обещаю!.. Давайте выпьем за мою новую роль.

— Давайте выпьем!.. Но не здесь. Я тут приглядел место для вашей первой съемки. Можем его осмотреть и даже сразу прорепетировать.

— Конечно, Артур Яковлевич... А это далеко?

— Нет... Вот там в лесу. За холмом. Там, где гора начинается.

Умнов начал потихоньку отходить к автобусам. Ванда осторожно пошла за ним. Она поняла, что

пока все связанное с ее ролью — это секрет... Но никто и не заметил их ухода. Толстая Галина вместо тоста начала петь острые частушки и полностью отвлекла на себя внимание съемочной группы.

Умнов взял в автобусе сумку, из которой торчало одеяло. Это было странно, и Ванду посетили смутные подозрения.

— Артур Яковлевич, а зачем нам одеяло?

— Ты вот что, Ванда, зови меня просто Артур, и давай на «ты»... Мне, конечно, сорок с большим хвостиком, но и тебе пошел четвертый десяток. Мы — почти ровесники!.. Согласна?

— Согласна... Так скажи мне, Артур, зачем ты взял одеяло?

— Это, Ванда, реквизит! Если нам с тобой репетировать, то это надо делать в полную силу, а не лишь бы как!.. Первая твоя сцена сидячая. И я не хочу, чтоб ты на голой земле, где муравьи и всякое такое... Поняла?

— Поняла...

Они сразу спустились в ложбинку, прошли сотню метров и за холмом вошли в старый сосновый лес. Здесь, в стороне от дороги, на берегу ручья Умнов указал на маленькую поляну.

— Отлично, Ванда! Солнце у нас сзади — зна-

чит, камеру поставим здесь. А ты сядешь вот тут, под рябиной... Сюжет такой: ты грустишь, ждешь любви, и вдруг появляется он!

— Кто?

— Твой любимый!.. Скажем так — он преподаватель из института, где ты училась. У вас был роман, но пять лет назад вы расстались.

— Почему?

— Из-за глупой ссоры!.. Ты, Ванда, не уходи в детали. Это мы потом сочиним... Итак — вы вдруг встречаетесь, и между вами вновь вспыхивает чувство. Ураган страсти!

Умнов выхватил из сумки одеяло и постелил его на мягкую травку. Потом он нежно взял Ванду за плечи и усадил под рябиной. А сам продюсер отошел на несколько метров, пытаясь найти удачное место для кадра.

— Начинаем репетицию... Ванда, ты вошла в роль?

— Вхожу... Но я не поняла, Артур, что мне играть? У меня пока текста нет.

— Нет и не надо! Это будет немая сцена... Ты работай по системе Станиславского. Вживайся в роль. Возбуждай в себе страсть... Потом появится твой любимый, а ты уже вошла в образ.

— А кто будет моим партнером?

— Я!.. Да, и я хочу сняться в этом фильме! И именно с тобой... Так, собрались! Начали!

Умнов изобразил из ладоней камеру, направил ее на Ванду и замер, показывая, что съемка началась...

У Горбовски было высшее гуманитарное образование. Она слышала и про МХАТ, и про Константина Сергеевича, и про актерское перевоплощение... Она быстро попыталась убедить себя, что любит Умнова. Вернее, того, кого он будет играть... Она его сильно любит! Очень!..

Мысли путались, а любовь не приходила... От отчаянья Ванда сложила руки, как для молитвы, и закатила к небу глаза. От злости и отчаяния из глаз потекли натуральные слезинки. Она стала похожа на трагический персонаж, на кающуюся Магдалину.

Умнов решил, что настало его время! Он прекратил изображать кинокамеру и рванулся к Ванде.

Это было как в немом кино. Артур Яковлевич упал перед Вандой на колени, раскрыл объятья и долго смотрел пронзительным взглядом... А Горбовска хлопала глазами и тоже пыталась играть пылкую любовь. Она думала, что на этом их сцена и закончится.

Но нет!.. Умнов схватил Ванду в охапку и стал целовать. Сначала шею, уши, щеки... А потом он впился ей в губы!

Ванда всегда считала, что киношные поцелуи — имитация. А особенно на репетициях. Чуть прижмутся сжатыми губами и изображают!.. А этот умник сжал ее, как медведь, и работал по полной программе! Он даже попытался завалить ее на одеяло, но Горбовска вывернулась и отстранилась.

Они стояли на коленях лицом друг к другу. Оба были злы и тяжело дышали... Возможно, через две-три минуты они бы восстановили дыхание, успокоились и разошлись полюбовно. Но гордая полячка решила отомстить за слегка поруганную честь.

Ванда сжала кулак правой руки, размахнулась и ударила, пытаясь попасть в продюсерскую челюсть... Но Умнов когда-то занимался спортом. У него была реакция! Не очень хорошая, но была... Он не отклонился, а чуть наклонился, и Горбовска промазала. Она попала Артуру не в челюсть, а в глаз.

Продюсер упал на спину, застонал и три минуты катался на одеяле, прикрывая ладонями лицо. А когда опять встал на колени и опустил

руки, то Ванда поняла, что рука у нее тяжелая. Под левым глазом Умнова сверкал объемный бугристый фингал. Этот синяк был чем-то похож на половинку фиолетового помидора.

— Ой, Артур Яковлевич. Как это я вас неловко... Что теперь делать?

— А там что, Ванда? Очень сильно видно?

— Не то слово! У вас там крупный фонарь, размером с мой кулак.

— Я так и думал... Значит, так! Будем всем говорить, что мы искали место для съемок. Я у ручья поскользнулся и ударился о пень...Ясно?

— Мне-то ясно. Но никто не поверит.

— Это если один раз сказать. А когда мы будем повторять многократно, то сперва засомневаются, а потом поверят... Ну, ты, Горбовска, молодец!

— Вы на меня не злитесь?

— Ни в коем разе!.. Я же не первый год продюсер. Любая актриса мне бы тут все услуги. Даже противно!.. А вот так, как ты... В тебе есть что-то настоящее! Это даже приятно. Но очень больно...

* * *

Борис Кукин работал один, и он не мог разорваться. В день приезда сыщик довел съемочную группу до «Азалии». Сразу началась суматоха с

разбором вещей и багажа. У окошка администратора артистки делили номера — кому «люкс», кому «полулюкс», а кому и двухместный номер с туалетом в коридоре...

Здесь же в холле гостиницы околачивался парень в синей бейсболке. Он явно собирался поселиться рядом с артистками.

Все выглядело спокойно, и Кукин решил в центре Боровска найти контору, которая даст автомобиль напрокат... Такое и в Москве не найти, а уж в этой провинции и подавно. Но у Бориса был свой гонор. Он считал, что нет таких крепостей, которые он не мог бы взять... И опять же, у него не было выхода. За съемочным автобусом пешком не набегаешься!..

Машину Кукин нашел лишь к вечеру. Для этого ему пришлось вспомнить, что он бывший мент. Он обратился к своим коллегам и быстро нашел однокурсника по Высшей школе милиции.

Майор Мурат Камалов вспомнил Кукина с трудом. На курсе было сто двадцать человек — всех не запомнишь!.. Но преподаватели у них были общие. И плац, и стрельбище, и столовая, и кассирша Валентина — все было общим!

Они забежали в соседний ресторан, и Кукин заказал банкет на скорую руку... Они неторопли-

во выпивали и вспоминали свое «кадетство». В удобный момент Борис плавно перешел к своей проблеме — очень нужна машина!.. Майор Камалов быстро врубился и сказал, что решит вопрос в одно касание. Он наполнил рюмки и произнес тост о гостеприимстве, о кавказских обычаях, о воинском братстве.

Потом Мурат красиво извинился и намекнул, что решит вопрос с машиной, но не бесплатно! Под большим секретом он сообщил, что коррупция проникла даже в УВД Боровска.

— Поверь мне, Борис, у нас всё воруют и всем торгуют.

— Верю, Мурат!.. Я готов заплатить. О какой сумме идет речь?

— Ты, Боря, только не подумай, что это я себе! Ты мне веришь, Кукин?

— Верю, Мурат?.. Сколько денег готовить?

— Пятьсот...

— В какой валюте?

— Ну, не в евро же... Пятьсот долларов!

Кукин выложил нужную сумму, и через двадцать минут майор Камалов подогнал к ресторану яркий джип с берегов Волги... Они обмыли сделку, и сыщик на два месяца получил ключи от красной «Нивы».

Хозяином этой машины был мелкий бизнесмен. Но он был человек не местный. Бедняга недавно приехал в Боровск с Урала. После долгого пути мужик расслабился, крепко выпил, сразу же с кем-то повздорил и «нанес потерпевшему тяжкие телесные повреждения». Стараниями Мурата Камалова «труженик Урала» надолго сел в СИЗО... Его красное авто без дела стояло во дворике УВД. Так зачем добру пропадать? Техника должна работать!

Кукин понимал, что красная машина — не подарок для сыщика. Слишком приметно!.. Но выбирать не приходилось...

Только к полуночи Борис нашел себе ночлег — он снял маленькую комнату в доме, из окон которого была видна «Азалия»... Хозяйка жилплощади — древняя старушка с красивым именем — Прасковья Даниловна. Рождена она была во времена нэпа или еще раньше — в период Гражданской войны.

Кровать в каморке была старая, с тремя перинами из птичьего пуха. Кукин лег и не просто сразу заснул, а провалился в приятный крепкий сон... В полдень его разбудила хозяйка, успевшая сварить кофе из желудей, ячменя и какого-то цикория. Прасковья Даниловна сказала, что помнит

этот рецепт еще с детства...

После завтрака Борис начал работать. Он перешел улицу и открыл массивную дверь отеля «Азалия».

В час дня в холле было тихо... Администратор Кира Петровна, оформлявшая артистов, недавно сменилась и уехала на дачу. Теперь она появится здесь лишь через три дня. А новая «хозяйка гостиницы» убеждала Кукина, что у нее живут лишь московские артисты, и никто другой не мог здесь поселиться. Никаких «синих бейсболок»!

С большим трудом, используя свое мужское обаяние, Кукин узнал две важные вещи... Первая — артистки по имени Ольга Крутова в группе нет!

И вторая — актриса Ванда Горбовска вместе с подругой Верой Дубровской поселилась в люксе № 306.

* * *

Кира Петровна умела быть благодарной. Утром, передав дела сменщице, она вывела Игорька Фокина через черный ход. Их уже ждал квартирный маклер Константин Романов. Перед дверью в его контору Кира начала прощаться со Шпунтом.

— Я, Игорь, буду дежурить через три дня. При-

ходи опять... На всю ночь.

— Посмотрим. Я пока не знаю, как там и что...

— Ты не хочешь? Тебе не понравилось? Ты считаешь, что я старая, толстая и скучная?

— Да нет! Ты, Кира, очень даже ничего. В самом соку!.. И не худышка какая-то. Я как раз пышных люблю.

— Муж у меня хороший. Даже ласковый, но только на словах.

— Он что, Кира, старше тебя?

— Старше! На целых пятнадцать лет... Он еще мог бы, но вот в этом смысле совсем отключился... Ты приходи, Игорек! С тобой так хорошо...

— Я постараюсь!

Кира Петровна улыбнулась, и ее глаза засверкали надеждой.

Она уходила, чувствуя, что у нее появилась давно забытая походка — летящая, легкая, девичья. Так она порхала двадцать-тридцать лет назад... А еще ей казалось, что Игорь смотрит ей вслед, любуясь ее пышными формами...

Все так и было. Он действительно смотрел, но не так долго, как ей хотелось...

Потом Шпунт пошел к местному риелтору Романову. Тот быстро понял задачу — на месяц или два нужен отдельный дом с подвалом. Желатель-

но не в городе, а в его окрестностях — где-нибудь на природе, на окраине леса.

Константин сразу же начал листать тетради, щелкать по клавиатуре компьютера, звонить кому-то...

Через час они уже осматривали особняк в сосновом бору... Риелтор показывал спальни со светомузыкой, гостиную с камином и кухню с горячей водой. Но клиента интересовало другое...

Когда с первого этажа они спустились в подвал, Шпунт сразу понял, что его кореша будут довольны...

Снять дом ему поручил Злотников. Он созванивался с ним вчера, и Ефим Борисович подробно описал свои требования к дому. Особенно Игорю запомнилось такое пожелание Червонца: «...И обязательно глубокий подвал без окон. Это чтоб ее крики никто не слышал».

Подвалы в особняке были — три штуки. Правда, в каждом было маленькое окошко под потолком. Но Шпунт сразу прикинул, что его можно заткнуть обычной подушкой. И — тишина!.. Дорогая Вера Дубровская может орать во всю глотку. Дом стоит на отшибе, участок огромный, а за высоким забором ни одна белка не услышит актерские вопли...

Довольный Игорек Фокин передал Косте задаток тысячу баксов, а взамен получил ключи от коттеджа.

Это были последние деньги Шпунта, но больше ему и не нужно.

Червонец и Коля Чижов уже в дороге. Завтра к обеду они на двух машинах приедут в этот затрепанный Боровск. В первый день они, конечно, захотят расслабиться и отдохнуть — прошвырнуться по местным кабакам. А уж потом предстоит работа. Привычное дело — слежка за артисткой, выбор подходящего момента, захват объекта и транспортировка тела к месту допроса... А там, в подвале, у этой Дубровской язык-то развяжется. Можно не сомневаться!

А еще была у Шпунта особая нежная мечта — он хотел сделать с этой актрисочкой то, что не успел в прошлый раз...

Игорек Фокин попросил риелтора подбросить его к гостинице «Азалия»... Шпунт старался быть осторожным, но он не мог знать, что там, в холле, околачивается сыщик Кукин, который следил за ним от самой Москвы...

* * *

Они решили выехать на рассвете.

Денис спешил! Как они договаривались, Кукин звонил дважды в день. И с каждым звонком ситуация становилась все тревожней. После сообщения о «синей бейсболке», которая следила за Ольгой и Вандой, началась паника!

Слава Зуйко не знал всей информации. В разговорах с ним Денис смягчал тревожные новости. Но каким-то непонятным образом уровень волнения у мужей выравнивался. И наконец вечером они встретились для важного разговора.

Носов пригласил Славика за стол, но спиртного не выставил. Это сразу насторожило, и Зуйко приготовился к неожиданностям... И он не ошибся! Денис начал с сюрприза.

— Вот что, Вячеслав! Завтра утром мы с тобой поедем в Боровск.

— Зачем?

— Так надо!.. Я не говорю, что наших жен надо спасать, но у меня есть подозрения на этот счет.

— Какие?

— Очень нехорошие!.. Я тебе, Слава, потом объясню. Давай пока только о деле! Значит, так — стартуем завтра в пять утра. Сейчас надо вы-

спаться. И ни капли алкоголя.

— Я и так не любитель до этого дела!

— Знаю! Но всякое бывает... Поедем на двух машинах. Я уже приготовил переговорные устройства и всякую технику — жучки-паучки... Оружие я тоже прихватил.

— Какое оружие?

— Всякое, Слава. И холодное, и горячее... Ты поезжай на своем сером «Рено». Он очень мощный. И неприметный.

— А нам что, придется скрываться?

— Точно не знаю, Слава, но готовься к полному драйву с экстримом. Возможно, будем скрываться, убегать, а потом догонять... Это все ерунда! Главное, чтоб с нашими женщинами ничего не случилось.

— Согласен, Денис... Мы с тобой мужчины! Значит, мы полностью за них отвечаем.

* * *

Игорь Фокин не любил, когда его называли «Шпунтом». Это прозвище напоминало тюремную кликуху, а на нары ему не хотелось... В свои двадцать пять лет Игорек еще не сидел и был уверен, что его никогда не посадят. Он верил в легенды о фартовых ребятах, которые весело

промышляют до самой старости.

Кличку ему дал Злотников. Это было пять лет назад, когда они только начинали работать вместе...

Шпунт случайно заметил красную «Ниву». Он видел, как она парковалась в переулке за два квартала до гостиницы. Такой смешной машины он не видел за всю свою жизнь. Спереди красовались самодельный бампер из блестящих труб и две лишние фары. А на крыше был приделан нестандартный, массивный багажник. С учетом алой раскраски «Нива» напоминала маленькую пожарную машину.

Машинально Шпунт обратил внимание на водителя этой игрушки. Он запомнился на контрасте: машина яркая, а водила тусклый. Обычные джинсы, серая футболка, короткая стрижка — все среднее! И в лице ничего не запоминается — с такого невозможно составить фоторобот... Не человек, а манекен!

Второй раз Шпунт засек этого типа в холле «Азалии». Тот замер, стоя за пальмой в кадке. Ну, чистый манекен!.. Игорь поговорил с администраторшей, купил в автомате маленькую бутылку местного лимонада, сел в кресло, выпил эту прохладную дрянь и только потом взгля-

нул на пальму... Так и есть! Невзрачный парень стоял за деревом и делал вид, что ни за кем не наблюдает.

Шпунту очень хотелось дать в морду этому сыщику. Но сегодня скандал не входил в его планы. Ему надо было встречать мудрого шефа, «дорогого Ефима Борисовича» и шального Николая... Игорь очень медленно прошел вдоль пальмы. Потом решительно развернулся и, крепко сжимая лимонадную бутылку, начал надвигаться на типа за кадкой. Но бить его он не стал. Он подошел почти вплотную и с грохотом поставил пустую стеклянную тару на пустой соседний столик!.. Это был красноречивый жест, но оказалось, что сыщик не испугался...

В третий раз Игорек заметил «манекена», когда взял такси и поехал к северной трассе — встречать Злотникова и Кольку Чижова... Час назад Николя позвонил на мобильник и сообщил, что они подъезжают к Боровску — надо, мол, встретить!

Так вот, Шпунт еще в городе заметил, что его провожает «пожарная машинка». Чувствуя себя как уходящий от погони Штирлиц, Игорь твердо, но вежливо попросил таксиста увеличить скорость, повернуть несколько раз и проехать через

проходной двор...

И точно! Красная «Нива» при любом раскладе висела на хвосте... «Манекен» не старался догнать и перегнать. Он держался вдалеке, но не отставал...

Шпунт встретил друзей на двадцатом километре северной трассы. Он издалека увидел приметное «Шевроле» Ефима Злотникова. Выскочив из такси, Игорек встал посреди дороги и поднял руки вверх.

Червонец успел нажать на все тормоза. Джип задрожал, завизжал и, оставляя на асфальте черный след, остановился... Через двадцать секунд подъехал «Опель» Николая Чижова.

Встреча была яркой и незабываемой. Особенно всем запомнились первые слова Шпунта:

— Я совсем на мели, шеф! С собой нет ни копейки. А надо бы заплатить за такси... Или его так прогнать?

— Не надо насилия, Игорь... Мы же честные люди!..

Когда таксист уехал, они долго стояли около «Шевроле», курили и слушали подробный отчет Шпунта — про гостиницу «Азалия», про актрису Дубровскую с подругой Вандой, про арендованный коттедж, про алую «Ниву», которая следила

за ним!.. На этом месте Шпунт запнулся, вспомнив про скрытного «манекена» на «пожарной машинке».

Игорь оглянулся, пытаясь осмотреть дорогу, кусты у обочины, боковые проселочные дороги. Обзор был отличный. Они стояли на горке, и последний километр пути был виден как на картинке... Но преследователь исчез!

Шпунт и испугался, и разозлился. Он начал сбивчиво рассказывать Червонцу о блеклом парне, который в «Азалии» прятался за пальмой, о красной машине с бампером, о таксисте, который петлял по городу, но не смог оторваться от слежки.

— Я не знаю, откуда он нарисовался. Шеф, я клянусь — я не мог засветиться... И что мне теперь делать?

— Думай, Игорь, думай!.. Ты уверен, что он пас тебя, а не, скажем, таксиста?

— Меня! Точно, Червонец! Зуб даю, что меня... Он за мной в «Азалию» прошел и стоял за кадкой, пока я с администраторшей базарил.

— А где был таксист?

— Таксиста в холле не было!.. Я на улицу вышел, а тут он подкатывает — привез кого-то из артистов... Я в мотор, а «манекен» рванул к своей

«Ниве». И почти сразу сел мне на хвост. Прилип к такси как банный лист к заднице.

— Ты, Шпунт, не паникуй. Лучше подумай, как найти этого «пожарника».

— Очень просто! Я номер его тачки срисовал.

Игорек вытащил из кармана пачку сигарет, на которой красовались корявые буквы с цифрами... Злотников взглянул и быстро сообщил свой вывод:

— Это не московские номера. И не здешние... Эта машина с Урала, а у меня с тамошними ребятами были разборки по одному дельцу...

— Так, значит, что все это из-за того!

— Не выдумывай, Шпунт. То было давно, и мы во всем разобрались... Хотя я слышал, что у уральских неразберихи начались. Кто-то мог вспомнить. Но они бы меня пасли. Ты-то здесь не приделах... Найти твоего «манекена» — это мы найдем! А что ты, Игорь, с ним дальше думаешь делать?

— Я?

— Ну не я же!.. Он к тебе прилип! Потом ты его к нам привел! Сам нажил геморрой, сам его и лечи.

— Понял... Я бы этого гада совсем ликвидировал! Вместе с красной «Нивой»!.. Только вот нечем.

— Это не вопрос, Шпунт. Мы привезли нужную технику.

— Стволы?

— Не о них речь, Игорек. Стрелять — рискованно. Ты непременно промажешь... Мы динамит привезли. Ну и к нему всякие взрыватели, магниты, пупочки и кнопочки...

* * *

Проще всего было взять и заявиться в «Азалию». Слава Зуйко просто рвался к своей Ванде, как молодожен в начале медового месяца... Но Денис планировал сначала во всем разобраться.

Они оставили свои машины на платной стоянке около единственного казино в Боровске. До жилища Бориса Кукина они добирались на такси... Впрочем, могли бы и пешком — местное «Монте-Карло» располагалось у входа в парк, отель «Азалия» в километре за парком, а квартира Прасковьи Даниловны напротив гостиницы, в ста метрах от нее...

Из окон комнаты Кукина был виден номер, в котором поселились Ванда с Ольгой. Окна в люксе № 306 были зашторены, и даже в бинокль можно было рассмотреть лишь силуэты.

Был уже поздний вечер... Они приехали в Бо-

ровск на двух машинах, и каждый был за рулем не меньше четырнадцати часов. Поэтому им очень хотелось вытянуться на кроватях, закрыть глаза и ни о чем не думать... Борис Кукин это понимал. Он усадил Дениса и Славу за стол, сразу налил крепкого чая и выложил кучу бутербродов.

Сыщик разговаривал с обоими, но больше обращал внимание на Дениса Носова как на заказчика и своего работодателя.

— Я вижу, что вы очень устали. Подробный отчет перенесем на завтра. А сейчас только одна новость, но очень важная... Вы пейте чай. Это не из пакетиков. Я сам заваривал...

* * *

Злотников позвонил в Москву своему человеку в МВД, а тот быстро направил запрос на Урал... Ответ пришел через час — умеют менты быстро работать, если захотят!..

По хозяину красной «Нивы» было много вопросов. Из Екатеринбурга сообщили его данные — мелкий бизнесмен без связей с криминалом... Совсем непонятно, чего он приехал и зачем начал следить за Шпунтом.

А вот поиски «пожарной машины» в Боровске затянулись до вечера. Червонец не хотел светить-

ся и привлек местную шпану, объявив крупную премию за нахождение яркой «Нивы» с указанным номером...

Солнце еще не собиралось садиться, а в сквер возле вокзала прибежал конопатый пацан с известием, что красный джип с бампером, багажником и номером «134» стоит во дворе дома, который напротив отеля «Азалия».

Игорь и Коля удивленно переглянулись, когда Червонец честно отдал парню обещанные сто долларов. Непонятно! Ведь можно было в крайнем случае дать сопляку двадцать баксов. А проще — сто рублей и подзатыльник...

Потом они поехали и проверили место — уральская «Нива» и в самом деле стояла в указанном дворе, между кирпичным сараем и зарослями южной акации.

Ефим Борисович Злотников был доволен. И тем, что нашел странную машину, и тем, что не обманул пацана... Странно, но быть честным — это тоже приятно!

— Вот так, ребята! Учитесь, как надо работать... Сейчас все едем в коттедж, а к ночи ты, Шпунт, берешь подарочек и возвращаешься сюда... Место удобное. За кустами тебя видно не будет. Сможешь работать, как в своем гараже.

— Ясно, шеф! Сделаю в лучшем виде... Я недавно сомневался, а сейчас осознал!

— Ты это о чем?

— А о том, что «манекен» не зря здесь поселился. Он одновременно пасет и артистку, и меня. Таких типов надо в клочья рвать!

— Так уже же договорились. Чего воду толочь? Действуй, Шпунт!

* * *

Чай и в самом деле был вкусный!.. Но информация, которую сообщил Кукин, была еще вкуснее.

Сыщик сообщил, что ему удалось проследить за «синей бейсболкой», тем парнем, который от Москвы следил за Ольгой и Вандой... Сегодня утром этот тип на двадцатом километре северного шоссе встретил две машины, которые ехали в Боровск.

Через свои связи Кукину удалось узнать, что некто Чижов, хозяин «Опеля», не привлекался и в поле зрения органов не попадал. Но вот второй, Ефим Борисович Злотников, примечательная личность. Кличка — «Червонец». Две судимости в начале девяностых годов. Одна — за кражу старинной скрипки, а вторая — за грабеж в антикварном магазине.

— Вот теперь буду выяснять, почему эти ребята следят за вашими женами... А вы, Денис, что об этом думаете?

— Даже не знаю... Скрипками мы не балуемся. И серебряных канделябров не завели... Но я понял, что мою Ольгу в киногруппе принимают за артистку Веру Дубровскую?

— Да, это так... Артистка малоизвестная, а внешне они очень похожи.

— Так, я думаю, Борис, что и бандиты ошиблись. Возможно, этот Червонец думает, что они за Дубровской следят.

— Возможно, что и так!.. Это хорошая версия. Я тоже думал об этом...

Но Кукин не успел договорить... Кто-то настойчиво позвонил в дверь... Почти сразу в коридоре зашаркала старческими шагами хозяйка квартиры — Прасковья Даниловна. Она открыла дверь без вопросов, и громкий мужской голос потребовал проводить его к квартиранту Кукину... Старушка повела.

На пороге комнаты появился мент с кавказским лицом и в майорской форме... Боря Кукин вскочил навстречу бывшему сослуживцу.

— Привет, Мурат! Вот уж не ожидал... Ты чего это — на ночь глядя.

— Срочное дело, Борис! Из Москвы прошел звонок — требуют отпустить хозяина «Нивы». Он там у них на Урале активист в нашей главной партии.

— Понятно. Значит, надо срочно вернуть машину.

— Да!.. Но не только из-за этого звонка. Мне участковый сказал, что сегодня днем пацаны по всему городу искали красный джип с большим багажником и бампером... Борис, так получилось, что твои деньги я уже пристроил. Я тебе их потом верну.

Последние слова Камалов говорил тихо, но у Дениса Носова был отличный слух. Он встал и подошел к собеседникам.

— Не мелочитесь, майор. Деньги можно не возвращать... Мы еще неделю будем в Боровске. Вдруг нам какая помощь понадобится.

Кукин намек понял и сразу поддержал:

— Действительно, Мурат. Какие счеты между друзьями?.. Держи ключи от машины. В ней никаких моих вещей нет... Она во дворе, за сараем.

— Знаю! Ее уже мой сержант сторожит... Ну, я поехал. При-глашаюксебе на дачу. Настоящий шашлык сделаю... Доскорой встречи!..

Камалов почти ушел, но на пороге резко раз-

вернулся и ехидно подмигнул Кукину:

— Чуть не забыл... Ты, Боря, сегодня принес лимонадную бутылку из «Азалии». Так уже есть результат! Эти пальчики засветились в Москве при ограблении какого-то Берковича... Вероятно, это очень крупное дело. Завтра ко мне прилетят товарищи из Москвы.

— Зачем?

— Они готовят захват этого типа... Ну того, чьи пальчики на бутылке.

— Ты что им про меня сказал, Камалов?

— Пока ничего. Но завтра, Боря, я тебя сдам... Ты уж сам придумай, что им сказать.

Мурат гордо удалился... Все опять сели за стол, и Кукин собрался рассказать о майоре, о красной «Ниве» и о новых версиях... Но он опять не успел сказать и трех слов...

Дом вдруг вздрогнул, охнул и зазвенел разбитыми оконными стеклами. Потом загудела сигнализация, залаяли собаки и закричали женщины.

Все бросились в коридор и натолкнулись на Прасковью Даниловну. Старушка выплывала из кухни и что-то беззвучно кричала. С трудом она произнесла нечто членораздельное: «Он взорвался...»

Нет, и без этого все понимали, что что-то взлетело на воздух. Но по тону хозяйки стало ясно, что погиб человек. И, скорее всего, он — майор Камалов!

Старушка закатила глаза и стала оседать на пол.

С ней остался Славик, а Кукин и Носов бросились к окну, звонко давя осколки стекла на полу... Во дворе все полыхало! Между сараем и кустами акации горело то, что минуту назад было красной «Нивой». А рядом вырывались языки пламени из искореженной милицейской машины.

Совсем не надо иметь семь пядей во лбу, чтоб догадаться, что спасать некого! Внизу — двое погибших: наш бедный Мурат и неизвестный сержант, который в этой истории вообще оказался сбоку припека...

Старушка потихоньку пришла в себя, махнула рукой и произнесла очень умные слова:

— Уходите быстро! Я скажу, что никого не видела... Когда милиция прибежит, они первым делом на вас подумают. Схватят, а потом не отмоешься.

Ребята переглянулись. Все сразу поняли, что хозяйка права. Но оставлять ее было бы не совсем честно. И Боря Кукин попытался сказать именно это.

— Спасибо вам, Прасковья Даниловна. Но мы не можем вас бросить. Надо врача вызвать и убрать здесь все.

— Ой, Боря, не смешите меня. Врачей мне не надо — я в полном порядке... Чтобы я взрыва испугалась? Я, к вашему сведению, в пятнадцать лет уже партизанила. И три раза через линию фронта ходила... Идите, ребята! Время не ждет...

И они ушли... Через три минуты они уже смешались с зеваками у отеля «Азалия». Толпа галдела и гудела. Все смотрели на всполохи пламени во дворе соседнего дома. Все обсуждали взрыв и выдвигали всякие версии, включая фантастические:

— Это газопровод взорвался!

— Откуда? Здесь никогда трубопроводов не было. Или это секретный объект?

— Именно так! Если копать отсюда и на заход солнца, то можно дать газ в обход Украины. Точно!

— Бросьте! Не надо сочинять про трубу. Это полный нонсенс!.. А здесь произошло нормальное небесное явление. Это упал метеорит!

* * *

Автобус с киногруппой должен был выехать сразу после завтрака.

Вчера отмечали праздник! Вчера была отснята первая сцена фильма. Даже не сцена, а так — проход главного героя по проселочной дороге... Первые шесть секунд фильма. Их сняли с первого дубля и сразу начали праздновать. Потом вернулись в «Азалию» и продолжили банкет в ресторане гостиницы. А завершали торжество в номерах, разбившись на небольшие группы.

Понятно, что, направляясь к автобусу, группа смотрелась не лучшим образом. Все были сонные и помятые. Но самый неприглядный вид был у продюсера.

Вчера в суматохе Умнов прикрывал лицо бейсболкой, сообщая всем, что у него случайная травма: «шел, поскользнулся, упал, ударился глазом о камень...»

Такое объяснение годилось вчера. А сегодня за завтраком все косились на продюсера, хмуро хихикали и шепотом обсуждали версии по поводу синяка... При посадке в автобус Артур Яковлевич решил, что скрыть «фонарь» не удастся. Пора поговорить с народом.

Перед отправлением продюсер встал около водителя и осмотрел салон.

— Так, кажется, все на месте... Тогда — едем! Но прошу всех соблюдать осторожность. В горах много опасных мест. Скользкие камни, ямы, коряги. Вот я вчера неудачно оступился — и результат на лице. Все видели?.. Поехали! И, между прочим, наш дорогой режиссер с оператором уже час назад поехали на точку. Фурман работает не жалея себя! Прямо как Спилберг...

Понятно, что Умнов не знал, как работает его американский коллега, но всегда считал, что ссылки на великие имена не позволяют собеседникам возражать.

Но в автобусе никто и не собирался возражать. Все дремали, используя законные двадцать минут пути до поселка «Дубрава»...

* * *

Автобус с киногруппой шел впереди... Злотников на своем «Шевроле» не отставал, но и не приближался. В городе он держал дистанцию в пятьдесят метров, а на шоссе — около ста. «Опель» с Колей Чижовым и Игорьком Фокиным держался рядом...

На сегодня они не планировали активных

действий. Шпунт слышал, что основные съемки будут проходить где-то в лесу, около поселка «Дубрава». Вот и надо тихонько разведать местность и подготовить акцию по захвату Дубровской... Это при первой беседе с актрисой говорили ласково. А в подвале местного коттеджа с ней. никто не будет либеральничать...

Дорога была знакома. Злотников знал, что впереди будет развилка. Налево — проселок, ведущий к их особняку, к их временному жилищу в горах. А основное шоссе пойдет дальше.

Издалека было видно, что на перекрестке стоит милицейская машина с мигалкой. А рядом два мента в бронежилетах и с автоматами... Червонец почти машинально начал притормаживать. И киношный автобус, идущйй впереди, тоже остановился.

Про съемки в Дубраве знали все в городе. И поэтому капитан ГАИ не стал задерживать группу. Он просто зашел в автобус и внимательно осмотрел пассажиров. Он подмигивал артистам и улыбался артисткам... Такая проверка заняла всего две минуты.

Но Злотников не знал, что делает мент в автобусе. Не знал и потому волновался... За эти сто двадцать секунд Червонец взмок, а голова

вспухла от вороха бессвязных мыслей. Хотелось тихонько развернуться и рвануть назад в уютный Боровск... Но менты — они как легавые! Они преследуют того, кто удирает. Раз бежишь — значит, виноват!..

Когда автобус уехал, «Шевроле» ничего не оставалось, как включить двигатель и подъехать к передвижному посту ГАИ... Злотников даже вышел из машины и приблизился к гаишнику, улыбаясь и протягивая водительское удостоверение.

— Прошу вас, товарищ капитан. Документы у меня в полном порядке. И правила движения я вроде бы не нарушал...

— Гражданин Злотников? Ефим Борисович?

— Да, это я.

— Из Москвы?

— Так точно! Мы из столицы приехали. Мы на двух машинах. Там в «Опеле» мои друзья... Мы к вам проездом, ненадолго. На недельку.

— На недельку до второго... Тут, Ефим Борисович, дело не в нарушениях. У нас в городе крупное ЧП. Нам предложили особое внимание обратить на москвичей. И по приметам вы подходите... Придется проехать с нами!

— Все понял, товарищ капитан! Так вы же мой

паспорт еще не посмотрели...

Червонец вынул паспорт, из которого чуть заметно торчал край зеленоватой купюры. Это были пятьдесят долларов.

В другом кармане Злотников хранил военный билет с заложенной в нем двадцаткой. Но для данного случая даже полтинника было мало. Если капитан не брал на пушку и имел ориентировку с приметами, то тут и тонны баксов не жаль.

Гаишник покрутил в руках паспорт, собрался что-то сказать, но передумал. Он ловко смахнул купюру в левую руку, а правую с паспортом протянул Червонцу.

— Все в порядке, гражданин Злотников. Можно ехать... Доброго пути!

— Спасибо, капитан!.. А кстати, вы говорили о каком-то ЧП. Что у вас случилось, если не секрет?

— Какой там секрет! Весь город уже знает... Вчера автомобиль взорвался, и два наших сотрудника погибли. Сержант-водитель и майор Камалов. Красавец-парень. Высокий такой, крупный и усатый — ну, как джигит... Жалко ребят...

— Очень жалко... А взрывника еще не нашли?

— Ищем! Все Управление на уши встало... Но сложное дело! Этот гад никаких следов не оста-

вил. Вот стоим тут и всех подряд проверяем...

Через пять минут Злотников догнал автобус, который уже сворачивал на дорогу, ведущую в поселок Дубрава... В десяти метрах от «Шевроле» шел «Опель» в котором весело трепались Фокин и Чижов.

Они не слышали разговор Червонца с капитаном. И Шпунт пока не знал, что взорвал вчера не невзрачного сыщика, а двух ментов и их машину с мигалкой.

* * *

Большой автобус с основным составом киногруппы вырулил на площадку, остановился и открыл обе двери.

Возле сарая толпился народ. Рядом стояли «Форд» и старый микроавтобус с надписью «Кино»... Часть народа приехала с режиссером Владом Фурманом, но было и много местных, которые надеялись участвовать в массовках. Не из-за денег, а из-за удовольствия. Ведь это счастье, это радость и мечта, когда тебя снимут в эпизоде, а потом твою физиономию увидят десятки миллионов глаз!

Фурман сразу схватил главных героев и потащил их в сарай. Остальных он выгнал, ссылаясь

на сложность сцены, которая требует отдельной репетиции...

Внутри огромного дощатого помещения, напоминавшего деревянный спортзал, находился обычный сеновал. В углу душистая сухая трава была навалена под самый потолок. В центре — в человеческий рост, а ближе ко входу — по колено.

Конечно, Ольга читала сценарий, который дала ей Вера Дубровская. Она знала, что в конце фильма ей предстоит неприятная сцена... Вернее, она приятная, но для героев фильма. К ним приходит любовь, и они начинают ею заниматься во всех смыслах этого слова... Это должна быть очень откровенная сцена. Постельная сцена, хотя и не на кровати, а на сеновале.

Но Ольга наивно считала, что фильм снимают последовательно. И тогда это безобразие наступило бы через три-четыре месяца. А за это время могло случиться что угодно — или бы настоящая Дубровская вернулась, или бы какой-нибудь кризис остановил съемки.

Одним словом, Ольга Крутова никак не рассчитывала в первый же день обнажаться сверх меры и целоваться с симпатичным артистом Мишей Маковым... Но Фурман решил не так!

— Сегодня, ребята, будем снимать главную сцену. Мы назовем ее «Сенная лихорадка». Тут должен быть любовный трепет на самой высокой ноте. Это ваш апофеоз! Момент истины для ваших героев... Вы всю жизнь идете к этой вершине.

— Так, может быть, мы подойдем к этому моменту постепенно?

— Нет, Дубровская! Если вы сегодня сыграете наслаждение, то в остальных сценах у вас будут гореть глаза... Мише легче — мужик всегда трепещет по этому поводу. А тебе, Дубровская, надо собраться. Надо представить, что ты его любишь, что хочешь, чтоб он тебя немедленно...

— Не могу я так сразу!.. Вадим Семенович, миленький, дайте мне недельку для осознания момента.

— Нет, Дубровская! Актриса всегда должна быть в полной готовности.

— Ну, дайте хоть день. Мы с Мишей почти не знакомы... Я привыкнуть к нему должна.

— Нет, Дубровская! День я тебе не дам... Я даю вам час! Идите в горы и общайтесь. И чтоб мне через час пришли влюбленные, как Отелло со своей подружкой. Я в том смысле, чтоб вам от страсти хотелось задушить друг друга.

Миша Маков сразу все понял. Он нежно обнял

партнершу за талию и начал разворачиваться к выходу...

Ольга покорно пошла с ним, проклиная момент, когда согласилась на предложение Веры Дубровской и на уговоры авантюристки Ванды. Тогда она сама залезла в капкан, а теперь вот должна идти с игривым Мишей в горы и играть с ним в любовь. А что делать? Теперь у нее нет другого выхода!

Фурман остановил их на пороге. Он задал Ольге странный вопрос:

— Послушай, Дубровская, у твоей подруги характер крепкий?

— Да, Вадим Семенович, очень своеобразный характер... Ванда говорит, что она польских кровей, и поэтому в ней намешано три «г».

— Не понял, Дубровская. Что в ней намешано?

— А как у всех поляков — гордость, гонор и глупость.

— Насчет глупости — не знаю, но гонор у нее есть. И рука у нее крепкая... Я как посмотрел на глаз Артура, так для твоей Ванды эпизод придумал. Маленькую роль с мордобоем... Вы, ребята, идите! Общайтесь! Незачем время терять...

* * *

Полковник Губкин очень неуютно чувствовал себя в своем новом кабинете. Причин для этого было множество.

Первая и главная — Виктор Исаевич по натуре был человеком стеснительным, но всячески старался соответствовать своей должности и званию. Он старался быть суровым начальником, но чувствовал, что это ему плохо удается... Губкин стеснялся всего — даже своей фамилии. Ему всегда казалось, что за его спиной все смеются и обсуждают варианты: «О каких это губках идет речь, где эти губки и что они делают...»

Вторая причина — полковника совсем недавно назначили начальником УВД Боровска... До этого милицией города руководил генерал Зорин. Это был хороший хозяин. Он отстроил себе коттедж с башенками и окнами, как у готических замков. Он имел счета в заграничных банках. И он оформил свой кабинет в императорском стиле «ампир»...

Этой зимой честный Губкин случайно сообщил о всех проделках Зорина инспектору из Москвы. Он совсем не хотел «закладывать» начальника, но так получилось... Весной приехала комиссия.

К началу лета факты подтвердились, и Зорина потихоньку сняли... Замену нашли быстро — начальником УВД стал тот, кто разоблачил мздоимца и казнокрада.

Полковник еще не привык к своему новому кабинету с мраморными колоннами и фигурками из эпохи Наполеона...

За столом из красного дерева собралась Коллегия УВД и несколько сыщиков, которые начали вести дело о взрыве у дома за гостиницей «Азалия».

Губкин осторожно прошел на председательское место и сел в кресло, деревянные подлокотники которого изображали спящих львов. Он разложил перед собой несколько листов с карандашными записями и открыл совещание.

— Вчерашний взрыв — это позор для нашего города! Наши люди к этому не привыкли. Хулиганство, драки, воровство — это можно понять. Даже бытовые убийства или разбой можно воспринять. Но взрыв автомашины! Такого у нас еще не было... Мало того — взорвали офицера милиции вместе с сержантом!.. Теперь у нас один выход — срочно бандитов найти и обезвредить... Докладывай, майор! Какие у тебя версии?

За столом сидело около двадцати человек. Май-

ор Мельников, которому доверили вести это дело, сидел самым крайним.

И ему пришлось встать и говорить громко, докладывая не всем сидящим здесь заместителям, а самому начальнику УВД... А Губкин отчетливо комментировал и внятно задавал вопросы, ведя диалог с сыщиком.

— Докладывай, майор!.. Что вы успели нарыть за ночь?

— Кое-что успели, товарищ полковник... Поэтажный обход дома ничего не дал. Взрыв слышали все, а больше ничего.

— Это понятно, майор. Ты говори о результатах и версиях.

— Удалось выяснить, что майор Камалов вчера принес Сереге, криминалисту, лимонадную бутылку со штампом ресторана «Азалия».

— Зачем?

— Как обычно — снять пальчики... Потом эти отпечатки Камалов проверил по центральной картотеке, и в Москве проявили к этому острый интерес. Это их объект, проходящий по делу об ограблении антиквара Берковича.

— Помню, майор. Очень крупное дело! Этого коллекционера нагрели на десятки миллионов долларов.

— Точно, товарищ полковник. Это сообщалось в сводке от шестого апреля... Так вот, первая версия — Камалов вышел на грабителей Берковича, а они его убрали.

— Нормально!.. И опять же, «Азалия» фигурирует и во взрыве, и в лимонадной бутылке.

— И я это заметил, товарищ полковник... Но есть и вторая версия... Камалов взорвался в красной «Ниве». Это машина того дебошира с Урала. Мы хотели его выпустить вчера, но на сутки задержали.

— Ясно, майор!.. Дружки уральца думают, что он уже на свободе и минируют «Ниву». А Камалов случайно попадает под взрыв... Действуй, майор! Обе версии отличные. Главное, что в обоих случаях сработали залетные хлопцы... Нам не надо, чтоб взрывник был из своих, из боровских...

* * *

Не зря Боря Кукин считал себя хорошим сыщиком. Когда он искал в Боровске квартиру, то подготовил несколько вариантов... Сбежав после взрыва от Прасковьи Даниловны, они уже через час расположились в трехкомнатных хоромах в центре Боровска. Как в любом переезде, здесь были и плюсы, и минусы.

В этой квартире не было хозяев, но не было и завтраков с домашним вареньем. Рядом — магазины, рестораны и маленькое казино, но отсюда дальше до гостиницы «Азалия». Эти апартаменты сдавались очень дорого, но в каждой комнате был телефон, а в кабинете вполне сносный компьютер...

Утром они выехали в Дубраву... Настроение было не самое радостное. Все успели сообразить, что взрыв красной «Нивы» — это не покушение на уральского гостя и не теракт против майора Камалова.

Не надо быть аналитиком из ФСБ, чтоб понять: кто-то хотел убрать Бориса Кукина, который проявил излишнее любопытство.

— Зря я вчера расшифровался в холле гостиницы. Я открыто следил за тем парнем в синей бейсболке.

— Зачем?

— Хотел посмотреть на его реакцию.

— И что?

— Посмотрел... Он пытался удрать на полной скорости. Петлял по проходным дворам... Главное, что я успел заметить его встречу с дружками. Один на «Шевроле» цвета «мокрый асфальт», а второй на «Опеле».

— Ты, Борис, заметил их, а они засекли тебя.

— Не травите душу, ребята. Я и сам понимаю, что Мурат с сержантом из-за меня погибли.

— Не дури, Борис!.. Кто мог такое предвидеть? Если бы майор не приехал за «Нивой», сегодня бы мы втроем на ней... У тебя есть номер этого «Шевроле»?

— Есть... Правда, не в каждой цифре уверен, но очень близко...

За пять километров до поворота на Дубраву их остановил грозный патруль ГАИ с автоматами и в бронежилетах... Денис первым предъявил документы.

Капитан сначала решил изучить багажник зеленого «Ниссана», а уже потом стал внимательно перечитывать удостоверение и другие бумаги.

— Все нормально, командир?

— Да... Ваши документы в порядке, гражданин Носов... Ничего запрещенного не везете?

— Нет, товарищ капитан. Сегодня не захватили с собой ни оружия, ни наркотиков.

— Шутка?

— Шутка, капитан!

— Понятно... А куда едем?

— В Дубраву. Там кино снимают. Так мы им новый текст везем... Мы сценаристы!

— Понятно!.. А я-то думаю — странно! Недавно проехала пара иномарок с московскими номерами, а теперь вы... Те, видно, тоже были сценаристы.

— Капитан, а те, что до нас, — это «Опель» и «Шевроле» цвета «мокрый асфальт»? Так?

— Точно!.. Трое их было. Так они тоже сценаристы?

— Не совсем, капитан. Но около того... Они писатели! Сочинители детективов...

После поворота с шоссе на грунтовку Денис сбросил скорость, пытаясь запомнить все развилки и повороты.

Дорога шла вверх мимо скалистых холмов, поросших густым кустарником и корявыми соснами. Особенно удивляли обочины. Они были неестественно чистые — ни обрывков бумаг, ни старых покрышек, ни даже пустых бутылок. Казалось, что вокруг самый натуральный девственный лес. И трудно было предположить, что где-то впереди большой дачный поселок, где снимают кино.

Но постепенно дорога стала прямее, а деревья ровнее и выше. В просвете леса появилась поляна, на которой стояли машины, люди, штанги, щиты и кинокамеры.

«Ниссан» Дениса и «Рено» Славы Зуйко подкатили на маленькой скорости, боясь помешать высокому искусству ревом моторов... Но на них никто не обращал внимания. Все смотрели на пригорок, где стоял сарай. У стены виднелись грабли, вилы и всякие тяпки. Рядом на завалинке с задумчивым видом сидела Ванда Горбовска.

Лицо Славика расплылось в улыбке. Ничего не замечая, он сквозь толпу пошел к жене... Он не услышал, как Вадим Фурман красиво крикнул «Мотор»!.. Он не заметил, как поехал кран с оператором, приближая камеру к месту действия... Он не обратил внимания, как толстая Полина, ассистент режиссера, втолкнула в кадр местного жителя — лысого громилу, согласившегося исполнить эпизод.

«Громила» окликнул Ванду, но она гордо встала и отвернулась. И тогда этот тип подошел со спины и обхватил полячку своими лапищами. Это был верх наглости!

Ванда с трудом вырвалась, схватилась за грабли и замахнулась. Но ударить она не успела. Славик метнулся вперед и встал перед «громилой» со сжатыми кулаками и горящим взором.

У парня был эпизод в кино. Он растерялся, снял с лица бандитское выражение и промямлил:

— Что происходит? Этого нет в сценарии... Вы кто?

— Кто я? Я-то муж!.. А вот ты — подлец!

Размахиваясь, Слава развернулся на камеру, демонстрируя всем свое гневное лицо... Потом он со всего маха ударил «громилу» в челюсть. Тот не ожидал и даже не пытался уклониться.

Удар получился красивым — со смачным звуком и с полетом тела... «Громила» влетел в стену сарая и начал оседать на травку. Лицо его выражало натуральную гамму чувств — от боли и обиды до радости оттого, что камера направлена на него и снимает крупный план.

Слава поднял плешивого парня за грудки, и тот съежился, решив, что его опять будут бить... Но Зуйко развернул «громилу», чуть отстранился и дал мощного пинка под зад.

Получив ускорение, парень вылетел из кадра, а Славка развернулся к жене и раскинул руки, готовый обнять весь мир... Ванде было труднее! Она знала, что на них направлена работающая камера. Но и она отбросила грабли и рванулась к мужу.

Их объятие было очень трогательным. Почти как финал мексиканского сериала... Публика не могла смотреть на это просто так. Съемочная

группа потирала руки, надеясь снять «хорошее кино». Мужская часть жителей Дубравы смущенно улыбалась. Молодые женщины захлопали, а пожилые смахнули слезинки.

Фурман, наблюдавший за сценой в монитор, заорал: «Все! Снято! Второго дубля не надо... Молодой человек!.. Да, вы, который «боксер». Прошу вас в мой микроавтобус... Найдите мне продюсера и сценариста. Срочно! Будем менять сюжет...»

Зуйко не сразу понял, что ему предлагают роль. Пусть не главную, но и не эпизод.

Ванда смотрела на мужа умоляющим взглядом, требуя согласиться. А Денис шутил, но вполне доброжелательно:

— Соглашайся, Славик. Это и для бизнеса полезно... Скажем, на переговорах! Партнеры будут пялиться на тебя, как на кинозвезду, а ты им подсунешь нужный договор... Соглашайся!

— Я не против... Но что надо играть?

Фурман плечом оттеснил Дениса и посмотрел на него, как на врага народа... И на самом деле! Они здесь делают кино. А это высокое искусство. Оно не терпит суеты и шуток.

В голове у Вадима Семеновича уже сложился сюжет для Ванды и этого «боксера». Сюжет, куда отлично вписывался только что отснятый

кадр... Фурман всегда считал, что может на ходу придумать гениальную историю. Он ценил в себе и другие таланты — например, он считал себя воспитателем актеров, педагогом, не хуже Станиславского.

Последним ударом плеча режиссер выпихнул из микроавтобуса Дениса Носова и обратился к парню, который так талантливо влез в кадр:

— Итак, вас зовут Вячеслав Зуйко! Красивое сочетание. Можем обойтись без псевдонима... Вот что, Славик, вам не надо ничего играть. Просто живите своей ролью. Так, как сегодня!

— Надо будет еще кого-то побить?

— Не в этом дело, Вячеслав... Представьте, что вы раньше любили Ванду, а потом поругались и уехали в «горячую точку»... Представили?

— Нет! Не смогу я с ней ругаться. Я ее люблю.

— Нормально, Слава. Полюбить — это сложнее. А ругаться я вас научу. Это просто... Итак, ты возвращаешься, происходит сцена у сарая, и у вас опять вспыхивает любовь. И до конца фильма она у вас горит ярким синим пламенем.

— Ясно... А что нам играть перед камерой?

— Играть любовь!.. Ночные прогулки, поцелуи, откровенные объятия... Минимум текста. Я потом придумаю. Общие фразы про звезды и всякое

такое...

Пока Славик Зуйко учился театральному мастерству, Кукин с Денисом искали следы бандитских машин — «Опеля» и «Шевроле» цвета «мокрый асфальт»... Эту парочку видели многие — и на пустынном шоссе, и у передвижного поста ГАИ, и после поворота на лесную дорогу. Но вот куда эти иномарки делись потом — этого никто не мог припомнить.

Точнее всех был Артур Умнов. Он уверенно показал на сосновый лес за холмом. Именно там он был недавно с Вандой и там получил производственную травму под глазом.

— Я думаю, ребята, что они там, в том лесочке... Перед последним поворотом они были и потом исчезли. Значит, поехали наверх.

— Так они поехали и уехали. Куда эта дорога ведет?

— Никуда!.. Там слева ручей, справа — скалы, а впереди буераки и лесозаготовки... Некуда им деться — за холмом прячутся!

Денис вытащил из кармана пачку фотографий жены — Ольги Крутовой. Он раздал снимки всем окружающим, несколько раз повторяя вопрос: «Вы знаете, кто это?»

Женщину на снимке узнали все, но при продю-

сере никто не хотел отвечать... Умнов вгляделся в фото, потом осмотрел Кукина и Носова.

— Странный вопрос, ребята... Кто это? Это наша актриса Вера Дубровская. Достаточно известная актриса, хотя и не очень... У вас какой к ней вопрос?

Денис хотел что-то сказать, но Кукин его опередил. Он знал, что в таких ситуациях надо говорить не правду, а нечто неопределенное.

— Не о чем беспокоиться, товарищ продюсер... Я друг ее мужа. Меня наши общие знакомые просили с Верочкой встретиться и передать привет.

— Ах, привет?.. Это можно. Но потом. Сейчас Дубровской здесь нет.

— А где она?

— В творческой командировке... Вадим направил ее и Мишу Макова погулять на природе. Им надо поймать состояние влюбленности... Пообщаются и придут.

Последнее очень не понравилось Денису. Он отстранил Кукина, схватил продюсера за грудки и несколько раз встряхнул.

— Какая, к чертям, командировка? Где моя жена? Где Ольга?

— Простите, не понял... Кто такая Ольга?

— Ну, по-вашему — Вера... Где Вера Дубров-

ская?

— Ах, Вера?.. Она здесь недалеко. Они с Мишей гуляют там, за холмом.

И Умнов беспечно указал рукой в ту сторону, где должны были быть бандиты на «Опеле» и «Шевроле»...

Денис бросился к микроавтобусу, рывком отодвинул дверь и вытащил на поляну Славу Зуйко. Он жестами объяснил ситуацию, и через пять секунд они уже бежали к холму, догоняя бывшего спортсмена Бориса Кукина.

Через минуту за ними бросился Артур Умнов. В самом начале погони он обернулся, жестом политрука поднял руку и закричал: «Вперед! За мной...» И все побежали за продюсером, стараясь догнать, но не перегонять — начальство не любит слишком шустрых.

* * *

Полковник Губкин очень не любил чувствовать себя дураком, но сегодня перед гостями из Москвы он предстал именно в этом образе.

Сотрудники МУРа приехали с одной целью — задержать человека, чьи отпечатки остались на лимонадной бутылке из гостиницы «Азалия». Вероятно, этот тип был важной птицей для сто-

личных сыщиков. Однозначно! Иначе бы за ним не прилетели два подполковника и женщина-следователь в форме майора.

При первой встрече Губкин чувствовал себя совсем неуютно. Ребята с Петровки задавали странные вопросы: «Где человек, оставивший отпечатки на бутылке? Что случилось с майором Камаловым, приславшим в Москву запрос? Где гостиница «Азалия»?

Виктор Исаевич смог ответить внятно только по местонахождению отеля. Он говорил об этом очень подробно, сообщая о трамвае и об автобусах, проходящих мимо. Он рассказал о парке, который расположен рядом с «Азалией» и о ближайших магазинах. Он даже подарил москвичам план Боровска, где красным крестиком отметил нужный объект.

На второй вопрос Губкин тоже ответил, но в общих чертах: «Камалова вчера взорвали! Вместе с двумя машинами и одним сержантом... Мы начали вести следствие и доведем его до точки».

А по основному вопросу полковник говорил эмоционально, но в общих чертах:

— А про вашего бандита — прошу не беспокоиться! Мы его найдем. Мы не позволим ему вот так безнаказанно ходить по городу и оставлять

отпечатки на наших бутылках. Я лично займусь этим делом... А вы бы пока отдохнули. У нас есть чудесный домик на горном озере — маленький дворец. Охота, рыбалка, баня и еще тридцать три удовольствия... Там форели играют в воде — жирные, как поросята!

Вероятно, последнее замечание про плавающих поросят убедило сотрудников МУРа. Они согласились поехать во дворец, где играют форели... Но лишь на один день!.. Или на два... Максимум — на три.

* * *

Ефим Злотников еще в Москве готовился к подобным акциям. Сейчас он *с* удовольствием находил в огромном багажнике своего «Шевроле» нужные вещи... Вот веревки, три коврика, два бинокля и одна бензопила.

Они поднялись на холм, с которого открывался вид на съемочную площадку: на сарай, на служебные автобусы, на толпу людей, на столики, зонтики, камеры...

Они положили на траву коврики и легли, как три богатыря: Ефим Злотников в центре, Игорек Фокин по правую руку, а Коля Чижов слева... У них было всего два бинокля, и Шпунту досталась

роль охраны тылов.

Это было обидно, но Игорь покорно развернулся и сел, наблюдая за машинами, за дорогой, которая упиралась в лесные вырубки, за рощей, которая огибала холм и выходила на поляну рядом с поселком Дубрава...

Трудно было предположить, что здесь появятся люди. Для местных жителей все самое интересное сейчас происходило на площадке возле сарая. Понятно, что в фильме «Любовь с видом на море» не снимались суперзвезды, но были примелькавшиеся актеры. И был в натуре сам процесс работы «фабрики грез» — костюмеры, гримеры, хлопушки, «журавли» с микрофонами, белые зонтики осветителей...

Шпунт никак не ожидал, что его пост окажется главным. Он беспечно смотрел из стороны в сторону и вдруг замер — двое вышли из леса!

Они шли навстречу. Они были совсем рядом — не больше чем сто шагов... Шпунт бросился грудью на землю, пихнул ногой Злотникова и громко зашептал: «Лежать! Они идут...»

Червонец с Колей и так лежали. В возгласе Фокина они почувствовали нервную дрожь и не стали возмущаться. Они шустро развернулись, прижимаясь к коврикам всем телом, и направи-

ли бинокли туда, куда смотрел Шпунт.

Первым заговорил Ефим Борисович:

— Ни фига себе!.. Это точно она. Вы поняли, балбесы, это Дубровская. Вот удача!.. Тихо ползем за кусты.

Но такая конспирация была не нужна. Не доходя до холма, парочка повернула направо и пошла в сторону бывших лесозаготовок. На огромном пространстве торчали пни, грудились кучи срубленных веток, росли маломерные деревья, которые не интересовали лесорубов... Было видно, что во время прогулки парень несколько раз пытался обнять Дубровскую, но та ловко отстранялась...

Потом они сели на соседние пни и, размахивая руками, что-то обсуждали. Может быть, они ругались или репетировали очередной эпизод фильма... Главное, что они сидели спиной к холму, с которого спускались трое.

Шпунт успел добежать до машины и прихватить связку веревок. А Николя по пути нашел аккуратную дубинку — метровое березовое полено, толщиной с кулак.

Они шли по мягкой траве, стараясь не наступать на сухие ветки. И до последних секунд это у них получалось. Но за десять метров до финиша

в полном восторге от охоты Шпунт зацепился мотком веревки за длинный сук. Тот согнулся и задрожал, а Игорек от неожиданности завалился на бок и ударился о пень тремя ребрами.

Этот инцидент не наделал много шума, но уже после падения Шпунт от болевого шока выкрикнул несколько слов не очень благим матом.

Парочка артистов вздрогнула, обернулась, вскочила на ноги, но было уже поздно.

В три прыжка Злотников подбежал к Дубровской и отработанным приемом конвоира заломил руки за спину... А перед Мишей Маковым встал Чижов с дубиной. Он не стоял столбом, а размахивал палицей, сбивая противника с толка...

В какой-то момент артист решил, что бревно заденет нос. Он прикрыл лицо ладонями и через секунду получил удар по темечку... С Мишей произошло точно как в той песне:»... в глазах у него помутилось. Увидел на миг ослепительный свет. Упал, сердце больше...»

Нет, сердце у Макова билось очень резво! Он только играл роль человека, потерявшего сознание. Он чувствовал, как его перетащили в сторону, прислонили и привязали к тонкому дереву... Чуть приоткрыв правый глаз, Миша видел, как бандиты несли к машинам бедную

Дубровскую. У нее, вероятно, рот был заклеен пластырем, и поэтому Вера не кричала, а гневно мычала... А еще она извивалась всем телом, как молодая щука на блесне.

Маков слышал разговоры похитителей. Он запомнил их странные имена. Он понял, что атаман этой преступной шайки опасается погони и поэтому приказал парню в синей бейсболке взять из багажника бензопилу...

Очевидно, удар дубиной по голове не проходит зря. Миша мучительно долго думал, как пила спасет от погони... Ничего не придумал, устал и задремал.

* * *

У полковника был хороший опыт оперативной работы. Он четко знал, что главное в этом деле — агентура. И вербовать ее надо крепко — не на патриотической основе, а на жестком компромате. Так, чтоб, зараза, не сорвалась в нужный момент... И искать агентуру надо не где-нибудь вокруг да около, а в самом сердце нужного объекта.

Поскольку сейчас в «Азалии» жили только артисты, Губкин решил лично завербовать агента в этой киношной среде...

Понятно, что у начальника УВД города на многих объектах были свои люди. И в «Азалии» у Виктора Исаевича было «доверенное лицо» — администратор Кира Петровна. Из беседы с ней он понял, что самый информированный человек в съемочной группе — ассистент режиссера Полина Ганина.

Зная законы конспирации, Кира сама взяла ключи и через служебный вход провела полковника в номер толстой Полины.

Губкин разложил на столе кейс, подмигнул Кире Петровне, вынул пакет с белым порошком и положил его под подушку рядом со спрятанной там же ночной рубашкой... Еще три маленьких пакетика полковник положил в шкаф, в карман халата бедной Полины.

Перед уходом Виктор Исаевич хотел что-то сказать администраторше, но Кира его опередила:

— Я все поняла, товарищ полковник!.. К приезду Полины надо подготовить пару понятых.

— Именно так... Но понятые должны быть понятливые. Чтоб говорили, что надо, и молчали, когда следует.

— Ясно, Виктор Исаевич. У меня есть такие люди... Значит, как приезжает Полина, я сразу звоню вам.

— Именно так... Я приеду один и проведу обыск. И как махну рукой, тоты с понятыми моментально уходишь.

— Слушаюсь, товарищ полковник!..

Кира сказала это очень игриво. Она была хороша в этот момент. Глазки ее горели, губки дрожали, и все остальное тоже трепетало.

Губкин даже не сдержался! Он обнял администраторшу за талию, привлек к себе, прижался и тяжело вздохнул.

Потом полковник так же неожиданно отстранился и торопливо вышел в коридор.

* * *

Миша стал просыпаться, когда услышал шум в роще. Там бегали люди и на разные голоса окликали троих — его, Веру Дубровскую и какую-то Ольгу Крутову.

Спасение было рядом, но артист сидел на земле, привязанный к тонкой березке. Его очень запросто могли не заметить за пнями и кучами веток... Маков попытался крикнуть, но звуки получились тихие, нежные, чирикающие, как у голодного воробья.

И тогда артист начал петь. Он вспомнил, как на последней новогодней елке водил хороводы

и во весь голос пел про солнечный круг и небо вокруг... На третьем куплете звук окреп и стал звонче. Миша неожиданно взял на две октавы выше и начал заливаться соловьем. Он стал похож на солиста детского хора... Главное, что его услышали!

Первым к нему подбежал Денис. Он вытащил нож, присел и стал торопливо резать веревки. Одновременно он спрашивал:

— Миша, дорогой вы мой... Где моя жена? Где та женщина, с которой вы гуляли?

— Я с ней не гулял!.. Я с ней прогуливался.

— Где она? Где моя жена?

— Если вы о Вере Дубровской, то ее муж недавно погиб. Это все знают!

— Я ее муж! И я совсем не погиб! А та женщина совсем не Дубровская... Где она?

— С ней все в порядке... Ее украли!

— Когда?

— Недавно.

— Кто?

— Трое неизвестных... Я все о них знаю! Главный у них — Червонец. Среднего зовут на французский манер — Николя. А самый молодой — Шпунт. Он ходит в синей бейсболке.

— Что еще?.. Вспоминай, Миша. Вспоминай,

дорогой!

— Сейчас вспомню... Да, у них в машине есть бензопила.

— Хорошо... Еще вспоминай!

— Вспомнил самое главное!.. У всех троих характерные бандитские рожи.

К спасенному уже подбежали артистки, и Денис понял: ничего больше он от Миши Макова не добьется... Носов встал, окликнул Славу и Борю Кукина и побежал вниз по дороге... Когда ребята догнали его, Денис на ходу сообщил: «Ольгу украли. Мы можем их догнать... Скорей к машинам».

По лесной дороге не очень разгонишься... Денис пытался держать максимальную скорость, и машина мчалась, подпрыгивая на кочках и корягах.

С очередного пригорка Носов увидел бандитские машины. Они не двигались! Они стояли на дороге, а справа на обочине лицом к сосне стоял парень в синей бейсболке.

Денис вспомнил, что именно этого типа Миша назвал Шпунтом... Погоня и так была азартной, но теперь стало ясно, что они догонят бандитов и через тридцать секунд произойдет боевой контакт.

В зеркале заднего вида Носов заметил, что Кукин во второй машине открыл окно и высунул

руку с пистолетом... Сейчас начнется! Только нельзя стрелять по машине — где-то там, в багажнике, Ольга...

Денис глянул вперед и машинально начал тормозить. Огромная сосна, у которой стоял Шпунт, начала клониться влево, падая на дорогу.

Парень в синей бейсболке трусцой бежал к машине, победно держа над головой яркую японскую бензопилу...

Денис затормозил и уперся бампером в дрожащие ветви упавшей сосны... Дерево легло так, что намертво перекрыло дорогу — невозможно ни отодвинуть эту громадину, ни объехать.

Подбежавший к сосне Кукин только взмахнул пистолетом. Он сразу понял, что стрелять очень опасно. «Шевроле» кидало на кочках, и любой снайпер, стреляя по колесам, мог попасть в багажник цвета «мокрый асфальт».

Да и некогда было стрелять. Через десять секунд «Опель» и джип свернули налево и скрылись за бугром...

* * *

Только вечером съемочная группа вернулась в гостиницу. У них не было с собой бензопилы!.. Им пришлось возвращаться в поселок, искать по

домам ножовки. Потом три часа тупыми пилами в пяти местах пилили толстый ствол. Потом они долго растаскивали по обочинам тяжелые бревна и смолистые колючие ветки...

Ганина ввалилась в свой номер смертельно усталая. Пошатываясь, она сняла с себя все, намереваясь идти в душ, но дошла только до кровати. Не снимая покрывала, Полина упала животом вниз и замерла, испытывая блаженство неподвижности.

Было прохладно. Захотелось развернуться и прикрыть голое тело, но девушка не смогла пошевелиться... В очередной раз к ней пришла злая мысль, что устает она потому, что очень толстая. А толстая она потому, что много жрет. А ест она много потому, что всегда на нервах. А злится она потому, что рядом нет любимого мужчины. А мужа у нее нет потому, что она очень толстая. А толстая она потому, что...

Полина не успела пустить мудрые мысли по второму кругу. Она услышала, как в замочной скважине проворачивается ключ...

Этого не могло быть! Вероятно, ей это послышалось... Но на всякий случай она встала и, мягко ступая босыми ногами, пошла к двери.

Дверь распахнулась, когда Ганина приблизи-

лась к ней на метр... В коридоре номера было темно, и Полина машинально нажала выключатель, совершенно забыв о своем наряде.

За дверью стояли четверо — офицер с тремя большими звездами, знакомая администраторша и пожилая пара с бесстрастными лицами... Немая сцена длилась две-три секунды! Но стороны не отвернулись и не разбежались.

Первым заговорил милицейский полковник:

— Гражданка Ганина?

— Да, это я!

— Вы бы оделись.

— И не подумаю!.. Сначала скажите, зачем вы ко мне врываетесь. Вы же хотели открыть дверь отмычкой?

— Это не совсем так... Я должен провести у вас обыск.

— С какой это стати? У вас есть ордер?

— Понимаете, Полина, ордер — это не проблема... Да оденьтесь вы, наконец! Я не могу вести процессуальные действия с таким субъектом.

Девушка нехотя пошла в комнату и очень медленно стала натягивать джинсы... Полковник тоже переступил порог и продолжал разговор, разглядывая потолок:

— Понимаете, Полина, на вас поступило заяв-

ление, будто бы вы храните наркотики. И я имею право по горячим следам осмотреть место... А если с ордером, то это сразу тюрьма! Вы поняли?

— Поняла. Не дура. Только зря вы реагируете на ложный донос. Я даже в институте травкой не баловалась.

— Тут, дорогая, не травкой пахнет... Заходите, товарищи!.. Знакомьтесь, гражданка Ганина, это понятые... Начнем, пожалуй!

Понятые поклонились, робко сели на диванчик у входа и замерли, сложив руки на коленях. Они были похожи на послушных мопсов, которые доверчиво смотрят в лицо хозяина... А полковник продолжал:

— Гражданка Ганина, вы не желаете добровольно выдать наркотики? Это смягчит вашу участь.

— Нет у меня никаких наркотиков!

— Зря вы играете в несознанку! Жаль. Тогда приступим... Понятые, посмотрите на кровать. «Дурь» обычно прячут под подушкой...

Подождав пока зрители подойдут, Губкин поднял подушку, под которой лежала яркая ночная рубашка и пакет с порошком белого цвета... У полковника был вид фокусника, который поразил зрителей и наслаждается эффектом.

— Все видели?.. Здесь больше ста граммов. Это

тянет на восемь лет... А сейчас мы докажем не только хранение, но и сбыт героина... Понятые, подойдите к шкафу.

Парочка «мопсов» поспешила в другой конец комнаты, где Виктор Исаевич уже вытащил плечики с простеньким халатиком.

— Смотрите внимательно! Вот два кармана. Я опускаю руку в правый и достаю нечто. Что это?.. Оп! Это пакетик с разовыми дозами! Это «чеки»!.. Для суда — это десять лет строгого режима. Однозначно!

Толстая Полина была шокирована в полной мере. Она то зажмуривалась, то оглядывала всех туманным взглядом... Полковник решил, что клиент испекся! Такую можно вербовать голыми руками.

Виктор Исаевич незаметно подмигнул Кире Петровне и сделал условную отмашку рукой... Администраторша все поняла.

— Так мы пойдем, товарищ полковник... Понятые пока у меня посидят.

— Да, да... Если понадобится подписывать протокол, я их вызову.

Кира с «мопсами» быстро ушла, а полковник приступил к вербовке Полины Ганиной... Он взял ее за плечи и усадил в кресло. Сам сел на стул в

центре комнаты.

— Что будем делать, несчастная вы моя?

— Не знаю... Только это не мои наркотики!

— Верю! Очень даже допускаю, что их сюда ветром занесло. Но понятые-то все видели... По закону мне надо надеть на вас наручники и запустить систему правосудия. А это тесная камера СИЗО, грубые охранники, которые домогаются вас каждую ночь... Вы этого хотите?

— Нет, нет!.. Ни в коем случае.

— Вот и я, Поля, не хочу. Но — надо!.. Есть, правда, вариант.

— Какой вариант? Я на все согласна!

— Мне не надо все!.. Я смогу вам помочь взамен на серию маленьких услуг.

— Я готова!

Полина действительно была готова на все. В ее жизненном опыте были два эпизода, которые связаны с тюрьмой и зоной...

Первый — одноклассник поджег дачу нехорошего человека. Друзья сочли, что это благородный поступок, а судья не понял и дал три года... После возвращения этот парень любил ярко описывать прелести быта за колючкой.

Второй — подруга подсела на наркотики, а потом села на восемь лет... Она еще не вернулась,

но изредка пишет жалостливые письма.

— Не надо меня в тюрьму... Я на все готова. Даже на это!

— Вот этого, Полина, мне от вас не надо... От вас требуется сущий пустяк — написать три бумажки на русском языке.

Губкин разложил на столе кейс, вынул несколько листочков, пододвинул стул и жестом пригласил Полину сесть... Она села, взяла ручку и вопросительно посмотрела на полковника.

— Сначала в двух словах напишите чистосердечное признание. Ну, что вы торговали наркотиками, но больше не будете.

— Я напишу... А что еще?

— А еще — расписку о сотрудничестве и первое донесение... «Источник Пышка сообщает, что продюсер Умнов сделал это, а режиссер Фурман сказал не то...»

— Понятно... Но почему я «Пышка»?

— А кто ты еще? Толстушка, тумба, пончик?.. Я всегда даю агентам псевдонимы по внешним данным, чтоб легче запомнись. Вас много, а я один!

* * *

Все окна в доме были с крепкими решетками. Можно было поместить пленницу в любой

комнате и спокойно допрашивать при дневном свете. Но Червонец сослался на психологию, и все разговоры пришлось вести в мрачном подвале с маленьким окошком где-то под потолком.

Помещение для допросов готовили три часа. Шпунт и Николя таскали мебель, а Злотников руководил и давал ценные советы.

— Надо принести из сарая крупный инструмент и повесить на боковой стене. Всякие там тиски, клещи, фомки, топоры.

— Зачем это, шеф?

— Для воздействия на психику... Возможно, мы и не будем ей ломать кости. Но она должна чувствовать, что это рядом. Вот они тиски, в которые можно зажать пальцы и крутить, крутить...

— Нормально, шеф!.. Даже жалко девку.

— Жалеть будем потом!.. Мы сядем вот здесь, как «тройка НКВД», а по краям стола две настольные лампы. И направить их в центр, на кресло, где она...

— Здорово, шеф! Это для воздействия на психику?

— Именно... Я дам сигнал, и ты, Шпунт, встанешь, зайдешь за кресло и рывком разорвешь ей платье на спине.

— Сделаю, шеф!.. Я давно хочу ее пощупать.

— Щупать будем потом! Сейчас надо узнать, куда ее муж спрятал наши вещи...

Все это время связанная Ольга лежала на тахте с кляпом во рту и с повязкой на глазах... Только ближе к вечеру ее повели в подвал, усадили в кресло и привязали к нему.

Ей было страшно... Из-за яркого слепящего света Ольга не видела тех, кто ее допрашивал.

Уже по первым вопросам она поняла, что эти люди принимают ее за Дубровскую. И это нормально — за последнюю неделю все принимали ее за актрису... Но бандиты намекнули, что это второй допрос. А значит, настоящая Дубровская уже попадала к ним в лапы. И странно, что она промолчала об этом.

Те, кто сидит по краям, это явные «шестерки». Ольга всячески пыталась наладить контакт с главным, который в центре. На пятом вопросе она узнала его имя и отчество.

— Я поняла, уважаемый Ефим Борисович, что вы ищете какие-то вещи?

— Именно, Верочка!.. Мы ищем наши вещи. Это такие маленькие штучки, лежавшие в большом чемодане... Они очень дорогие, а ваш муж украл их у нас и где-то спрятал. Где? На даче, на чердаке, у соседей?.. Думай, девочка. Только ты можешь

догадаться. Воровать — нехорошо!

— Конечно, нехорошо... Но об этом может знать артистка Дубровская. Вы у нее спрашивали?

— А что мы сейчас делаем?.. Всё! Мое терпение лопнуло. Если вы хотите играть в кошки-мышки, то мы будем спрашивать вас грубо и жестоко... Я прошу вас, Николя, подберите инструменты. А вы, Игорь, приготовьте даму к беседе.

Коля Фокин встал, начал греметь клещами-фомками и раскладывать их перед пленницей на верстаке.

А Шпунт зашел за кресло, сдвинул веревки с плеч девушки, крепко двумя руками взялся за ворот ее рубашки, примерился и рванул в разные стороны... Материя с треском лопнула, обнажив плечи пленницы.

Ольга вскрикнула и попыталась объяснить самое главное:

— Вы думаете, что я Вера Дубровская? Это не так! Я совсем другая... Я — Ольга.

Она говорила нервно и быстро. Все слышали этот невнятный бред, но никто не обращал внимания. Каждый занимался своим делом... Николя взял большие клещи и газовый разводной ключ. Позвякивая этим инструментом перед лицом пленницы, он зловещим голосом спросил у Злот-

никова:

— Ну как, шеф, можно начинать?

— Рано, друзья. Вдруг она сама все скажет, а мы зря попортим ее красоту... Ты, Коля, пойди на кухню и раскали эти вещи докрасна. А Верочка пока подумает.

Николя вразвалочку пошел к двери, но выйти не успел. Его остановил панический возглас Шпунта:

— Стой!.. Это не она! Точно, ребята, она не врет... Идите все сюда. И включите мне верхний свет.

Коля Чижов стоял у двери рядом с выключателем. Он послушно отложил на тумбу орудия пыток и нажал кнопку... Лампа была очень яркой. Матовая «сотка» висела на длинном проводе прямо над креслом.

Червонец и Николя недоверчиво подошли к спине пленницы. Шпунт отодвинул волосы и радостно обратился к Ефиму Борисовичу, который стоял по правую руку.

— Вот, сам посмотри!.. Что это?

— Это плечи... А здесь — шея.

— Какая шея!

— Как какая?.. Тонкая, красивая, слегка загорелая... Ты мне, Шпунт, Ваньку не валяй. Докладывай четко!

— Докладываю, шеф... Тогда в Москве я тоже к ее шее приблизился. И я сразу запал на две родинки — вот здесь и тут... Они такие крупные, как перец в гороховом супе.

— Да, понимаю... У меня тоже одна была с родинкой. Это запоминается...

Злотников обошел кресло, присел и стал вглядываться в лицо девушки... Еще минуту назад он ни в чем не сомневался, а сейчас из-за двух пятнышек на шее попал в тупик... Нет, эта девка очень похожа на Дубровскую. Но с другой стороны, Червонец плохо различал симпатичных женщин. Скажем, в разделе «Курносые блондинки» — они все казались ему на одно лицо.

Шпунт тоже обошел кресло и присел рядом.

— Фима, вы посмотрите на ее глаза. У той был нахальный взгляд. Та, которая в Москве, она смотрела, как пантера на охоте... А у этой глаз доверчивый, как у зебры.

— При чем тут зебра! Хотя я и сам чувствую, что эта не такая наглая, как та, что в Москве... Ты что там, Николя, дверь подпираешь? У тебя какие мысли на этот счет?

— Я думаю, шеф, что нам без разницы — она это или кто... Так мне нагревать инструменты или нет?

— Нагревай!.. Мы спросим ее, но о другом. Если она не Дубровская, то где Дубровская?

* * *

В сложных ситуациях Денис умел концентрироваться и работать активно. Но сейчас, когда он понял, что Ольге грозит смертельная опасность, он растерялся. Слава Зуйко тоже как-то обмяк. Инициативу взяла на себя Ванда.

Они собрались в апартаментах продюсера Артура Умнова — в люксе № 301. Здесь были самые заинтересованные лица. От киношников только трое — хозяин номера, режиссер Фурман и его ассистентка Полина Ганина.

Ванда усадила всех за круглый стол и начала совещание.

— Что нам известно? Нам известно, что бандитов трое. У них две машины — «Опель» и «Шевроле» цвета «мокрый асфальт»... Что еще? Вспоминай, Борис! Ты же их видел.

— Я видел только двоих. Одного издалека, а того, что в синей бейсболке, видел несколько раз. И в Москве на вокзале, и в поезде, и в гостинице.

После этих слов Артур Умнов закричал:

— Я тоже его видел! У меня есть его фото... — Продюсер вскочил с места, вытащил из шкафа

ноутбук, разложил его на столе, включил и только тогда начал объяснять: — Наш оператор — он фанат! У него мощная цифровая камера, и он снимает все подряд... Вчера вечером он перегнал на мой компьютер две сотни снимков... Утром я их просмотрел. Там точно есть тип в синей бейсболке. Не помню только где...

Говоря это, Артур активно работал мышкой, листая фото... Вот серия встречи группы на вокзале, вот портретные снимки в вагоне, вот приезд в Боровск, а это размещение в гостинице... Умнов чуть было не пропустил нужный кадр. Глазастая Ванда победно вскрикнула, хлопнула продюсера по плечу, и он вернул картинку.

Это был холл «Азалии». Оператор удачно снял жанровую сценку: молодой посетитель в синей бейсболке заигрывает с администраторшей Кирой Петровной на фоне вывески «Мест нет»... Артур увеличил лица, а Фурман, как режиссер, попытался объяснить мизансцену на фотографии.

— Очевидно, этот парень клеит Киру. Зачем?.. Она для него старовата, а рядом толпа молоденьких актрис... Если он приехал нашим поездом, то ему нужен ночлег. И наша администраторша могла его куда-нибудь поселить... Жаль, что сегодня не ее смена.

Режиссер ехидно взглянул на продюсера. Они работали вместе не первый год, и Вадим Семенович отлично знал манеру работы продюсера.

— Послушай, Артур. Я удивлюсь, если у тебя нет домашнего телефона Киры.

— У меня не зря фамилия Умнов... Я все предусмотрел. Есть и телефон, есть и домашний адрес.

— А данные о муже?

— А вот с мужем у нее не очень ладно! И поэтому я сейчас позвоню ей, скажу пару ласковых слов, и она прибежит через двадцать минут... Она рядышком живет, в трех кварталах от нас.

Кира Петровна вбежала в номер через пятнадцать минут...

Она предполагала совсем другое, была сбита с толка, ошарашена, и это очень помогло в разговоре... На администраторшу навалились сразу всем миром, но основной допрос вел Денис.

— Уважаемая Кира Петровна, вы знаете парня, который на экране?

— Конечно, знаю. Это Игорек — очень хороший мальчик.

— Что вас с ним связывает?

— Это хамский вопрос! Я сама со своими связями разберусь — с кем, где и сколько раз. Не лезьте в мою личную жизнь!

— Как хотите. Я только хотел уберечь вас... Игорь — опасный человек. Вы, например, знаете, что он участвовал в убийстве сотрудников милиции?

— Как?

— А вот так! Путем взрыва... Где сейчас Игорь? Отвечать быстро!.. Или вы соучастница?..

Через минуту все уже спускались к машинам, собираясь ехать к какому-то квартирному маклеру Косте Романову.

Толстая Полина выбежала из номера первой. Она успела заскочить к себе и позвонить по секретному номеру... Но телефон полковника Губкина был недоступен. Это бывает! Или он в плотном лифте застрял, или зарядка у батарей кончилась...

Показывая дорогу к маклеру, Кира Петровна причитала: «Только он знает, куда он поселил этого гада... Всю ночь меня этот Игорь мучил... Чтоб ему, живодеру, пусто было! Чтоб у него все отсохло. Чтоб больше ни одна дура на него не клюнула...»

* * *

Дверь в ванную комнату была открыта, и полковник слышал вызов своего мобильника.

Понятно, что это был не звонок, а солидная песня под оркестр — Магомаев во весь голос пел арию Фигаро... Но Губкин только начал вытираться, и ему совсем не хотелось выходить в мокром виде. Если звонок важный, то позвонят еще раз!..

В этой квартире Губкин по ряду причин стал бывать все реже и реже. И не потому, что ему этого не хотелось. Просто сейчас, когда его назначили начальником городского УВД, ему стало казаться, что на него направлены глаза всех жителей Боровска. Днем такое внимание было даже приятно. Это вдохновляло на великие дела и щекотало самолюбие. Но вечером, когда он ехал на квартиру Катерины, то волновался, как курсант в самоволке — полковник боялся, что его застукают.

Катя жила в двухкомнатной квартире вдвоем с их сыном. Ей недавно исполнилось тридцать, а Вовке — скоро два года. Он уже спал в дальней комнате, а Екатерина разложила в спальне кровать и ждала его...

Они познакомились десять лет назад. Тогда майору милиции Губкину не было и сорока лет. Но у него уже были взрослые, не очень путевые дети и верная жена. Она никогда не изменяла ему потому, что не имела никакого интереса к

мужчинам, включая его самого... А вот Катя — это совсем другое дело!

Первые годы она надеялась, что он разведется со своей женой и женится на ней. А потом поняла, что этого не будет никогда... И она привыкла к такой жизни. Полковник обеспечивал ее во всех отношениях. Этот Губкин сделал Екатерине легкую денежную работу, отличную квартиру и чудесного ребенка... Вот так они и жили!

Виктор Исаевич заезжал сюда каждую среду на полтора-два часа. С пяти вечера до семи. А жена считала, что в этот день у него курсы повышения квалификации...

Второй раз его мобильник пропел арию Фигаро в самый неподходящий момент. Губкин был уже в постели и не мог отвлечься... Магомаев пропел и замолчал, а через минуту сотовый телефон в кармане кителя опять залился приятным баритоном: «О, браво, Фигаро! Браво, брависсимо...»

Полковник промямлил что-то вроде: «Подожди, я сейчас», встал и подошел к стулу, на котором была сложена форма... Он бы не стал отрываться, но у него с собой было два телефона. И этот, который пел голосом Фигаро, был секретным. О нем не знали ни жена, ни подчиненные, ни дежурный УВД. Этот номер он давал лишь своей

агентуре для экстренной связи.

— Алло! Это кто?

— Это я, товарищ полковник... Меня зовут «Пышка».

— Не понял! Кто это?

— Вы сами не велели называть свое имя. Это закон конспирации... Я напомню о себе. Я — ассистент режиссера Фурмана. Такая вся толстая и некрасивая.

— Ах, вспомнил!.. Слушаю тебя, дорогая Пышка.

— Источник сообщает, что сегодня он узнал все про убийство милиционеров.

— Что ты узнала? Говори быстро!

— Источник узнал, что убийцу зовут Игорь. Ему двадцать пять лет. Он приехал из Москвы на поезде вместе с киногруппой... А еще он ходит в синей бейсболке.

— Это все?

— Нет!.. Источник сейчас поедет куда-то в сторону поселка Дубрава. Там поселился Игорь с группой бандитов. Они, гады, украли актрису Веру Дубровскую. Мы едем ее освобождать.

— Не понял, Пышка, ты где?

— Я возле дома маклера Романова... Все! Меня зовут... Постараюсь позвонить еще.

В трубке что-то пискнуло, и важнейший разговор неожиданно прервался... Губкин вернулся в спальню и понял, что Катя не слушала разговор и ничего не поняла.

Она лежала так, как он ее оставил... Она лежала и ждала продолжения банкета!

— Послушай, Катерина! Тут такое дело, что мне надо ехать.

— Поезжай... Это жена звонила? Конечно же, она законная супруга, а я так — два часа в неделю.

— Ты, Катюша, глупая дура. Ты что это выдумала? Стану я из-за своей тебя покидать.

— Но и ее ты из-за меня не бросаешь.

— Не бросаю! Это жизнь! Это единство и борьба противоречий... Спешу я, Катюша! Тут у нас террористы проявились.

— Ой! Это те, которые возле «Азалии» взорвали?

— Они самые!

— Тогда иди... Но прошу тебя, Виктор, будь осторожен. И обязательно возвращайся!.. Я с места не сдвинусь — буду тебя ждать!

* * *

До поворота на Дубраву оставалось пять-шесть километров, но передняя машина притормозила и повернула налево. А за ней и вся остальная «группа захвата»...

Дело в том, что Артуру удалось из офиса маклера Кости Романова позвонить в «Азалию», в номер, где жили молодые артисты мужского пола. Продюсер объявил срочную мобилизацию, и через десять минут «Рено» Славы Зуйко и зеленый «Ниссан» Дениса догнал киношный автобус. В нем было пятнадцать человек с бутафорским оружием и пиротехникой...

Маклер сидел рядом с Денисом и указывал дорогу. Без него они не нашли бы одинокий коттедж в горах. Эту усадьбу строил романтик, помнивший детские сказки про неприступные замки.

Нет, здесь все было пониже и пожиже. Но перед фасадным забором зеленела вода в канаве метровой ширины. И въезд в дом проходил по деревянному настилу, отдаленно напоминавшему подвесные мосты в английских замках... И еще — за домом с двух сторон спускался вниз каменистый овражек. Тоже некоторая защита! Не пропасть, конечно, но и не поле с васильками...

Было очень удобно, что за сто метров перед этой крепостью на повороте дороги располагалась лесная поляна, где могли свободно разместиться две иномарки и студийный автобус... Именно здесь организовали временный штаб операции.

С первых минут так сложилось, что руководил всем мероприятием Денис Носов. Его слово было главным, но активно высказывались три его главных советника. Борис Кукин — специалист по оперативной работе, Артур Умнов — организатор киногруппы и Вадим Фурман — вдохновитель творческих идей.

Штаб совещался пять минут. Больше просто нельзя обсуждать. Все чувствовали, что в ста метрах отсюда томится в плену Верочка Дубровская... А если не она, то другая молодая и очень симпатичная женщина.

Пока около трех сосен шло заседание штаба, актеры и примкнувший к ним маклер Романов собрались вокруг пиротехника группы. Никто не курил, поскольку в руках у специалиста были настоящие пиропатроны... Все было очень серьезно! Почти как при осаде крепости Измаил.

Денис подозвал Кукина, Славу и Ванду. Потом он объявил свое решение всем остальным:

— Мы вчетвером огибаем забор вдоль оврага

и выходим им в тыл... Попытаемся проникнуть внутрь дома. Дальше. — действуем по обстоятельствам... Мы будем освобождать Ольгу, а вы должны всячески отвле. кать на себя внимание. Перегородите автобусом ворота, попытайтесь вступить в переговоры... Всем все ясно?

Возможно, киношники поняли свой маневр. Во всяком случае — все молчали, кивали головами и потирали руки, готовясь к большой битве... Все было ясно всем, кроме Миши Макова. Он, как зеленый первоклассник, поднял руку и вопросительно посмотрел на Дениса.

— Можно спросить?

— Конечно, Миша.

— Я не понял... Когда меня в лесу связали, я гулял с Верой Дубровской. А сейчас вы сказали про какую-то Ольгу... Кто там у бандитов?

— Там в плену Оля Крутова. А Дубровская — ее псевдоним... Ребята, давайте сначала спасем, а потом я все секреты расскажу... Если вы готовы, тогда мы пошли.

И они пошли вдоль оврага, перебегая от куста к кусту... Слева возвышался высоченный забор. Окон коттеджа не было видно, но осторожность не мешала — по пути могли быть телекамеры, сигнальные растяжки или простые капканы.

Они пока не представляли, как будут действовать, когда обойдут участок с тыла. Чтоб штурмовать забор, необходима специальная техника. А у них из альпинистского оборудования была лишь трехметровая веревочка и молоток, отдаленно напоминавший ледоруб.

Они прошли уже три четверти пути, когда услышали звук клаксона. Стало ясно, что автобус уже перегородил дорогу. Это был призыв к переговорам.

* * *

Злотников думал, что у него есть несколько дней. Он знал, что милиция провинциальных городов работает ни шатко и ни валко... Нет, понятно, что начальство киногруппы будет жаловаться и качать права. Менты же умело отобьют первые атаки... Они скажут, что Дубровская могла сбежать с любовником, а тот актер в лесу — он сам себя привязал к дереву... Или, например, эта парочка разыграла похищение для раскрутки своего имиджа. Нормальное дело!

Одним словом, Червонец считал, что милиция Боровска не пошевелит пальцем раньше чем через три дня. А потом начнет шевелиться, но вяло и медленно... Короче, по его прикидкам, для спо-

койных допросов Дубровской у них была неделя.

А тут вдруг — «Здравствуйте, я ваш продюсер»... Появление у ворот автобуса с киногруппой более чем настораживало.

После того как от ворот прибежал испуганный Шпунт, Ефим Борисович решил сам идти на переговоры... И он пошел!

Открыв массивную дверь в заборе, Злотников вышел на помост... Первое, что он понял: противник перекрыл выезд. Автобус стоял не просто так, а наискось, упираясь капотом в плотное сосновое мелколесье, а задние колеса почти нависали над склоном оврага.

Вышедшие из автобуса люди толпились в лесу, и было видно, что их много... Червонец оценил и то, что это молодые мужчины. Женщин всего три, и это сорокалетние дамы крепкого сложения...

По мосту навстречу Злотникову неторопливо шел мужчина с характерным творческим лицом. Он был приветлив и даже улыбчив.

— Здравствуйте, любезный наш хозяин. Я — Фурман Вадим Семенович, режиссер из Москвы.

— А я — Иванов Иван Иванович.

— Очень приятно!.. Мы вот тут ехали-ехали и набрели на ваш особняк... Это хороший знак!

— Для кого?

— Для всех нас!.. Мы решили снимать у вас сериал — эпопею из провинциальной жизни. И замок у вас симпатичный, и природа... Мы хотим...

— А мы не хотим!

Злотников разозлился, скрылся за забором и демонстративно с лязгом и грохотом задвинул засов... И правильно! А кому понравится, когда вот так нагло вешают на уши лапшу?..

Ефим Борисович знал, что ему надо быть жизнерадостным и бодрым. Перед домом его ждали испуганные Коля и Игорек. Они заглядывали ему в глаза и ждали команды.

— Ничего страшного, братва! Они хотят кино здесь снимать. Природа здесь подходящая... Но нам, на всякий случай, пора сматываться. Не верю я им!

Последняя фраза чем-то очень понравилась. И Шпунт, и Николя вместе подхватили ее и стали наперебой высказывать свои простые мысли:

— И мы им, шеф, не верим! У них артистку украли, а они место для съемок ищут? Так не бывает! Это они нас искали. И нашли!.. Скоро здесь менты будут.

— Стоп, ребята! Некогда лясы точить... Мы с Николаем грузим вещи и готовим машины, а ты, Шпунт, иди в подвал, упакуй девку в дорожном

варианте и веди сюда... У нас пять минут на все про все!

И Игорек бросился вниз, обдумывая план действий... Пусть эта девка не артистка Вера, но тоже очень хороша! И сейчас она будет в его полном распоряжении... Жаль, что за пять минут ничего не успеть! А как могло бы быть хорошо...

Он быстро сбежал по лестнице и открыл дверь подвала... Пленница уже третий час сидела, привязанная к креслу. Она казалась вялой и не способной ни к какому сопротивлению.

Шпунт начал ее развязывать, одновременно думая над фразой Червонца: «упаковать в дорожном виде». Это как это?.. В подвале было много всего, но не было самого необходимого. Он шарил вокруг взглядом, но не находил подходящего ящика или крупного чемодана... А как еще ее упаковать?

В последний момент Игорек вспомнил про груду почти новых мешков. Надо один натянуть сверху, а другой снизу. Отличная тара!

Освобожденная от веревок девушка попыталась встать, но это получилось с трудом. Она пошатывалась и крепко держалась за спинку кресла... Шпунт подумал — это даже хорошо, что сейчас ей плохо. Вялую пленницу и перевозить

легче!

Он отошел к столу, быстро выбрал два мешка и вернулся в центр подвала... Прежде всего он оторвал девушку от кресла и установил ее на свободном месте, где удобней надевать тару.

Один мешок Шпунт свернул и сунул под мышку. А второй расправил и попытался поднять над головой Ольги. Но длины рук не хватало — или первый мешок выпадал из-под мышки, или второй не надевался.

— Слушай, ты присядь пониже!.. Сама же видишь, что мне не очень удобно.

Ольга присела на корточки. Прямо перед ее глазами были коленки Шпунта, чуть ниже — его щиколотки, а совсем у пола — рыжие кроссовки.

Игорь расправил мешок и протянул руки перед собой... Ольга тоже протянула руки перед собой и схватила парня за щиколотки, за место чуть повыше кроссовок. И не дожидаясь надевания мешка, Ольга Крутова рванула ноги Шпунта на себя, разводя их в стороны — правую конечность влево, а левую вправо.

Пока Игорек в полете заваливался назад, она вставала, поднимая его ноги выше плеч...

Все завершилось глухим ударом черепа о бетон... Шпунт грохнулся затылком и приложился

так крепко, что не успел даже чирикнуть.

Он лежал в позе трупа, но пальцы его рук нервно дрожали, выдавая, что клиент скорее жив, чем мертв...

Ольга развернулась и резво побежала в дальний угол — к верхнему подвальному окошку... Было ясно, что она дурила Шпунта и только притворялась немощной!.. Вот, никому нельзя верить! Все врут! Не всегда, но часто...

Под окошком стоял стол, но его высоты было мало... Ольга взгромоздила табурет, прихватила обрезок трубы и взобралась на пирамиду под самый потолок. Ей предстояло преодолеть две трудности — взломать узкое подвальное окошко и пролезть в него.

И надо было спешить! Всегда могли прийти два других бандита, да и тот, который Шпунт, уже начал мычать, шевелить головой и подавать другие признаки жизни.

Обрезком трубы Оля зацепила оконный замок и крутанула его по часовой стрелке.

Замок звякнул, оторвался и полетел в потолок, а труба с грохотом отскочила вниз. Табурет под Крутовой задрожал, зашатался, но устоял... Она схватилась за ручку и потянула на себя. Окошко нежно скрипнуло и открылось.

И на Ольгу пахнуло запахом свободы, ароматами леса, сухой травы и ржавого железа...

* * *

Переговоры прервались в самом разгаре. Это обидело Фурмана, но он считал, что не все еще потеряно. Их задача, отвлекать бандитов на себя. Это еще можно выполнить. Надо только действовать методично и по всем направлениям.

Артур Умнов направился к артистам, которые прятались за автобусом. Продюсер на ходу сочинял стишки, и актеры дикими голосами орали призывы и лозунги типа: «Мы хотим сниматься тут. Мы обгоним Голливуд!»

Умнов колотил кулаком в ворота и требовал продолжить разговор.

Но круче всех сработал Миша Маков. Он единственный, кто видел бандитов в лицо. Он решил, что должен взглянуть на них сверху и гневно обличить!.. Михаил рванулся к воротам и с одного прыжка взлетел на верхнюю перекладину. Он перекинул ногу, сел верхом и взглянул вниз... Там во дворе были все трое — двое возились у машин, а тип в синей бейсболке, пошатываясь, выходил из дома.

Миша пригляделся, а потом закричал, пытаясь

перебить бравурные лозунги: «Это они! Это бандиты, которые украли Веру Дубровскую. Они не уйдут от возмездия...»

В пылу актерского вдохновения Маков даже не заметил, что к нему направляется старший из бандитов. Тот, которого все называли Червонец.

* * *

Забор стоял в метре от спуска в овраг... Они шли по узкой тропе, выбирая место для штурма. Денис заметил лежащее на склоне короткое бревно — в рост человека, не больше. Он поднял руку, и группа остановилась...

В этом месте тропинка расширялась, образуя небольшую площадку... Денис указал на доски забора, на бревно, а потом наклонился, опустил вниз руки и качнул ими, изображая таран.

Все всё поняли!.. Славик спрыгнул в овраг и начал поднимать бревнышко, но попытка не удалась. На склоне очень трудно нащупать точки равновесия... Тогда Кукин размотал веревку и сбросил ее вниз.

Когда бревно втащили на площадку, то оказалось, что оно похоже на карандаш — его нижний край зачем-то обтесан топором. Как будто кто-то специально хотел превратить его в таран.

Бревно развернули, направив острием в сторону забора, обхватили, подняли, раскачали и, по сигналу Дениса, ударили по доске...

Они явно не рассчитали силу удара. Забор был крепок лишь на первый взгляд. Доска со звоном разлетелась на несколько кусков, а таран на полметра вклинился на вражескую территорию.

Второй и третий удары были точнее и мягче — без лишнего шума и грохота... Три выломанные доски открывали широкий проход в заборе.

Где-то за домом слышались крики артистов и стук в ворота. В этой суматохе бандиты могли не услышать треск ломаемых досок на заднем дворе.

Денис первым нырнул в проем. Он сразу отошел вправо, освобождая дорогу остальным, и осмотрелся... Все спокойно на заднем дворе! Все обычно для дачных закоулков — компостная куча, разнокалиберные доски, бочки, баки и разные железяки...

Когда четверка оказалась на задворках, что-то мелькнуло в подвальном окошке... На всякий случай вся «группа захвата» бросилась на землю, укрываясь за чахлой и жухлой травой.

Расположенное у самой земли окошко скрипнуло и открылось. Почти сразу в проеме показались

растрепанные женские волосы. Потом руки, плечи и все остальное.

Все знали, что именно в этом особняке бандиты держат в плену Ольгу. Но когда вылезла на волю грязная фигура в рваной одежде — никто ее сразу не узнал. Кроме того, на Ольге было незнакомое Денису пестрое платье, грим и прическа героини фильма. В таком виде ее могла узнать только Ванда... И она узнала!

Понимая, что бандиты где-то рядом, Горбовска тихо закричала и бросилась к подруге...

* * *

Миша Маков чувствовал, что его основные зрители там, за автобусом, на своей стороне. Именно братья-артисты трепетно слушали его обличительные реплики... Он сидел верхом на воротах и чуть развернулся в сторону дороги.

Такое нахальство только на пять секунд ошарашило Злотникова. А потом он в три прыжка приблизился к забору с тыловой стороны. В последний момент Маков просто не мог видеть, как Ефим Борисович дотянулся до его ноги.

Все остальное Миша тоже плохо видел. Но он прочувствовал это на своей шкуре — рывок, полет, удар, боль во всем теле и запах жухлой

травы, прорастающей через горячий гравий...

Маков лежал плашмя, уткнувшись лицом в площадку перед воротами... Злотников подозвал Шпунта:

— Я не понял, Игорек, что это у тебя рожа такая трахнутая?

— Именно, что трахнутая!.. Это актриса меня приложила. Да так, что я в полной отключке валялся... Она меня головой о бетонный пол! Чуть черепушка не раскололась. Хорошо, что я в бейсболке был.

— Плевать мне на твою черепушку! Где артистка?

— Так она сбежала... А вы ее не поймали?.. Но я не виноват, шеф. Я раненый был. Я лежал, как жмурик в морге, а она, змеюка, шасть — и в форточку.

— Ладно, проехали!.. Черт с ней. Если она не Дубровская, то она нам уже все сказала... Давай скрутим этого — и в багажник.

— Зачем?

— Дурак ты, Шпунт. Это — заложник! С ним прорываться будем.

Миша Маков был небольшого роста. Он легко сложился и лег в багажник «Шевроле» цвета «мокрый асфальт»... За руль джипа Злотников

посадил Игоря... Николя, сидя в своем «Опеле», тоже запустил двигатель.

Сам Ефим Борисович открыл ворота, вышел на мостик и осмотрел взволнованных актеров.

— Спокойно, граждане!.. У нас в заложниках ваш товарищ. Если не будете меня слушать, то мы его убьем... Всем отойти от автобуса на сто метров и освободить дорогу!

Киношники начали пятиться, понимая, что сейчас лучше отступить... И продюсер, и режиссер тоже отступали, не беря на себя роль вожаков. А без главаря ни одно дело не клеится.

Автобус стоял поперек дороги... Злотников запрыгнул на водительское место, включил мотор и начал осторожно давать задний ход.

Задние колеса цеплялись за пологий склон оврага. Машина стала уходить вниз, наклоняться и заваливаться.

Червонец работал осторожно, держа дверь автобуса открытой. И, когда стало ясно, что до падения в овраг остались секунды, он спрыгнул на траву и проводил взглядом машину, скользящую вниз на правом боку.

Дорога была свободна, и первым из ворот вырвался джип «Шевроле»... Сидевший за рулем Шпунт лихо притормозил около шефа.

— Садитесь, Ефим Борисович! Прокачу с ветерком.

— Не надо! Ты лучше пересядь назад и подумай, как надо было актрису стеречь... Я сам поведу. Нам сразу бежать из города надо.

Через несколько минут обе машины остановились на развилке лесных дорог, где-то в трех километрах от коттеджа... Им надо было сделать две вещи. Одну, очень важную, — сменить номера на машинах, а другую, побочную, — отпустить заложника, который теперь был не очень-то нужен...

Из-за разбитой коленки Миша хромал. Он шел назад, он шел к своим... Но если бы он обернулся, то заметил бы, что две бандитские машины выехали на шоссе и повернули не к Боровску, а совсем в другую сторону.

* * *

Понимая, что противник оставил позиции, Фурман хотел вести народ за ворота коттеджа. Но его неожиданно остановила толстая Полина.

— Стойте! Они же Мишу Макова увезли. Нам надо срочно его спасать.

Народ остановился, и все разными фразами стали спрашивать одно и то же: «Как его спасти? Что

мы можем сделать? От нас ничего не зависит...» И все поглядывали на Фурмана, как на вожака.

Но Поля Ганина почувствовала ответственность момента и продолжала руководить:

— Я должна записать. Диктуйте, что за марки у бандитских машин. И их номера, если кто запомнил...

Артисты оказались наблюдательные, и вскоре у Полины было все, что нужно... Она достала мобильник и набрала нужный номер.

— Товарищ полковник, это Пышка вас беспокоит... Источник докладывает, что бандиты бежали и на двух машинах направляются по дороге от Дубравы в город Боровск. Запишите: серый «Шевроле» номер 134 и «Опель» с номером 667... Их надо задержать и обезвредить!

Артисты стояли вокруг Ганиной плотным кругом. Они смотрели на ассистента режиссера во все глаза. И как-то сразу все зауважали смешную и толстую Полину...

И никто не заметил, как по узкой тропинке вдоль забора к воротам вышла группа из пяти человек. В центре шла девушка, которую еще сегодня утром все считали актрисой Верой Дубровской. Теперь она откликалась только на Ольгу Крутову...

* * *

Денис собирался уехать из Боровска по-английски. Местная милиция могла опомниться и начать допросы в среде артистов. А тогда бы всплыло похищение Дубровской, которая совсем не Дубровская... И началось бы долгое следствие с подписками о невыезде.

Против немедленного выезда в Москву протестовала только Ванда. Очевидно, гордая польская кровь протестовала против трусливой логики.

— Нет, ребята, я не могу все бросить и сбежать... Мне предложили играть эпизод! А у Ольги вообще — главная роль... Мы не можем всех обмануть. Мы уедем, и съемки остановятся... И о зрителях надо думать!

Ванда никого не убедила, но договорились о компромиссном варианте. Они тихо загрузятся, отъедут километр и тогда вызовут для прощания режиссера Фурмана...

Встречу назначили в центральном сквере у памятника Ленину.

Все было очень трогательно. Вадим Фурман бил себя в грудь, уверяя, что Ольга и особенно Ванда — талантливые актрисы. Они — восходящие звезды и все такое... Женщины прослезились, а

Денис пообещал, что в ближайшие дни они найдут настоящую Веру Дубровскую и направят ее в Боровск... А куда она денется? Подписала договор — снимайся!

Подъезжая к Москве, Носов пожалел, что дал слово Фурману. Теперь, как честному человеку, придется где-то в Киеве искать беглую актрису, уламывать ее, увозить из-под носа у крутого любовника... Конечно, там, в Боровске, все было на эмоциях. А когда переехали Кольцевую дорогу и начали застревать в привычных пробках, все, что было позавчера, стало казаться сказочным приключением. Все было, но как во сне — и репетиции, и интриги в киногруппе, и бандиты с их слежкой, пленом, побегом...

Они могли сразу поехать в свой загородный дом, но Борис Кукин посоветовал переночевать в старой квартире Ванды. По его прикидкам, это место было самым тихим и незаметным...

После долгой дороги тесная «двушка» в старом московском районе показалась раем...

Сыщик Кукин сразу с кем-то созвонился и поехал на встречу с «нужным человеком». А неудавшиеся артистки стали разбирать вещи и готовить маленький банкет по случаю прибытия в столицу.

Только сейчас Носов обратил внимание на чемодан, в котором были вещи Ольги... Да и одежда была не совсем ее.

— Откуда этот чемодан. У нас такого не было.

— Это не наш. Я же говорила тебе, Денис, что Дубровская передала мне свои платья, джинсы и всякое такое.

— Зачем?

— Вещи помогают войти в образ. Она сказала, что в одежде хранится особая энергия хозяина, которая переходит тому, кто...

— Чушь... Мистика какая-то!.. Так она затолкала свои вещи в этот чемодан и отдала тебе?

— Да, Денис. Именно так — затолкала и отдала.

— Странно, Ольга!.. А это точно ее вещи и ее чемодан?

— Вещи точно ее! А чемодан — ее мужа... Я помню, Вера сказала, что он принес его с работы незадолго до гибели... Он принес чемодан с таможни!

И тут как-то одновременно у всех стало проясняться... Бандиты требовали у актрисы какую-то утварь, которая хранилась в чемодане. А муж Дубровской украл его... Так не есть ли это тот самый чемодан?

Денис подошел к кровати, на которой стоял

чемодан, и начал методично выкладывать вещи. При этом он еще и рассуждал. Он, как подъемный кран, поднимал какую-то тряпку, отводил руку в сторону, сбрасывал и произносил умную фразу.

— Допустим, что украденное было здесь... Предположим, что Дубровский вывез вещи с таможни, спрятал их, а домой привез пустой чемодан... Где он мог оставить ценности? Только в надежном месте... А где самое надежное хранилище? В банке!.. Значит, что мы ищем? Ключ от сейфа или банковской ячейки...

Когда Носов понял цель своих поисков, то и работа пошла быстрее... Он освободил чемодан и стал ласково ощупывать его стенки, проникая пальцами во все укромные местечки... За его манипуляциями внимательно смотрели три пары глаз.

В какой-то момент Денис замер, давая понять, что наткнулся на странный предмет... Оторвав угол пестрой обивки внутри чемодана, Носов извлек плотный прямоугольник, похожий на банковскую карту.

Собственно говоря, это и была банковская карточка — на ней была магнитная полоса, выдавленный номер и надпись на чистом русском языке: «Янусбанк».

В напряженной тишине Славик Зуйко громко произнес несколько невнятных, но многозначительных фраз, а потом полез за бумажником и вытащил из него точно такой же прямоугольник...

— Только это, ребята, не денежная карточка. Я-то знаю. Они в «Янусбанке» совсем другие... А это ключ от банковской ячейки. У них там все замки электронные.

И Слава положил свою карточку на ладонь Дениса. Когда два пластиковых прямоугольника легли рядом, то их невозможно было отличить. Прямо как близнецы-братья!

Носов был явно доволен, что это он додумался пошарить в чемодане. А главное — он нашел искомый предмет! Кто ищет, тот всегда найдет... Денис расплылся в улыбке и подмигнул сразу всем.

— Ну, какие мы молодцы!.. Теперь все! Абзац!.. В том смысле, что финиш. Вот завтра утром Вячеслав поведет нас в свой банк, и мы честно возьмем там то, что лежало в чемодане... Как, Славик, поведешь нас?

— Поведу, конечно... Только там ячейки маленькие. Ящичек — поменьше обувной коробки. Туда чемодан никак не поместится...

* * *

Кукин не считал себя трусом. Он мог с азартом пойти на задержание группы вооруженных бандитов. Он мог устроить засаду на кладбище, лежа ночью между могил. Он мог прыгнуть с парашютом с любой высоты... Но тут он испугался. Это было совсем другое дело. Это был трепет перед авторитетной личностью... Бориса пригласил к себе адвокат Вронский.

Правда, Борис сам напросился в гости. Он на ночь глядя позвонил Аркадию Ильичу и сообщил, что имеет важные сведения по ограблению коллекционера Берковича.

Кукин никак не думал, что легендарный защитник сразу пригласит к себе домой. Мог бы на завтра назначить встречу в конторе или в сквере на Неглинке...

Имя Аркадия Вронского среди юристов произносилось с почтением. Он был звездой первой величины — зубр, мэтр и корифей своего дела... Другие адвокаты изредка выигрывали процессы, а он никогда не проигрывал.

Дом, где жил Вронский, располагался в переулках Арбата. Иначе нельзя! Никто бы не понял великого адвоката, если бы он жил в Черемушках

или в Бутово.

Консьерж был предупрежден о приходе Кукина. Он проводил Бориса до лифта и дежурно улыбнулся.

Три входные двери на площадке пятого этажа были одинаково шикарны... Сыщик нашел квартиру номер десять и нажал кнопку звонка...

Ужа через пять минут от робости Кукина не осталось и следа... Адвокат Вронский потому и стал великим, что умел располагать к себе людей. Когда он выступал на процессах ему верили все — и публика, и присяжные, и прокурор, и даже судьи с конвоиром.

Семья Вронского проживала на даче, и он навещал их два-три раза в месяц. Он мог бы и чаще, но не хотел. При встречах с женой он всегда чувствовал себя виноватым, слабым и неполноценным. А в городе все становилось на свои места — он опять был самый сильный и ловкий, самый мужественный.

Кукину сказали, что Вронский является личным адвокатом Романа Берковича. И он, понятно, интересуется делом об ограблении коллекционера. Но интерес этот какой-то странный...

Особняк Берковича обокрали, когда хозяин был в Париже. Милицию вызвали соседи. И только

потому, что связанная жена Романа Юрьевича пришла в сознание, начала орать благим матом и мешала всем культурно отдыхать.

Сыщики и криминалисты отработали по полной программе — опрос свидетелей, следы, отпечатки, улики... В состоянии нервного стресса Софья Беркович передала следствию полный список похищенного с фотографиями безделушек... Да, это были золотые шкатулки с камнями и музыкой, яйца — типа Фаберже, иконы-складни с изумрудами, крупные броши на шляпку, кубки с вензелями... Всего — сорок восемь предметов общим весом не менее тридцати килограммов.

Когда Кукин поинтересовался у следователя, а поместились бы все вещи в один чемодан, тот прикинул и уверенно сообщил: «Поместятся! Но если не в маленький, а в нормальный — средних размеров».

Но самое главное, что сказал Кукину следователь, это то, что адвокат Вронский потребовал закрыть дело.

— Нет, Боря, ты представь — взять и закрыть уголовное дело.

— А почему? Вронский чем-то это мотивировал?

— Мотивировал! Он сказал, что его клиент

приехал из Парижа и заявил, что кражи не было. Мол, его жена, Софья Беркович, ошиблась и зря подняла панику... Представляешь мою реакцию? Особенно когда я направил группу в Боровск, где обнаружились пальчики одного из грабителей... Я имел почти раскрытое дело — и тут «закрыть». Представляешь, Боря?

— Представляю... И что было дальше?

— Что, что? Слон в пальто!.. Кто я, а кто Вронский! Тот нажал на свои кнопки, и вчера с самого верха мне дали команду: «Закрыть дело, вернуть Берковичу фото похищенных вещей и извиниться».

— Ну и как ты? Все сделал?

— Не все!.. Фотографии и списки вернул, но сделал копии. Дело закрою послезавтра — мне же на это дали три дня... А извиняться не буду вообще. Дудки им!

Разговор со следователем происходил два часа назад. Потом Кукин позвонил Вронскому и неожиданно получил приглашение. Вот уж действительно — на ночь глядя!.. Когда они вошли в гостиную, до полуночи оставалось двадцать минут.

Это была не комната, а зал в пятьдесят квадратных метров. И весь интерьер, если сказать о нем

очень скромно, был шикарный до неприличия!.. Резное дерево на потолке. Картины позапрошлого века на стенах. Бронзовые конные скульптуры на сервантах. Дубовые книжные шкафы с золотыми корешками старинных томов... Так и должен жить богатый адвокат!

Вронский пригласил Кукина к камину, усадил в кресло, налил коньяк, предложил сигару... Все это напоминало поздний прием в английском замке. Один лорд пришел к другому сэру... Первая фраза адвоката была из этой же серии:

— Прекрасная погода, не правда ли?

Кукин воспринял это как иронию, а на такие шутки он умел реагировать быстро.

— Согласен с вами, Аркадий Ильич. Изумительная погода... Но в Шотландии вчера шел дождь. А в южном Лондоне — туман. Едешь в карете, и ничего не видно дальше лошадиного хвоста.

— Согласен, Кукин. Это плохо, когда в глазах туман... Давайте о деле?

— Не возражаю!.. Мне очень непонятно, Аркадий Ильич, зачем вы добились закрытия дела. И еще сказали, что кражи как бы и не было... Так она была или нет?

— Была, Кукин, была... Но — на все воля клиента! Не захотел Беркович огласки, и я работал на

закрытие дела... Борис, а вы не голодны? У меня холодильник набит под завязку.

Кукин попытался отказаться, но делал это с таким видом, что это было скорее похоже на согласие. К тому же — он и на самом деле был голоден, как крокодил в сезон дождей... Они пошли на кухню, напоминавшую банкетный зал «Метрополя».

Есть в полночь — вредно! Но в такой «семейной» обстановке пошел более откровенный разговор.

— Я почему пригласил тебя, Кукин.

— Почему?

— А потому, что закрыть уголовное дело — это поддела... Я чувствую, что ты вышел на след грабителей. Так?

— Вышел!

— А следователь мог перед закрытием дела изготовить копии фотографий. Так?

— Так!

— И он мог передать их тебе. Так?

— Так!

— А ты, Кукин, не дурак. Ты быстро поймешь, почему мой клиент не хочет огласки.

— Почему?

— Не скажу!.. Давай, Кукин, договоримся на

берегу. Ты находишь бандитов, наказываешь их, отбираешь украденные вещи, передаешь их хозяину и получаешь от Берковича огромную премию... А от меня ты получаешь вечную дружбу. Это не мало!

— Согласен! Это щедрая оплата... А милицию мы при этом оставляем в стороне?

— Верно! Люблю умных людей... Послушай, Кукин, а почему ты ловишь этих бандитов? Как ты на них вышел?

— Случайно... Один из них — должник моей клиентки. Три года, гад, алименты не платит...

* * *

Они задержались на сутки. На шоссе западнее Боровска наткнулись на тихий автосервис, где за хорошие деньги взялись перекрасить и «Опель», и «Шевроле»...

На это было несколько причин... Понятно, что цвет «мокрого асфальта» был не броский, но запоминающийся. А главное, что обе машины, выехав из леса, сразу сменили номера и документы. И в новом техпаспорте «Шевроле» значилось, что это джип небесно-голубой масти...

Их поселили рядом с автосервисом. В соседних избах были оборудованы «гостиничные» номера

«люкс» с удобствами на улице.

Внешне Злотников был спокоен, зная, что новые документы у них крепкие, а менты их пока не ищут... Нет, они ищут, но того, кто взорвал машину за гостиницей «Азалия». А там Шпунт сработал идеально!

По похищению артистов — шум еще не начался. А это еще большой вопрос, что там было?.. И было ли что?.. Не было ничего, и все тут!

Несмотря на тревожное время, Червонец и не думал отказываться от поиска вещей Берковича. Слишком высокий куш маячит на горизонте... Да и деньги кончаются — Ефим Борисович потратил на эту операцию всю свою заначку. Весь стратегический запас в рублях и валюте...

В комнате был один стул, два окна и три кровати... Они уже сняли стресс и собирались спать, но Червонец начал обсуждать создавшуюся ситуацию... Впрочем, это был его монолог. Игорек с Колей лишь изредка поддакивали и вставляли одобрительные фразы.

— Нет сомнений, что эта девка не настоящая Дубровская. А что это значит?

— Что?

— Это значит, что она не знает, где Дубровский мог спрятать наши вещи.

— Точно, шеф!

— И что нам делать?

— Не знаем. Тут все как-то запуталось...

— Вот я и думаю, ребята, что придется нам все распутать... Эта девка сболтнула, что настоящая Дубровская уехала к жениху в Киев. Поедем ее искать!

— Правильно, шеф! Киев — большая деревня. Там актрису найти, как два пальца...

— Потруднее, ребята, но найдем... И вот что я думаю. Нам надо узнать, как идет следствие по делу того коллекционера. А кто об этом знает все?

— Следователь!

— Идиоты! Он-то знает, но нам к нему нельзя соваться... Мы зайдем к адвокату Берковича. Но осторожно, без расшифровки нашего интереса...

— Верно, шеф! Мы появимся у него невзначай. Будто бы мимо шли и случайно зашли...

— Но есть, ребята, еще один вариант. Эта девка мельком упомянула про гримершу из Останкино. Ее зовут Марго, и она знает, где Дубровская!

* * *

Головной офис «Янусбанка» располагался рядом с Триумфальной площадью, более известной, как «Маяковка»... Вывеска банка сверкала на

гостинице «Пекин», а вход — чуть дальше, в переулке.

Напротив входа в банк стоял зеленый «Ниссан» Дениса, в котором, кроме хозяина, сидели Кукин и Ванда. Все они нервничали и ждали возвращения налетчиков.

В сам банк пошли двое — Слава Зуйко как настоящий владелец ячейки и Ольга со второй карточкой и с паспортом Веры Дубровской... Формально — все было нормально! За исключением того, что Аркадий Дубровский погиб, а Ольга — это не совсем Вера...

Но служащие банка не могли знать ни того, ни другого. Они вполне могли не знать о смерти таможенника — мало ли их погибает в авариях! А Крутову даже артисты принимали за Дубровскую...

Они вошли в фойе, и Слава резво бросился к стойке, за которой возвышалась жгучая брюнетка неопределенного возраста. Вероятно, что с этой «банкиршей» Зуйко общался в прошлые визиты.

— Здравствуйте, Ирина Бруновна! Я так рад вас видеть!.. Вы меня помните? Я ваш постоянный клиент.

Было видно, что дама узнала Славу в лицо, но больше ничего не помнила. И ей было стыдно, и

клиент поспешил на помощь:

— Это я вас запомнил потому, что вы красавица. А у меня внешность невзрачная. Меня все забывают... Я — Слава Зуйко. Был у вас в прошлом месяце.

— Нет, я помню! Прекрасно помню... Станислав Зуйко.

— Точнее — Вячеслав. Но я даже на Ростислава откликаюсь... Милая Ирина Бруновна, проводите нас с госпожой Дубровской в хранилище. Я хочу переложить кое-что из своей ячейки в ее.

При этом Слава извлек свою банковскую карточку и предъявил «банкирше»... И Ольга достала свой ключ, на котором латинскими буквами было написано: «Аркадий Дубровский».

Ирина Бруновна мило улыбнулась, предупредила какого-то клерка в зале и повела парочку в подвал, в хранилище.

Это был редкий банк, где каждая ячейка открывалась с единого пульта двумя электронными ключами.

Опытный в банковских делах Слава сразу после входа остановился, дождался Ирины Бруновны, у которой была служебная карточка, и они одновременно приложили свои ключи к датчикам на пульте... На экране высветилось: «Вячеслав Зуйко

— ячейка № 35». И сразу же в глубине зала возле открытой дверцы загорелся зеленый огонек.

Слава отступил и жестом предложил «банкирше» вскрыть вторую ячейку... Ольга протянула карточку, и они с Ириной Бруновной одновременно приложили ключи к пульту.

На экране появился номер ячейки Аркадия Дубровского, а в глубине хранилища зажегся еще один зеленый огонек... Банковская брюнетка привычно улыбнулась и собралась уходить.

— Я вас закрою снаружи. Когда закончите свои дела, нажмите эту кнопочку... Постойте, девушка! Это не ваш ключ!

— Понятно, что не мой. Это карточка моего мужа, Аркадия Дубровского. Вот мой паспорт. А в нем штамп из загса... Простите, мы можем со Славиком, с лучшим другом моего мужа Аркаши, пройти к своим ячейкам?

— Если с другом, то конечно... Только у нас в хранилище видеокамеры. Всё просматривается...

В ячейке Дубровского лежала красивая деревянная коробка из-под гаванских сигар. Она была прочно перетянута скотчем, и нельзя было вскрыть ее на месте.

Славик сунул коробку в свой кейс... Помня о видеокамерах, он покопался в своей ячейке, а

потом опять подошел к ячейке Дубровского... Ольга бегала за ним, как хвостик, заглядывая ему через плечо и «контролируя» его действия.

Потом они спокойно вызвали Ирину Бруновну, заперли ячейки, закрыли хранилище, мило попрощались и пошли к машине... Почти побежали!

Они старались не бежать, а идти солидным прогулочным шагом. За ними никто не гнался, но им казалось, что вдруг загудит сигнал тревоги, и за ними побегут, побегут...

Зеленый «Ниссан» стоял носом в сторону Белорусского вокзала... Когда Слава с Ольгой сели, Денис рванул с места, как на «Формуле 1».

Они петляли вокруг Дома кино, потом в районе Грузинской улицы и замерли во дворе дома в Среднем Тишинском переулке... Здесь можно было передохнуть!

Коробку из-под сигар вскрывала Ванда — только у нее оказались с собой ножницы трех размеров.

Пока шла работа, никто даже не высказал предположения, что внутри... Там могло быть все, что угодно! И гора бриллиантов, и письма от любовницы. Единственное, что не поместилось бы в сигарную коробку, — содержимое того чемодана.

Вещи, украденные у Берковича весили около тридцати килограммов, а шкатулка из Гаваны была намного легче.

Ванда расправилась с липучим скотчем и сама вскрыла коробку... Внутри была другая коробочка — чуть меньше, чем пачка сигарет, с надписью: «Монпансье «Барбарис»... А еще на самом дне лежал конверт, на котором было написано: «Вере Дубровской».

Сначала открыли коробочку из-под леденцов — там оказались два ключа. Оба солидные, от хитрых сейфовых замков.

С конвертом произошла заминка. Все пятеро были людьми интеллигентными и с детства знали, что читать чужие письма неприлично... Ситуацию спас Боря Кукин. Он решительно взял пакет, разорвал и вынул два листа бумаги.

— Я вас, ребята, очень понимаю. Сам знаю про честь, совесть и деликатность... Но я сыщик! Мне и не такое приходилось разгребать... Здесь два листа: на одном короткое письмишко, а на втором — шифр. Пять столбиков с цифрами... Никогда не любил математику!

Ванда выхватила у Кукина письмо и сообщила, что будет читать его вслух.

— У меня дикция хорошая! Я чуть актрисой не

стала... Слушайте: «Дорогая Вера...»

Собственно говоря, это было не письмо, а сопроводительная записка к шифру. Аркадий Дубровский сообщал, что теперь они не просто богаты, а сказочно богаты. Но все богатство спрятано! Где? Об этом сказано в шифровке. А прочесть ее сможет только Верочка, если вспомнит день, когда они познакомились... И это всё!

Денис попытался подвести итоги:

— Мне кажется, что это полный тупик... Прямо как у Буратино — есть золотой ключик, но неясно, где та дверь в светлое будущее.

Помолчали... А через минуту все стали смотреть на Бориса. Он — специалист! Но пока все двигалось, о нем забыли... Это всегда так — к доктору обращаются только тогда, когда заболит.

И Кукин понял, что сейчас он главный.

— Значит, так!.. Разделимся на три группы: первая — Ванда и Слава, вторая — Денис и Ольга, а третья группа — это я.

Имя Ванды было названо первым. Она решила, что ее роль главная. Она вытащила записную книжку, готовясь записать задание... А Кукин продолжал:

— Первая группа едет в Киев. Надо найти Веру Дубровскую... Дальше — все просто! Слава

знакомится с ней, влюбляет в себя и узнает про знакомство с Аркадием. Без этого нам не расшифровать эти цифры... А мы пока работаем в Москве.

Ванда попыталась что-то записать, потом подумала и представила, как ее Слава будет выполнять задание...

— Постой, Борис! Ты на что нас толкаешь? Что значит «влюбить в себя Дубровскую»?.. Ты что предлагаешь моему мужу? Прогулки при луне, поцелуи и всякий прочий интим?

— Прости, Ванда, но у меня этого и на уме не было.

— У вас всегда одно на уме!.. Ладно, мы со Славой поедем в Киев. Но общаться с Дубровской буду я сама. Только так!

* * *

От ее квартиры на Кузнецком мосту было всего сто пятьдесят метров до Генеральной прокуратуры. Это вселяло уверенность, что преступники обходят эти места стороной...

Маргарита Львовна совсем не боялась за свою безопасность. Во всяком случае, при звонке в ее однокомнатную квартиру она никогда не задавала глупый вопрос «кто там?».

Вот и сейчас гримерша Марго пошла в прихожую, открыла замок и широко распахнула дверь... На пороге стояли сразу три молодых человека. Три богатыря! Центровому было лет сорок, правому — тридцать, а левому и вовсе двадцать пять...

Маргарита Львовна неожиданно почувствовала приятное волнение. К ней редко заходили мужчины, еще реже — молодые мужчины, а чтоб сразу трое — так это вообще в первый раз.

Она мило улыбнулась и посторонилась, пропуская гостей вперед.

— Прошу вас, ребята, проходите... Вы, я вижу, ко мне? Очень приятно...

Первым вошел Злотников... Такое радушие показалось ему подозрительным, и он дал команду своим бойцам притормозить удвери.

Червонец вошел в комнату, где печка в изразцах и лепнина на бордюрах... Но ничего опасного не заметил и кликнул ребят:

— Что вы там встали, как на стреме? Заходите, когда приглашают... Может быть, нас хозяйка чаем угостит.

— Естественно... И не только чаем!

— Отлично! Но это потом... Вы гримерша Маргарита Зинчук?

— Да, это я...

— Меня зовут Борис. А эти двое при мне... У нас будет очень приятный разговор. Только, хозяйка, я не знаю вашего отчества. Неудобно как-то...

— Обижаете, Боря!.. Я еще не в том возрасте. Мне еще далеко до шестидесяти.

Марго не врала. Ей и действительно по паспорту было всего пятьдесят девять. А до юбилея оставалось два месяца — целая вечность!

— Ну и отлично, Маргарита!.. Вот какое дело. Мы приехали из Харькова. Ищем Верочку Дубровскую... Мы ее родственники. Двоюродные братья по материнской линии.

— Забавно!.. Вы к ней оттуда, а она в Киев.

— В Киев? Опять к любовнику? К полковнику?

— Частично угадали, Борис... К любовнику, но к другому. Это очень солидный человек, хозяин сети магазинов.

— «Копейка» или «Перекресток»?

— Ни то ни другое... Его сеть называется «Самобранка»... Я не могу назвать его фамилию — это секрет.

— А имя?

— Имя могу... Его зовут Глеб Наумович.

Злотников победно посмотрел на своих ребят... Вот как надо работать! За пять минут он всухую расколол старуху. Та даже не поняла, что выдала

все секреты. Завтра можно ехать в Киев и брать настоящую Дубровскую за жабры... Эта Верочка — хитрая змеюка! Ушла по первому разряду — как Мата Хари. Лучше — как Штирлиц!

— Мы, дорогая Маргарита, завтра поутру уедем в Киев... Вот не знаю, где бы переночевать?

— Я вас понимаю, Боря. Мне очень неудобно. Я бы предложила в этой квартире, но здесь совсем тесно.

— Ничего, хозяюшка! Вон у вас какая кровать широкая. Поместимся!

— Все вчетвером?..

* * *

И Ольга, и Денис Носов были интеллигентами среднего уровня. Когда-то в старшем школьном возрасте они ходили в музеи и с интересом листали альбомы из Третьяковки и Алмазного фонда.

В студенческие годы было уже не до того, а потом и подавно...

Список украденных вещей давал мало информации. Он не грел! Десятки пунктов, чем-то похожих один на другой. «Шкатулка середины 18 века с россыпью изумрудов, серебряный кубок с тремя сапфирами и пояском из жемчуга...» И всё в таком духе!

А вот фотографии впечатляли. Их было много. И они были сделаны с любовью. Если это кубок, то все его камушки сверкали, а крупный и бугристый речной жемчуг манил перламутровым блеском...

Ольга освободила огромный стол в гостиной и начала раскладывать пасьянс из фотографий... Денис стоял рядом и смотрел. Он понимал, что никакого толка от этой раскладки не будет, но надо же с чего-то начинать...

Вчера вечером Кукин получил какую-то информацию о трех бандитах из Боровска. В Москве их, конечно, никто не искал, а полковник Губкин оказался достаточно проворным. Он вычислил возможный путь группы Злотникова и перетряс все автосервисы... И добился своего! Теперь он знал, что асфальтовое «Шевроле» перекрасилось в нежно-голубой цвет. А новый номер имел запоминающиеся цифры — «357».

Более того — полковник выяснил, что бандиты спешно отправились в Москву... И вот тут наступил тупик. По взрыву автомашины возле гостиницы «Азалия» на эту группу были лишь намеки, а улик не было — ни прямых, ни косвенных... По поводу похищения актрисы киношники категорически не хотели писать заявление. Во-

первых, все разрешилось, во-вторых, личность похищенной вызывала крепкие сомнения и, в-третьих, настоящей Дубровской еще нет в Боровске, а «липовая» смоталась без прощального тоста!.. На самом деле для Артура Умнова и для Вадима Фурмана ничего не разрешилось, а только запуталось.

Они продолжали снимать эпизоды, где отсутствовала главная героиня. Но так они могли бы продержаться две-три недели. А потом — полный крах! Не назначать же на роль Полину Ганину — не та комплекция. Зритель не поверит, что красавец Миша Маков мог влюбиться в такую без страха и упрека!..

У начальников киногруппы была лишь одна надежда. Перед отъездом в Москву они заловили Бориса Кукина и фактически наняли его как первоклассного сыщика. Задача одна — найти настоящую Дубровскую и срочно привезти на съемочную площадку. Она же подписала договор! Ей можно пригрозить и судом, и дикой неустойкой, и общественным презрением!.. Боря обещал найти шальную актрису и доставить на место, где творят великое искусство. Обещал, но сам никаких документов не подписывал...

Кукин оставил Денису с Ольгой фотографии

пропавшей коллекции Берковича, а сам поехал искать «Шевроле» небесно-голубого цвета... Никаких инструкций Борис не оставил, но все и так было предельно ясно. Они обсуждали это накануне.

Логика простая: если известный коллекционер платит адвокату за закрытие дела, значит, он не хочет огласки. Пусть лучше раритеты не найдут, чем найдут и станут их разглядывать... Вывод один — в этой украденной коллекции есть что-то, чего Беркович боится.

Легко представить, что там, например, пара шкатулок, похищенных из Эрмитажа. Или что-то в этом роде... Такой профессионал, как Роман Беркович, не мог не знать, какие вещи он приобретал. А если начнется шум, то он из авторитетного искусствоведа сразу превратится в скупщика краденого. В крайнем случае — в лоха, которого провели на мякине...

Ольга с Денисом молча смотрели на фотографии и азартно думали о разгадке этого ребуса.

— Я считаю, Денис, что нам самим тут не разобраться... Красивые вещи, но я совсем не разбираюсь в музейных хитростях.

— И я не по этой части. Нужен консультант.

— Вот именно... Я помню, что у Лощилина был

клиент из антикваров. Кажется, эксперт из Алмазного фонда... У него еще забавная фамилия — Пшеничный.

— И что?

— А то, что Лев Львович вчистую оправдал этого Пшеничного. Освободили за отсутствием состава преступления, восстановили на работе и выплатили компенсацию...

— И что?

— А то, что этот эксперт сказал, что это заслуга адвоката. Сказал, что благодарен Лощил ину по гроб жизни. Обещал по первому зову прискакать, как Сивка-бурка.

— Так я не понял, Ольга! Где твой Пшеничный? Ты еще не позвонила Лощилину?

— Уже звоню!

* * *

Им казалось, что будет сложно найти особняк Глеба Барха-нова. Но оказалось, что сеть магазинов «Самобранка» в Киеве знает каждая собака. А самого Глеба знал каждый третий в городе...

Коттедж торговца стоял на одной из проток Днепра, на сорок километров севернее Лавры.

Это был не дворец и не замок. За высоким забором дома вообще не было видно. В Швейцарии

такие сооружения называют «шале» — массивный приземистый одноэтажный дом, вросший в природу. Несколько мансард пряталось между сосен. Внутри — застекленные дворики и зимние садики. В разных местах веранды, беседки, пруды с мостиками и причудливые скульптуры из камня и корней столетних дубов.

Но все это можно увидеть за забором. А серенький «Рено» Славы Зуйко стоял на дороге в ста метрах от ворот шале Барханова... Неожиданно возник вопрос: как проникнуть на охраняемую территорию особняка?.. А второй вопрос: зачем это надо?

До сих пор и Вячеслав Зуйко, и его любимая Ванда думали о другой задаче: как найти усадьбу Барханова?.. Вот она! Нашли!.. И что теперь с этим делать?

Ванда ни в чем не любила обходных путей и всяческих маневров. Она предложила прямо пойти к воротам и вызвать Веру Дубровскую.

— А что такое?.. Я скажу, что дело важное и чрезвычайное. Это правда!.. Потом я скажу, что я ее знакомая по Москве. И это правда!

— Я тебе так скажу, Ванда, правда хорошо, а разум лучше. Ты подумай, что ты предложила!

— А что такое?

— А то, что Дубровская бежала из Москвы. Какое у нее сейчас важное и чрезвычайное дело?.. Одно — спрятаться от бандитов. А тут ты со своими воспоминаниями о встрече в день ее побега.

— И что такое?

— А то, Ванда, что Дубровская может испугаться и побежать еще дальше. Возьмет и попросит любовника вывезти ее к черту на кулички. Или еще дальше — в Париж, например... Что мы тогда будем делать?

— Поедем за ней!

— Я, Ванда, тоже хочу в Париж. Но у нас времени нет!.. А что сейчас делается в Боровске? Там через неделю съемки остановятся. Артисты без зарплаты останутся. Ты об этом подумала?

Ванда подумала о коллегах-актерах, но только сейчас... Ей опять захотелось вернуться в гостиницу «Азалия», в леса возле дачного поселка «Дубрава», в сарай, где начиналась ее первая репетиция...

— Ты прав, Слава! Ты всегда прав... Здесь надо очень умно действовать.

— Можно даже посоветоваться с кем-нибудь.

— Верно, Славочка. Две головы хорошо, а три — еще лучше... Давай я позвоню Кукину. Он все-таки сыщик-профессионал.

Ванда вышла из «Рено» и вбежала на небольшой пригорок, с которого была видна дорога к усадьбе и днепровская протока. Она сделала это машинально — поскольку предстоял разговор с Москвой, то надо забраться повыше... Зуйко тоже покинул машину и покорно влез на поросший кустами бугор.

Связь из-под Киева работала идеально! Кукин сразу ответил Ванде, выслушал вопросы и надавал советов... Закончив разговор, она развернулась к мужу, собралась пересказать всю беседу, но вдруг замерла и, глядя на дорогу, громко прошептала: «Ложись»!

Ванда была вся в белом, но она бросилась грудью на землю и стала отползать под прикрытие кустов желтой акации... После секундного раздумья Славик повторил этот маневр.

На дороге ничего особенного не происходило. Более того — Зуйко вообще не знал, из-за чего этот сыр-бор и лежание в грязи под кустом... Он приблизил свои губы к плечу Ванды, сдвинул ее волосы с ее уха и тихо прошептал:

— Что случилось? Почему отдыхаем?

Горбовска не пошевелилась, продолжая смотреть на дорогу. Она отвечала правым уголком рта, стараясь, чтоб все звуки оставались здесь,

под кустом.

— Не шевелись. Смотри вперед!.. Что видишь?

— Ничего... На дороге все чисто.

— А что дальше? На поляне за дубом?

— Две машины стоят... Нормальный пикник на обочине. А что?

— А то, Славик, что это бандиты из Боровска!.. Кукин только что сказал, что они перекрасились. Асфальтовый джип стал голубым.

— Точно, Ванда. Там у дуба как раз «Шевроле» и «Опель»... Они и номера сменили?

— Сменили. Кукин мне сказал, но я уже забыла...

В этот момент хлопнула калитка у ворот особняка Барханова. И на дорогу вышла она — девушка, очень похожая на Ольгу Крутову...

Вера Дубровская направилась на поляну.

Она шла прямо к дубу... Она шла навстречу тем, которые...

* * *

Денис даже немножко ревновал... Было видно, что Лев Ло-щилин, старый учитель Ольги, смотрел на нее как на любимую ученицу.

Лев Львович устроил встречу в своей квартире... Непонятно, когда он успел, но стол в центре

гостиной был накрыт по высшему разряду. На белоснежной скатерти стояли и графин с красным вином, и вазочка с цветами, и хрустальная миска с фруктами. И везде сверкало тусклое столовое серебро... Так сервировали в середине прошлого века.

За стол не садились — ждали четвертого. Самого главного!.. Иван Иванович Пшеничный уже четыре часа изучал списки и фотографии вещей, украденных у Берковича.

Лощилин сразу дал понять, что ожидается что-то любопытное.

— Как только Иван увидел эти фото, так весь затрясся. Глаза загорелись, а голос стал дрожать... Я, говорит, должен все проверить. Дай мне два часа!.. Я сразу ушел, но чувствую, что тут какая-то бомба. Сенсация первого уровня!

Лощилину было неудобно, что Пшеничный опаздывает и гостям приходится ходить вокруг накрытого стола.

Но торжественного обеда все равно не получилось... Когда Иван Иванович ворвался в квартиру, ему сразу понадобился чистый стол. Он быстро нарушил сервировку, сложив тарелки стопкой и переставив на сервант вазы и бутылки... На освободившемся пространстве он разложил фо-

тографии веером, в четыре ряда.

Пшеничный шустро подтащил все стулья к одной стороне, сел сам и гостеприимно пригласил остальных.

— Садитесь, друзья! Тут будет долгий разговор... Итак, что вы видите?

— Фотографии.

— Правильно! Но важно, что на этих снимках... Давайте я разделю их на две группы. Вот верхние тридцать фото. И десять внизу... Теперь поняли?

— Нет...

— Объясняю для невежд... Верхние фото — коллекционные вещи средней ценности. Они известны как предметы из коллекции Берковича. Их видели на аукционах, они выставлялись на выставках. Здесь все нормально!.. А вот эти десять мало кому известны. Это криминальные вещи!

— Как?

— Так!.. У большинства предметов нет даже фото. Только описания в списках украденных раритетов.

— Украденных? У кого?

— У государства!.. Все это, друзья, бывшие музейные ценности... Вот эти — из запасников Эрмитажа, эти — из Исторического музея. А вот здесь — вообще уникальная драгоценность. Ее

украли еще до Первой мировой.

— При Николае Втором?

— При нем... Это Кубок Мальтийского ордена. И тут сложная история. Наш Павел Первый недолго был Великим магистром ордена. Он учредил награду — Русский Мальтийский крест. А для него, для Павла, сделали серебряный кубок с этим крестом и с большим бриллиантом в центре... Раритет огромной ценности.

— Сколько?

— Ну, если на аукционе в Париже... Кубок — пятерка. И все остальное вместе — тоже пятерка.

— Пятерка — это что такое?

— Пятерка — это пять миллионов долларов!

* * *

Вера Дубровская шла легкой походкой. Было видно, что у нее игривое настроение и что она добровольно идет навстречу бандитам... Впрочем, она — актриса. Эти головорезы могли ей угрожать и заставили выйти из коттеджа. А она решила смягчить острые углы. Она сейчас играет веселую простушку, на которую невозможно злиться.

До встречи оставались секунды, и перехватить Дубровскую не было никакой возможности.

Ванда и Славик лежали под кустом на пригорке и сверху наблюдали за развитием событий.

— Что делать, Ванда? Может быть, в милицию позвонить?

— Не получится, Зуйко. Здесь надо общаться на украинском. А у тебя только фамилия здешняя.

— Нет, Ванда, это Киев. Здесь мову никто толком не знает. А чтоб милицию вызвать, тут и тридцати слов достаточно.

— Хорошо, может быть и так... А какой номер будешь набирать? Если «02», то вряд ли дозвонишься. Они все тут переделали! Из принципа — чтоб не как у москалей...

Дубровская подошла к дубу, где уже торчали три фигуры... Они начали беседу, но разговор продлился не больше минуты. Потом Дубровскую подхватили и понесли к голубому джипу. Дальнейшее было очевидно — ее увезут далеко и в какой-нибудь хате будут допрашивать по полной программе...

Слава вскочил на ноги и побежал к воротам особняка. Он что-то крикнул Ванде, но она в суматохе смогла разобрать лишь два слова: «Заводи машину!»

Ворота усадьбы сами открылись перед Славой. Очевидно, любопытная охрана следила за хозяй-

кой — кто это к ней приехал и зачем?.. Они успели зафиксировать захват и поднять тревогу.

Хлопцы уже садились в свой мощный «Форд», когда появился взъерошенный Зуйко. К нему подбежал старший, понимая, что у парня есть информация.

— В чем дело?

— Голубой «Шевроле» с номером 3-5-7 и «Опель». Они ее украли.

— Кто украл?

— Бандиты.

— Зачем украли?

— Будут бить... Им что-то нужно от Дубровской.

— Ясно... Мы их догоним. Здесь одна дорога... Ты с нами?

— Нет. Мы на своей машине.

— Тогда догоняй!.. Поехали, ребята!

И «Форд» рванул вперед... А Зуйко поспешил к своему серому «Рено». Машина стояла совсем рядом — Ванда успела задним ходом подогнать ее поближе к воротам...

Первый участок дороги в сторону Киева был прямой и пустынный. И догнать бандитов надо было на этих десяти километрах. Дальше начиналось шоссе с массой перекрестков, деревень,

развилок и боковых проселков. Дальше начиналось интенсивное движение с «Запорожцами», большегрузными фурами и телегами.

Там было где спрятаться. Там легче уйти от погони. Там можно юркнуть на сельские улицы и затаиться у пруда под ветлой или вербой...

Зуйко отставал. «Рено» российской сборки — очень хорошая машина. Но это не перекрашенный «Шевроле» и тем более не «Форд» из хозяйства Глеба Барханова.

Слава видел вдалеке обе машины. Они шли рядышком — к борту борт! А слабосильный «Опель» отставал на два корпуса... До основного шоссе оставался всего километр. На такой скорости — меньше минуты хода!

«Форд» не мог прямо таранить бандитов. Внутри сидела Дубровская. А по статусу Вера Давыдовна в этот период была их хозяйкой... По всем правилам, охрана Барханова должна была остановить «Шевроле», обезвредить захватчиков и освободить заложницу. Но это если по правилам...

На последнем повороте, огибая овраг, «Форд» чуть подрезал Злотникова и даже подтолкнул его «Шевроле». Более того — «Форд» зацепился бампером за крыло голубого джипа и, пытаясь

освободиться, резко затормозил.

За секунду обе машины потеряли управление, нависли над оврагом и, со скрипом снижая скорость, рухнули в мелкий песчаный карьер... Три переворота с подскоками на ухабах — и оба джипа легли на дно овражка.

Картинка была очень эффектная. Шпунт на своем «Опеле» засмотрелся!.. Он машинально дернул руль вправо и на полной скорости влетел в овраг. Первые секунды он парил, как лыжник на трамплине, и успел ощутить прекрасное чувство полета.

Но приземление было жестким! Убийственно жестким!!! «Опель» бухнулся на пузо и растопырил в разные стороны все четыре колеса.

Игорек был пристегнут, и это спасло ему жизнь. Но лишь на две-три секунды... Почти сразу лопнул бензобак и начало искрить, где только возможно. Потом что-то загорелось и почти сразу взорвалось, как огромная новогодняя петарда... Очень красиво!..

Слава сбежал вниз... На дне бывшего песчаного карьера красным пламенем горел «Опель» Игоря Фокина... Чуть правее от него спокойно лежал на крыше «Форд» с охранниками Глеба Барханова. А еще правее — завалился на бок «Шевроле» с

номером «357»... Все пассажиры небесно-голубого джипа находились внутри и признаков жизни не подавали. Все, кроме Дубровской.

Верочка красиво лежала там, где на северном склоне еще зеленела травка... Вероятно, багажник голубого «Шевроле» открылся на ходу, еще при первом ударе. Дубровскую сразу выбросило на свободу, а машина продолжала кувыркаться, перемалывая двух пассажиров — Колю Чижова и Злотникова, по кличке Червонец...

Вера была жива, но ее глаза не хотели открываться, а язык не слушался и вместо человеческих слов выдавал робкое мычание.

Слава подхватил девушку, обнял и, осторожно опираясь на куцые кочки, понес наверх... Актриса слегка приоткрыла глаза, и мычание перешло в мяуканье. Она не знала Славу Зуйко, но даже с первого взгляда это был парень симпатичный и крепкий. Не всякий сможет вот так взять на руки и тащйть в гору... В любом случае — это приятно!

Стоя на самом верху, Ванда наблюдала за манипуляциями мужа. При этом она завершала разговоры с киевской милицией и местной «скорой помощью». Горбовска была в бешенстве. Она злилась и открыто использовала польскую ненормативную лексику. Всего три выражения,

из которых «пся крев» было самым невинным...

И ее можно понять! Мало того, что муж прямо на ее глазах прижимал к груди чужую бабу, так эти служивые хохлы делали вид, что не понимают «москальску мову». А медики — так те вообще! Они выясняли, на какой стороне дороги лежат пострадавшие. Если слева, то это в черте Киева и придется ехать. А если справа — звони куда-то в область...

Совместными усилиями Дубровскую уложили на заднее сиденье, и серенький «Рено» рванул в сторону Киева. Задача была простая — доехать до первой нормальной больницы и сдать туда Веру, как пострадавшую в аварии. Но «больная» заставила сменить все планы.

— Не хочу я в больницу! У меня организм в порядке. Все органы на месте. Даже нет ни одной царапины! Ни ушиба, ни шишки, ни синяка... Не верите? Проверяйте!

Слава принял влево и налесную грунтовку... Через километр он еще раз свернул и остановился на поляне перед строем пирамидальных тополей.

Дубровская вышла первой, сняла легкую куртку, собираясь демонстрировать свое безупречное здоровое тело. И только тут она узнала Ванду. В

день бегства Веры в Киев они общались, хотя и мельком.

— Ой — вы Ванда? Так вы за мной приехали?

— Да, хотели от бандитов спасти, но не успели... Но теперь их можно не бояться. Все трое — в овраге!

— Погибли?

— Все трое!.. Теперь вам надо ехать в Боровск. Там все съемки без вас встали.

— Почему?

— Там такое произошло!.. Сначала мне Фурман дал большую роль, и мы с Ольгой начали сниматься. Но ментов взорвали, а ее похитили. Потом она бежала, а мы бросились в погоню за бандитами... Одним словом — все ждут вас в Боровске...

Ванда говорила все правильно, но не по делу. Не по тому делу, зачем они приехали в Киев... И Зуйко попытался разрулить ситуацию. Он открыл багажник, вытащил раскладной столик, три стула и массивную сумку. Разместив на поляне мебель, Зуйко подтянул поближе баул и открыл его.

— Девочки, накрывайте на стол. Здесь все, что надо... Посидим, отдохнем. Тут такая природа — просто шепчет...

Слава все время держал в голове основную цель их приезда в Киев — только Дубровская могла дать ключ к шифру... Он помнил об этом, но застольную беседу, как опытный психолог, начал издалека.

— Я думаю, что нам надо ехать в больницу! Здоровье, Верочка, важнее всего!.. Вот вы недавно испытали шок. А то, что на вас нет царапин, ни о чем не говорит. Могла произойти встряска всего организма. И что-то где-то сдвинулось. В голове, например...

— Ты что это, Слава! Ты намекаешь, что я стала психом или шизиком?

— Ни в коем случае!.. Но могла возникнуть легкая амнезия. Это часто бывает, когда здесь помню, туг не помню, а здесь опять помню, но кое-что.

— Даже и не думайте! Я, ребята, все помню!.. Проверяй, Слава! Ты спрашивай, а я отвечаю.

— Договорились, Вера. Но заметь, ты сама это предложила... Как ты пошла в первый класс — помнишь?

— Отлично помню... Сзади ранец, наверху два белых банта, а в руках три фиолетовых гладиолуса.

— Отлично, Вера... А как первый раз поцеловалась — помнишь?

— Во всех деталях!.. Это было в девятом классе. В конце мая мы пошли в поход с ночевкой. После ночного костра все разбрелись по парочкам... При свете луны он меня взял за талию, развернул, прижал и ткнулся губами в шею. Затем чмокнул выше, под ухом. А уж потом я сама вцепилась в его губы... Не помню только, как его звали.

— Верю, Вера! Здесь амнезии нет... А вот первая встреча с твоим мужем? Это помнишь?

— С каким мужем? С Глебом Бархановым? Так он мне и не муж пока.

— Нет, Вера, с другим, с законным. Ну с тем, который погиб.

— Ах, с Аркадием!.. Тут вообще история была. Два года назад я приехала в Москву. Иду себе утром по улице, а у меня шкет хватает сумочку, и бежать. Аркадий видел все это, и за ним... Догнал! Отнял сумку, но в драке так порвал брюки, что трусы светились. Я предложила зашить. Он пригласил в свою квартиру и сразу начал приставать. Я стою у книжного шкафа, а он сзади подошел и схватил.

— Обнял?

— От всей души!.. Ну, я, как честная девушка, хватаю толстую книгу, разворачиваюсь и бах! Со всего размаха по башке... В этот день я у него

ночевать осталась. Так и познакомились...

— А вот, Верочка, какой книгой вы его ударили. Не помните?.. Амнезия?

— Почему не помню! Это книга из десятитомника Алексея Толстого. Такие желтые тома — канареечного цвета. Они в той квартире на самом видном месте стоят... Вот Ванда там была. Она должна была их видеть.

— Я, может быть, и видела, но не обратила внимания. Я же не знала, на какой том надо смотреть.

— На шестой! Он самый толстый. В нем роман «Хмурое утро» и еще что-то... Мы потом с Аркашей шутили, что у нас от этой книги была яркая ночь, а не хмурое утро...

* * *

К адвокату Вронскому пришли четверо. По их суровым лицам было ясно, что разговор предстоит серьезный.

Возглавлял делегацию Лев Лощилин — старый знакомый Вронского. Он и вел эти короткие переговоры, строго держась в официальных рамках.

— Господин Вронский, вы поговорили с клиентом? Он в курсе дела?

— Да, Беркович знает, что бандиты погибли, а

вещи пока не найдены.

— Это пока! Мы найдем их через несколько дней... И что тогда?

— Мой клиент готов все вещи выкупить, но, естественно, по разумной цене.

— Все вещи? Включая украденные из музеев?.. Не получится! И Мальтийский кубок, и другие криминальные раритеты возвращаем народу!

— Как? Это невозможно.

Лощилин ехидно взглянул на собеседника и выдержал паузу. Он вытащил портсигар, достал темную сигарету с золотым обрезом и неторопливо закурил.

— А вы наивный, как ребенок... Вернуть украденное можно всегда. Это дело техники. Мы можем подбросить вещи в Пушкинский музей. Или оставим их в камере хранения и позвоним в Эрмитаж... Теперь второе, Вронский! Все остальные вещи Беркович немедленно дарит музею.

— Какому?

— Историческому!

— Но...

— Никаких «но», Вронский! Иначе мы ославим Берковича, как скупщика краденого. А это уголовная статья и потеря лица... Теперь третье! В нашей группе работали профессионалы. Они

должны получить крупные премии. Сыщику Борису Кукину пятьдесят тысяч и эксперту Пшеничному — десять.

— Это в рублях?

Вронский спросил это очень искренне. Он был хороший адвокат, а это всегда артист... Лощилину пришлось выдержать еще одну паузу. Он опять неторопливо закурил и взглянул на собеседника. Но теперь уже не ехидно, а презрительно и даже зло.

— Еще один такой глупый вопрос, и я скажу, что эта сумма не в долларах, а в евро.

— Спокойно, Лощилин, я уже все понял. Эта сумма в баксах!.. Мы с клиентом обсуждали и такую возможность. Он согласен... По всем трем пунктам!

* * *

Этого никто не ожидал, но Дубровская решила сразу ехать в Боровск. Зуйко с Вандой довезли ее до Харькова, посадили в поезд, проводили и прослезились.

Когда они уезжали из Киева, Верочка решила даже не заезжать в особняк Барханова. Оказалось, что накануне они крепко повздорили и она надумала бросить богатого любовника. А тут еще

удачно подвернулись бандиты с их похищением и съемки, где ее ждут. Вот она и решила уехать по-английски... Все это она объясняла в машине, изливая душу Ванде.

— Все богатые мужики — сволочи!

— Нет, Вера, не все.

— Да, не все, но большинство... Они думают, что деньги заменяют им все и везде. И тут, и тут, и тут... Я имею в виду: и ум, и душу, и сердце.

— Получается, что Барханов тебя не любил?

— Ой, Ванда, ты как ребенок. Любил — не любил!.. Он мной владел! Он любил меня, как красивую машину, как дорогие часы, как пейзаж Шишкина на стене... Нет, лучше быть бедной, но счастливой, чем богатой и с Бархановым...

Веру они проводили вечером, а потом Слава всю ночь гнал усталый «Рено» в Москву. Войдя в квартиру Дубровской, Зуйко доплелся до дивана, свалился и заснул, не обращая внимания на хохот и шумную беседу.

В квартире их ждали.

Денис с Ольгой уже час тоскливо смотрели на книжные шкафы... Хитрая Ванда сообщила, что разгадка шифра в книге, которая у них перед глазами. Но ни автора, ни названия не сообщила. А на виду были сотни отличных книг. Покой-

ный жулик Аркадий Дубровский был не просто таможенником, а человеком образованным и читающим.

Они не стали будить уставшего Вячеслава. Они уселись за стол, и только тогда гордая Ванда открыла шкаф и вытащила желтый том сочинений бывшего графа Алексея Толстого. Том номер шесть с третьей частью трилогии «Хождение по мукам».

Денис выложил на стол содержимое банковской ячейки Аркаши Дубровского: ключи, письмо и зашифрованный текст.

Три минуты Денис думал, переставляя местами роман и шифровку. Потом взял чистый лист и начал записывать... Две первые цифры — страница книги, две вторые — строка на странице, две третьих — буква в строке... Шесть цифр — это одна буква! Просто и надежно. Не зная книги, ни один компьютер не расшифрует.

Расшифровка заняла всего двадцать минут. И все потому, что текст был куцый: «Южное Бутово, ул. Скобелевская», а дальше номер дома, корпуса и квартиры... И все!

Обсуждать было нечего! Есть квартира, и есть два ключа — от входной двери и от сейфа. Надо ехать и брать сокровища!..

Ванда пошла варить крепкий кофе, а Ольга с Денисом стали ласково будить беспробудного Зуйко... Это получилось, но только через час.

* * *

Живущий в центре Москвы представляет себе Южное Бутово как захолустье, как далекую и тусклую периферию. Но это не так! Красивый веселый район с цветными разновысокими домами. Вокруг магазины, вывески, много зелени, а метро стучит колесами где-то над головой.

Нужный дом на Скобелевской нашли быстро, а квартиру — еще быстрее... Ключ к стальной двери на пятом этаже подошел сразу. Правда, в этом мало кто сомневался... Удивило другое — в однокомнатной квартире было очень мало мебели. Всего три предмета, и все на букву «с» — стол, стул и сейф.

Две первые вещи были простые, обычные и стандартные, как товары народного потребления. А вот тяжелый стальной шкаф сверкал японской эмалью. Это была очень непростая импортная штучка. Но ключ из ячейки «Янусбанка» запросто открыл замок сейфа...

Распахнуть дверцу доверили Ванде. Она сделала это неторопливо и торжественно. Открыла,

как занавес в Большом театре.

Внутри сейфа, как и ожидалось, все блестело, искрилось и даже сверкало. Ольга Крутова начала вынимать и выставлять на стол шкатулки, вазы, кресты, старинные иконы в окладах с камнями... Кубок Мальтийского ордена стоял в глубине нижней полки сейфа.

Ольга взяла его и вдруг подумала, что до нее этот сосуд с крестом и бриллиантом держал в руках царь Павел, который сын Екатерины Великой и отец Александра и Николая Первых...

Наверху сейфа был еще один ящик, размером с кейс... Он не был заперт, и Ванда открыла его. Там плотненько лежали перетянутые резинками пачки долларов.

Зуйко потрогал купюры, прикинул и авторитетно заявил:

— Здесь около миллиона. Это взятки таможни за несколько лет... Просто за державу обидно!

Все поняли, что возникла маленькая проблема... Они уже в деталях обсудили, как Мальтийский кубок и другие реликвии перейдут в музеи. Что-то будет подброшено, а что-то передано в дар коллекционером Берковичем... Обо всем договорились, и вдруг эта неприятность — бесхозный миллион баксов.

Ольга попыталась высказать здравую мысль:

— А давайте подбросим эти деньги в какой-нибудь детский фонд или в больницу.

— Исключено! Сразу разворуют... Надо найти где-то честных и умных людей.

— Надо! Но где таких найдешь... Кроме нас четверых, я вообще никого не знаю...

Сергей САКАНСКИЙ
ТАЙНА МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ

Сергей САКАНСКИЙ

ТАЙНА МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ

1

Первого июня, просмотрев в инете свежие новости и не найдя ничего интересного, Жаров запер дверь редакции и отправился на море, полагая, что в день открытия сезона на пляже будет еще не так много народу. Утро было ярким, солнце играло на стеклах витрин, верхняя Ялта, мелькая в проемах улиц, таяла в темносиней дымке. Жаров шел по набережной, шлепая вьетнамками.

Он всегда мог выкроить часок, чтобы искупаться, поскольку газета «Крымский криминальный курьер» была его собственностью, он являлся единственным ее сотрудником, никому не подчинялся и ни от кого не зависел. Впрочем, последнее спорно: есть и городская администрация, и Управление внутренних дел, и лично следователь Пилипенко — друг детства Виктора Жарова, его пожизненный инспектор. Все это, особенно Пилипенко, так или иначе влияло и на журналиста, и на политику его газеты.

Купался он обычно на ближайшем пляже, что принадлежал гостинице «Ореанда» и в народе назывался «Интурист». Простым смертным вход туда заказан, надо либо жить в гостинице, либо

платить по особому тарифу. Жаров не был простым смертным: все в городе его знали и пускали практически куда угодно. Ялтинцы вообще считают дурным тоном ходить на море за деньги: у каждого есть на каком-нибудь пляже свой человек. Жаров уже было направился к проходной «Интуриста», издали пытаясь разглядеть, кто сегодня дежурит, Митька или Петька, которые принимали его с одинаковым радушием, как его внимание привлек парус, полным курсом режущий прямо к берегу.

Сначала ему показалось, что судно собирается развернуться и пристать к одному из волноломов, что разделяли побережье на сектора-пляжи, но на палубе не наблюдалось никакого движения.

— Спят они, что ли? — пробурчал Жаров, впрочем, уже понимая, что на борту что-то стряслось.

Судя по скорости яхты, она не могла совершить подобного маневра, даже если бы команда выскочила на палубу и начала маневр немедленно. Жаров прикинул место, куда стремился парусник: это был третий от «Интуриста» пляж. Сотня строк в хронику происшествий обеспечена, рассеянно подумал он, даже и не представляя, какая запутанная, драматическая и страшная история начинается прямо на его глазах.

Теперь уже не имело значения, что Жаров был свободным журналистом: работа сама нашла его — в тот момент, когда он меньше всего этого желал.

2

Искупаться Жарову все же пришлось. Яхта села на мель метрах в десяти от берега; несколько курортников уже окружили ее, а какая-то девица даже забралась на борт. Жаров разделся, перепрыгнул упавшие шорты и отшвырнул на ходу футболку с полотенцем. Места аварии он достиг в несколько широких взмахов.

Глубина здесь была выше человеческого роста; яхта, накренившись, возвышалась над Жаровым, а он балансировал на плаву, задрав голову. Рядом барахтался какой-то лысый господин.

— Приплыли, — с мрачным удовлетворением констатировал он. — То ли пьяные все там валяются, то ли... — Он замолчал, многозначительно подняв палец, и, потеряв от этого плавучесть, стал с поднятым пальцем погружаться. Жаров в который раз в жизни поймал себя на подлой мысли: как профессионалу ему, конечно, хотелось согласиться с тем, чего недоговорил лысый господин.

Подтверждение последовало немедленно: миниатюрная фигурка любопытной девушки возникла над перилами. Ее лицо выглядело испу-

ганным. Ни слова не говоря, девушка спрыгнула в воду и быстро поплыла к берегу; Жаров устремился за нею, догнал, когда она уже выкарабкивалась из воды, спотыкаясь и шелестя галькой. Он поддержал ее за мокрый локоть.

Девушка обратила к нему свое удивительно красивое, но теперь искаженное недоумением и страхом лицо:

— Там никого нет! — воскликнула она.

Жаров обернулся. Трое курортников, в том числе и лысый, лезли на борт аварийного судна. Надо было это прекратить.

— Эй, послушайте! — крикнул им Жаров. — Не трогайте там ничего. Это работа милиции.

Двое зевак замерли на палубе, но лысый уже скрылся в рубке. Энергично размахивая руками, девушка поднималась по пляжу. Жаров шел следом, подбирая свои разбросанные вещи. Выудив из кармана шорт мобильный телефон, он на секунду задумался: кому позвонить? Пилипенко, следователя отдела убийств, беспокоить по такому поводу не стоило. Лучше вызвать кого-нибудь другого из системы, например лейтенанта Клюева. Жаров плюхнулся рядом с девушкой, которая спешно одевалась над своим лежаком, и в двух словах объяснил Клюеву ситуацию. Тот сказал,

что прибудет немедленно.

— А вы никуда не уходите, — сказал Жаров девушке, хотя та уже закинула соломенную сумку на плечо. — Всех свидетелей просят остаться на месте.

Лейтенант Клюев ни о чем таком не просил, но Жаров, не первый год работая с системой, знал, что свидетельницу необходимо задержать. Ничто не мешало суммировать приятное с полезным — она была чудо как хороша: хрупкая и маленькая, словно Дюймовочка, с большими серыми глазами, пушистой копной каштановых волос... Жаров был убежденным холостяком, в том смысле что жениться собирался исключительно на самой красивой девушке в мире, а эта вполне подходила под такое определение.

Она повела плечиками и присела на лежак. Жаров бросился обратно в воду. Взобраться на борт яхты не составляло труда: с транца свисала платформа для купания.

Едва поднявшись, Жаров понял, как управлялась яхта и почему ей не был нужен рулевой. На корме торчало нехитрое устройство-флюгер, которое ставило румпель согласно перемене ветра.

Лавировать и совершать повороты оверштаг[1] такое приспособление, конечно, не может, а вот идти с попутным ветром — сколько угодно. Именно это и проделала яхта на автопилоте, воткнувшись в конце концов в прибрежную мель.

Жаров обогнул рубку и вышел на бак. Там стояли двое курортников.

— Мы никуда не лезем, — сказал один. — А вот внизу уже есть человек.

Жаров кивнул.

— Так вы из милиции? — спросил другой.

— Да, — будничным голосом соврал журналист, давно привыкший к такой роли, тем более что из одежды на нем были одни плавки и показывать свое липовое удостоверение, которым он иногда пользовался, ему не придется. — Мои коллеги сейчас прибудут, — добавил он.

При беглом осмотре палубы и надстройки Жаров не обнаружил ничего необычного. Он неплохо разбирался в маломерных судах и знал, что может и должно быть на яхте такого класса. Спасательные пояса лежали в рундуке, ими не пользовались. Жаров приподнял крышку форпи-

---

[1] Примечания: 1

Оверштаг — поворот парусного судна на другой галс носом против встречного ветра. К повороту оверштаг обычно прибегают, когда судно идет круто к ветру.

ка[2], где обычно хранились паруса. Недостающий трисель[3] был там, плотно уложенный: вероятно, его не поднимали с момента выхода яхты в море... Откуда и куда она шла? Ну, это преждевременный вопрос.

Жаров смерил взглядом паруса, надутые ветром, бессильно тянувшим яхту вперед. В форпике было гораздо больше места, чем требовалось для того, чтобы уложить их. Что-то еще могло быть в этом отсеке...

Лысый господин тем временем неуклюже выкарабкивался в кокпит.

— Там, — сказал он, мелко подергивая пальцем сверху вниз, — на кухне... Как ее?

— На камбузе, — поправил Жаров.

— Вот-вот! На камбузе. Такого не может быть. Посмотрите.

Жаров, ловко ухватившись обеими руками за поручни трапа, спустился в рубку. На полу валялась груда бумаг, поблескивали навигационные инструменты: все это съехало с небольшого штурманского столика при ударе корпуса о грунт.

---

[2] Примечания: 2

Форпик — крайний носовой отсек судна.

[3] Примечания: 3

Трисель — косой четырехугольный парус, имеющий форму неправильной трапеции.

Судовой журнал лежал поверх прочего, Жаров преодолел соблазн заглянуть в него.

Налево был камбуз, направо — гальюн. Какой-то шум не давал покоя, некий немыслимый в данных обстоятельствах звук... Он раздавался из камбуза, дверца которого была распахнута.

Лысый был прав: то, что происходило на газовой плите, было совершенно невероятным — газ горел синим махровым цветком, а на решетке, прикрепленный специальными зажимами от качки, вовсю кипел кофейник. Металлическая крышечка дребезжала на фоне шороха пара. Это и был тот самый звук, более уместный, скажем, в жилище холостяка, нежели на брошенной яхте.

Жаров, конечно, знал, что трогать здесь ничего нельзя, но все же выключил плиту: пока наряд приедет, вода в кофейнике выкипит и вообще может начаться пожар.

Сразу вспомнилась «Мария Целеста», которую обнаружили в Атлантике где-то в девятнадцатом веке. Там вроде бы тоже кипел на плите кофейник, а экипаж парусника просто исчез.

Жаров двинулся дальше. Через незадраенную дверь открывалась просторная каюта, отделанная красным деревом. Она заканчивалась платяным шкафом, который имел общую стенку с форпи-

ком. На этом расположение яхты исчерпывалось. Небольшая, метров десяти в длину, крейсерская яхта. На ней можно совершить кругосветное путешествие, будь здесь навигационное оборудование. Но такового не наблюдалось, и судно могло безопасно идти лишь в виду берега или, скажем, срезать угол от Одессы до мыса Тарханкут, а далее двигаться уже крымским побережьем. Судя по надписи на корме, яхта «Леокадия» была приписана к порту Одесса и, скорее всего, пришла именно оттуда. О том, что плавание было недолгим, Жаров понял по состоянию запасов еды на камбузе. В небольшом холодильнике, питавшемся от аккумуляторной батареи, лежало несколько контейнеров с готовыми обедами, годных, чтобы их быстро разогреть на плите, надрезанная пачка масла, пакет молока и треугольный брусок сыра. Никто не собирался отправляться на «Леокадии» в какое-то дальнее плавание.

3

Лейтенант Клюев привез с собой оперативника. Жаров коротко поведал о своих впечатлениях от осмотра борта.

— Свяжись с вертолетной площадкой, — сказал он Клюеву. — Меня они вряд ли послушают.

Лейтенант кивнул и достал мобильник...

Все любопытные, побывавшие на борту яхты, были переписаны и отпущены: возможно, понадобятся их показания. Яхту решили доставить в грузовой порт и тщательно осмотреть уже там. Ни Клюев, ни оперативник не горели желанием лезть в воду. В ожидании буксира все трое сидели на пляже.

— Здесь определенно пахнет убийством, — мрачно заметил лейтенант Клюев.

— Если вертолетчики не найдут спасшихся... — сказал Жаров.

Вертолет уже был слышен. Вскоре он пролетел довольно низко над пляжем: дрожащая тень скользнула по гальке, раздвоилась, нырнув под волну, через долю секунды полоснула яхту «Леокадию», будто накрыв ее черным крылом. Задача, поставленная по телефону пилоту, была

на несколько минут: осмотреть зеркало воды квадратом с десяток километров.

— Пилипенко решил подключиться, — сказал Клюев. — Знаменитая интуиция следователя подсказывает ему, что все это не ограничится утопленником, случайно упавшим за борт.

Помолчали. Вертолет сделал круг и вернулся. У Клюева заверещал мобильник. Звонил пилот: зона поиска оказалась совершенно чистой — никаких утопающих или предметов, принадлежавших яхте.

— Если было убийство, то должен был быть убийца, — проговорил Жаров и тут же вспомнил одну деталь на борту.

Обычно отсеки загружают полностью, на маломерных судах практически не может быть какого-то ненужного свободного места.

— Форпик яхты занят наполовину, — сказал Жаров. — Возможно, там хранилась надувная лодка. На ней либо команда покинула судно, либо мифический убийца. Команда такой яхты могла состоять и из одного человека, которого сбросили за борт.

— А зачем команде покидать судно? — спросил Клюев.

— А что такое форпик? — подал голос опера-

тивник.

— Форпик — это носовой отсек, — сказал Жаров. — Обычно там держат сложенные паруса. А вот на твой риторический вопрос, — повернулся он к лейтенанту, — зачем команда порой покидает судно, да еще бросает свои недокуренные трубки или кипящие чайники, человечество не знает ответа уже несколько столетий.

За левым волноломом показался буксир спасателей, косо идущий к берегу. Тут же на пляже возникла Анюта, корреспондент городской газеты, конкурирующей с «Криминальным курьером» по двум-трем рубрикам. Анюту вызвал сам Жаров, подарив ей легкую сенсацию о крушении с условием, что она перешлет ему фотографии с места события. Журналюга тут же принялась снимать, а Жаров побрел восвояси.

Вернувшись в редакцию, он расположился за компьютером и набил несколько слов по горячим следам. Посмотрел в интернете инфо о бригантине «Мария Целеста» (Селеста, Челеста) и был удивлен тем, что судно, прежде чем с ним произошла знаменитая история с исчезновением команды, довольно долго пользовалось дурной славой из-за неудач. Первый капитан погиб. Несколько раз «Целеста» меняла владельца. В 1869

году, попав в шторм у берегов Новой Шотландии, она была выброшена на берег, точно как «Леокадия». Жаров подумал, что история, фрагмент которой он наблюдал утром, может быть гораздо глубже... Впрочем, никакого кипящего чайника на «Целесте» не было — обнаружили лишь трубки матросов, и вовсе не дымящиеся, как полагал Жаров, а просто сложенные «в надлежащем месте в кубрике». Это как раз и показалось странным тем, кто нашел покинутую бригантину: ведь мореманы ни при каких обстоятельствах не расставались со своими трубками. Чайник все же был, но кипел на камбузе другого судна — «Морской птицы», что выбросило на американский берег в середине девятнадцатого века. Там же, между прочим, обнаружили если и не трубки, то крепкий запах табака, что стоял в кают-компании. И больше никаких следов экипажа.

Жаров с трепетом погрузился в историю морских загадок и уже через час набросал план статьи, которую смело можно сделать передовицей ближайшего номера — напомнить читателям известные истории прошлого, а в центр поставить сегодняшнее происшествие, плюс хорошие фото, которые расторопная Анюта уже прислала из своей редакции: «Леокадия» стоит, покосившись,

над пляжем, «Леокадию» снимает с мели буксир, он же тянет «Леокадию» на тросе прочь. Как журналист, главный редактор и хозяин газеты, Жаров опасался лишь одного: что, если пресловутая тайна одесской яхты раскроется прежде, чем номер уйдет в печать?

Следователь Пилипенко будто бы услышал мысль своего друга: позвонил, едва она пришла Жарову в голову.

— Не хочешь прогуляться до грузового порта?

— Ты что же, поручаешь это мне? — спросил Жаров.

— Нет. Я тоже приму участие.

— Уже найден труп?

— Нет, — вздохнул Пилипенко. — Но мне очень не нравится эта история. Давай-ка пока так, не светясь. Просто двое любознательных одноклассников в штатском решили осмотреть эту удивительную яхту.

4

Пилипенко попросил Жарова взять его старый «Пежо», чтобы не смущать портовых рабочих милицейским «жигуленком». Жаров увидел яхту, пришвартованную к концу мола, еще когда вел машину мимо гостиницы «Ялта». Пропуск, висевший на ветровом стекле, открывал ему многие места города, в том числе и Массандровский грузовой порт. Жаров проехал прямо по молу и остановил машину напротив яхты, которую спасатели только что пришвартовали, замотав два каната за кнехты. Вокруг гудело и гремело нормальными для порта жестяными переборами. «Леокадия», теперь стоящая прямо, выглядела грациозно и стильно, на ее белых бортах колыхались отраженные солнечные блики.

— Кто может быть владельцем такой яхты? — спросил Пилипенко, будто обращаясь к самому себе. — Если не какая-нибудь звезда, то наверняка бизнесмен. В любом случае — состоятельный человек. Атам, где деньги, всегда можно ожидать преступления.

Пилипенко не столь хорошо разбирался в морском деле, как Жаров. Друзья поднялись на борт,

и журналист продемонстрировал следователю форпик яхты, приподняв крышку люка.

— Если здесь и хранилась надувная лодка, — сказал Пилипенко, пошарив внутри отсека, — то у нее был мотор.

Он достал платок и тщательно вытер перепачканные маслом пальцы.

Спустились по короткому трапу вниз. Темные, круглые, как у Джона Леннона, очки следователя вмиг посветлели, открыв его внимательные глаза.

— Где твой кофейник? — первым делом спросил он.

Жаров приоткрыл дверь камбуза и указал ладонью на плиту. Пилипенко осмотрел кофейник, не трогая его, затем повертел винтами крепления.

— Сколько времени прошло от момента, как яхту прибило к берегу, до того, как ты влез на борт? — спросил он.

— От силы минут десять, — сказал Жаров.

— Плиту ты выключил сразу?

— Минуты через две, когда спустился на камбуз.

— Ладно. Будем считать, что двенадцать.

Следователь вышел из камбуза и тотчас вернулся со штурманской параллельной линейкой

и судовым журналом.

— Возьми-ка, почитай пока, — сказал он Жарову, протягивая журнал, а сам склонился над плитой и щелкнул пластмассовой линейкой.

Жаров раскрыл журнал, искоса поглядывая на следователя, который меж тем бесцеремонно погрузил линейку в кофейник. Широкая даже в сложенном положении, она едва пролезла через горлышко.

Жаров склонился над журналом. Судя по записям на первой странице, яхта действительно вышла из Одессы три дня назад. Экипаж и вправду состоял из одного человека, он значился владельцем и капитаном судна — некто Шурупов Сергей Александрович.

Журнал — обязательный навигационный документ. Он служит для фиксации всего, что касается судна и его экипажа во время плавания, состоит из стандартных, напечатанных типографским способом таблиц. Журнал положено вести непрерывно с момента прибытия экипажа на борт и до окончания плавания. В случае гибели судна капитан должен принять меры к сохранению журнала.

Левая страница на каждом развороте отражает данные о курсе, ветре и так далее. На правой

записываются происшедшие события, а если таковых нет, то ставят во всю таблицу карандашный «зет». Иные вахтенные любят вести на этих правых страницах и чисто личные записи, часто довольно скучные, интересные только для самих этих любителей.

Владелец «Леокадии», похоже, как раз и был таким любителем: в первый день он уныло жаловался на хандру, коей способствовали мрачные тучи над горизонтом и так далее. На второй день вдруг заявил, что ему и вовсе порой не хочется жить, и от тоски своей некуда уйти, и даже на собственной яхте по вольному ветру не уплыть и тому подобное...

«Хотя, конечно же, я не от какой-то там тоски бегу, а от вполне конкретного, от того, что преследует меня, что наехало со всех сторон...»

Интересно, что такое могло «наехать» на успешного бизнесмена Шурупова? Или не успешного? Да и бизнесмена ли? Кто он такой вообще? Они с Пилипенко заочно решили, что владелец яхты — одесский бизнесмен. Может, и так. На бизнесмена могли наехать какие-нибудь кредиторы. Со всех сторон? Еще всяческие неприятности, например известие о неизлечимой болезни. Или какая-нибудь любовница угрожает разоблачить

его перед женой, что также обычное дело... Разве этого достаточно, чтобы поставить яхту на автопилот и сигануть за борт? Да и пропавшую лодку надо как-то объяснить.

Следователь тем временем сидел на рундуке и размышлял, постукивая линейкой по колену.

— Тридцать четыре миллиметра, — сказал он наконец. — Давай-ка проведем эксперимент. Допустим, кофейник был изначально полон.

Он снял с кофейника крышку и налил воду из крана в перевернутой бутыли над камбузным столом. Водрузил кофейник на плиту и защелкнул зажимом от качки.

— Я, между прочим, бросаю курить, если ты помнишь, — сказал он Жарову.

— У меня, конечно, есть зажигалка, — ответил тот, — но хочу заметить, что она здесь и не нужна. Такая походная плита включается автоматически, от искры. Кнопочку нажми, — закончил Жаров, качнув пальцем.

Следователь утопил маленькую красную кнопку сбоку плиты. Раздался тихий треск и газовый цветок распустился.

— Теперь подождем, — сказал Пилипенко. — Времени хватит, чтобы не спеша осмотреть всю эту посудину.

— Сначала я закончу с журналом, — сказал Жаров, перевернул страницу и вдруг почувствовал, как его собственные брови ползут вверх.

На последнем развороте с левой стороны значились обычные цифры. С правой размашистым торопливым почерком было начертано следующее:

«Оно здесь оно повсюду оно пожирает меня».

Жаров перевернул журнал и молча показал разворот другу. Пилипенко смерил взглядом страницу и настороженно повел глазами туда-сюда.

— По-хорошему, надо бы вызвать каких-нибудь специалистов, биологов, что ли... — пробормотал он, продолжая пристально осматривать внутренность яхты.

— Вряд ли это «оно» — какое-то животное, — возразил Жаров. — Животное не может быть «повсюду».

— Возможно, — сказал Пилипенко. — Но если мы до сих пор целы, предлагаю продолжить осмотр.

Теперь мотивировка Жарова изменилась: он приглядывался к окружающим предметам с новой точки зрения, ожидая увидеть свернувшееся где-нибудь щупальце или гигантскую паучью ногу.

— Никаких следов борьбы, — констатировал следователь. — Правда, одежда вывалена из платяного шкафа и вряд ли это можно объяснить толчком при посадке яхты на мель. Ощущение такое, что в шкафу что-то спешно искали. Дай-ка мне взглянуть, — попросил он, протягивая руку за журналом.

Повертев его, Пилипенко провел пальцем по сгибу разворота и проговорил задумчиво:

— А ведь одна страница вырвана. Предпоследняя. Это может ровным счетом ничего не значить, конечно. Но запомнить стоит.

5

Вода в кофейнике закипела через четыре минуты. Еще тридцать пять потребовалось, чтобы она выкипела до того уровня, на котором застал ее Жаров, когда увидел кипящий кофейник на борту. За это время друзья успели осмотреть каждый дюйм «Леокадии» и не нашли больше ничего подозрительного.

— Итак, кофейник был поставлен на плиту, а огонь зажжен за тридцать девять минут до того, как ты его погасил, — сказал следователь. — Отнимаем двенадцать, получаем двадцать пять. Что ж, теперь самое время прокладывать курс.

Пилипенко бросил лоцию на штурманский столик и плашмя шлепнул на нее линейку. Указал жестом ладони:

— Прошу!

Жаров сел на деревянную скамью и раскрыл лоцию.

— Будем считать, что кофейник был полным, — пробурчал он. — Что, конечно, не факт.

— Не факт, — невозмутимо согласился Пилипенко. — Но мы исходим из максимума, в который неизбежно включается минимум.

Жаров видел, что яхта шла точно перпендикулярно берегу. Ее скорость на глаз была узлов пять-шесть. Вскоре стало ясно, что максимальное расстояние, которое она миновала после того, как кофейник поставили на плиту, не могло превышать четырех-пяти километров.

— Вертолетчики прочесали гораздо больший квадрат, — заметил Жаров.

Пилипенко нагнулся, подобрал с пола что-то блестящее и аккуратно возложил на стол. Это был циркуль.

— Какова может быть скорость надувной лодки с мотором? — спросил он.

— Не выше тридцати километров в час. Зависит от мощности мотора. Но не думаю, что в качестве спасательного средства на яхте будет слишком уж быстроходная лодка. Скорее — не более двадцати.

— Значит, так, — сказал следователь, потирая лоб. — Простая задачка по алгебре. Есть время — полчаса или меньше. Есть скорость — двадцать километров в час. Есть циркуль и карта.

Говоря все это, Пилипенко склонился над картой и осторожно провернул циркулем круг над синевой. Его очки-хамелеоны, лежавшие теперь на штурманском столе, поймали солнечный луч

из иллюминатора, отчего стекла стали почти черными.

— Готово! — наконец сообщил он. — Моторная лодка не могла отправиться ни в открытое море, ни вдоль берега. Ее бы взяли погранцы — как при попытке выйти в нейтральные воды, так и продвинуться дальше Фороса на запад или Медведя на восток, где стоят радары. Итак, лодка, по всей вероятности, шла под углом к берегу от точки спуска на воду. Следовательно, она причалила где-то на отрезке от Симеиза до Никиты гораздо раньше того момента, как сама яхта села на мель.

— Опять вертолет?

— Нет, не годится. Тогда речь шла о возможном спасении людей, а теперь — вообще непонятно о чем. Сядем на катер и совершим легкую морскую прогулку.

Спасателей пришлось тормошить: они уже считали, что с буксировкой яхты их рабочий день закончен. Бесхозная надувная лодка — довольно-таки дорогая модель из пятислойного пластика, оснащенная маленьким, но мощным мотором, — нашлась в одной из крайних точек, вычисленных теоретически, а именно: за мысом Мартьян в Никите.

— Для проформы, конечно, нужно сравнить образцы масла с лодки и яхты, но на девяносто девять процентов — это и есть та самая лодка, — сказал Пилипенко.

Жаров кивнул.

— Вот и закончилась мистика, — ехидно добавил следователь. — Никакой тайны «Марии Целесты» нет. Ясно, что мы имеем дело с каким-то преступлением. Правда, все члены системы уравнений неизвестны. Даже жертва.

— Почему же все? А сыщик? Любая детективная система состоит из пяти элементов: преступник, преступление, жертва, мотив и сыщик. Ты, по крайней мере, уже в наличии.

— Нет преступления, нет и сыщика.

— Может, и в самом деле нет преступления. Человек просто надул лодку и свалил со своей яхты. Возьмет и объявится через час-другой.

— Возможно, — сказал Пилипенко. — Но вопросы о том, почему он это сделал, не выключив кофейник, почему бросил такое дорогое имущество, а главное, что означает его запись в журнале — так и остаются открытыми.

6

Хозяин яхты не объявился и к вечеру. На конец рабочего дня информации по этому случаю несколько добавилось. Клюев прозвонил Одессу и выяснил следующее.

Шурупов Сергей Александрович, сорока двух лет, женатый, детей не имеющий, и вправду оказался бизнесменом — владельцем ряда продуктовых магазинов в городе и области. Яхту «Леокадия», порт приписки Одесса, он приобрел недавно. Это было ее первое плавание на столь дальнее расстояние: до сих пор судно использовалось для коротких морских прогулок и пикников. За бизнесменом тянулся довольно длинный хвост сомнительных связей и сделок, но в этом не было ничего из ряда вон выходящего — все эти люди таковы.

Одесские ребята встретились с женой Шурупова, взяли у нее фотографию и переслали в Ялту. Шурупов был коротко стриженным блондином с невыразительным лицом и блеклыми глазами. Беседа одесситов с этой женщиной не дала никакой существенной информации: жизнь ее мужа состояла в основном из работы с раннего утра до

позднего вечера, а в последнее время, в связи с покупкой яхты, он увлекся новой темой — раз в неделю выходил в море на ночь и управлял яхтой в одиночку. Наконец взял себе несколько дней отдыха и отправился в более серьезное плавание.

— Информации много, но ничего значимого для нас, — подытожил Пилипенко. — Вот что, — он двинул распечатку фото прямо под руку Клюеву, — отдай это в типографию. Надо, чтобы завтра же на каждом столбе красовалась арийская морда Шурупова.

— Достанут, — вяло возразил Клюев, даже пальцем не шевельнув.

Жаров, все это время молча сидевший на подоконнике, понял, что он имеет в виду: все отделения милиции города будут трещать от ложной информации.

— Я даю распоряжение, а ты исполняешь, — сказал Пилипенко официальным тоном. — Возьми фото.

— Не возьму, — с улыбкой возразил Клюев и, не дожидаясь, пока глаза начальника вылезут из орбит, добавил: — Фото есть в моем компе, в электронном виде. Оттуда и пойдет в типографию.

— Я тоже подключусь, — сказал Жаров. — Номер «Курьера» выйдет в среду. Скинь и мне фото

со своей игровой станции.

На том и порешили. Жаров сверстал изображение Шурупова на последнюю полосу, с которой обычно начинают чтение газет, и снабдил выразительной подписью о розыске данного субъекта, предупредив жирным шрифтом, что обращаться по этому поводу надо не в газету, а в милицию. Тем не менее уже через час после того, как он развез номер по киоскам, какой-то придурок все же позвонил в редакцию и сообщил, что похожий человек снился ему накануне, а поскольку газета «Крымский криминальный курьер» занимается проблемами непознанного вообще, снов и сновидений в частности... Жаров вежливо предложил сформулировать сообщение в письменном виде и прислать бумажной либо электронной почтой.

Два последующих дня не принесли никаких новостей по делу аварийной яхты. В пятницу Жаров зашел в Управление и застал Клюева, как обычно, за компьютером, в процессе очередной игры. Лейтенант с увлечением гонял какого-то женоподобного гоблина по зеленым просторам мультяшной фэнтези.

— Сводка сегодня совершенно пустая, — сказал он. — Ничего интересного для твоего боевого листка. А Пилипенко, между прочим, сам ходит

по адресам, где якобы засекли этого Шурупова. Девять уже прошел. Осталось четыре. Скорее всего, и они ложные. Все они здесь, в моем компе.

— Далась ему эта яхта... — пробурчал Жаров, краем глаза разглядывая эффектную молодую женщину, которая открыта входную дверь и подошла к стеклянному барьеру.

— Чутье у него... Вот, сегодня еще три квартирные хозяйки и один менеджер отеля сообщили, что у них поселился похожий человек, — продолжал Клюев, движением мыши вызвав на монитор список. — Вот, смотри, какой маршрут предлагает ему сегодня судьба: одна точка на улице Руданского, другая — на Халтурина, третья в Массандре, последняя — аж в Гурзуфе. Чушь какая-то. Я ведь возражал: не надо никаких объявлений, но Вовика разве убедишь? Пусть сам теперь и ходит весь вечер после работы, проверяет. Я вот что думаю: эта история каким-то образом связана с бизнесом и одесскими разборками... А вы по какому вопросу? — Клюев заметил наконец посетительницу.

— У меня в вашем городе пропал муж, — сказала женщина.

— Еще один, — прокомментировал Клюев, готовый записать информацию.

У Жарова тоже было чутье. Вряд ли еще один, подумал он. В следующее мгновение женщина подтвердила его догадку.

— Я только что приехала из Одессы, — сказала она. — Моего супруга зовут Шурупов Сергей Александрович. Мне сказали, что его яхту обнаружили где-то у вас, в Ялте.

7

Жаров, как всегда, вошел в кабинет следователя, будто так и надо, по умолчанию играя роль какого-то сотрудника в штатском. Всем казалось очевидным, что человек, который сидит в милиции рядом с милиционером, — сам милиционер и есть. Редко возражали и спрашивали, кто этот субъект и по какому праву он принимает участие в допросах.

Право у Жарова было одно: старая дружба. Вова Пилипенко, следователь, был школьным товарищем с незапамятных времен, а Петя Клюев, лейтенант, командир бригады оперативников — также на близком горизонте маячил: он в «Б» классе дурака валял, а будущий следователь и будущий репортер — в «А». Леня Минин, эксперт-криминалист, также учился в пятой школе, но пятью годами старше. Маленький городок, уютный. Курортникам и в голову не приходит, насколько Ялта тесна.

Сейчас все четверо сидели в кабинете следователя и слушали рассказ жены Шурупова. Минина пригласили потому, что женщина привезла альбом с фотографиями. Эксперт был уверен, что

выражение лица пропавшего, запечатленное камерой, сможет натолкнуть его на какую-нибудь полезную мысль. Он сидел в сторонке и внимательно листал магнитный альбом, двигая над ним крупной лупой в медной оправе, которая пускала солнечный зайчик на стены и потолок.

— Есть у вашего мужа явные враги, люди, о которых вы могли бы знать? — спросил Пилипенко. — Что-нибудь, связанное с его бизнесом...

Светлана Викторовна (именно так она представилась и предлагала себя называть, хотя было ей явно до тридцати, а выглядела она еще моложе, просто девчонкой, поэтому Жаров мысленно именовал ее по рангу — Светка) вскинула взгляд к потолку.

— Мне ничего не известно о делах моего супруга. Он зарабатывает деньги, а проблемы бизнеса меня не интересуют.

Это был вполне типичный, банальный стиль, весьма меж жен бизнесменов распространенный — недалекое эхо девяностых, когда слово «бизнесмен» стопроцентно значило «бандит».

— Здоровье вашего супруга в порядке? — с участием поинтересовался Минин, оторвавшись от альбома.

— Совершенно. Яхтсмен, спортсмен...

— А душевное?

— Что вы имеете в виду?

— Поймите меня правильно, — сказал Минин. — На некоторых фото у него довольно странное лицо. Будто о чем-то напряженно думает, когда все вокруг веселятся.

Жаров видел через плечо эксперта, что многие фотографии представляли собой типичную любительскую съемку застолий. Меж пьяных беззаботных лиц Шурупов порой выглядел человеком, который находится в комнате по какой-то служебной надобности. Вдруг ему показалось, что он узнал на групповой фотографии одно лицо... Нет, невозможно. Лицо мелькнуло так быстро под толстыми пальцами Минина, что Жаров не успел осмыслить нелепости его присутствия здесь и теперь; к тому же резкий, подчеркнуто официальный голос Шуруповой отвлек его:

— Сергей Александрович не наблюдался у психиатра, если вы об этом хотели спросить, — сказала она Минину.

Тот встал и, волоча за собой стул, подошел к Шуруповой.

— Я бы попросил вас расположить эти фотографии в хронологическом порядке, — проговорил он и, догадавшись, что женщина не совсем его

понимает, добавил: — По времени. Какие фотки был сделаны раньше, какие позже. Если помните, конечно.

Пока Минин и Шурупова сидели рядом, склонившись над альбомом и шелестя листами прозрачной пленки, словно гости на скучной вечеринке, все остальные молча смотрели в их сторону, ожидая результата эксперимента, смысл которого был никому не понятен.

Жарову было ясно, что супруга Шурупова — Светка эта — женщина недалекая, хотя и пытается держать марку солидной дамы.

Минин вдруг ткнул пальцем в альбом.

— Когда была сделана эта фотография?

— Где-то зимой, а что?

— Я хочу понять, — ответил Минин, — в какой момент с вашим мужем произошла перемена.

— Да о чем это вы?

— Посмотрите. Вот человек как человек. Все улыбаются, и он — тоже. И так на всех фотографиях в начале альбома, если расположить хроно... То есть по времени. Нынешней зимой, месяцев пять назад, с ним что-то случилось, возможно, неприятности, связанные с работой. И выражение лица изменилось. Разве вы не заметили перемены?

— Нет! — с раздражением ответила Шурупо-

ва. — И вообще... Какое отношение все это имеет к тому, что человек исчез? Вы просто найдите его, и все.

— Об этом можете не беспокоиться, — сказал Пилипенко с ледяной твердостью. — Мы его непременно найдем. А к вам пока только одна просьба: оставьте нам этот альбом.

— Ну, разумеется, — пожала плечами Шурупова, а Жаров меж тем отлип от подоконника, подошел к столу и взял альбом в руки.

Пролистав немного назад, он дошел до той страницы, которая смутила его. Это было корпоративное фото. Группа улыбающихся мужчин и женщин расположилась вокруг массивного стола, очевидно, в кабинете директора фирмы, Шурупова.

— Невероятно! — воскликнул Жаров. — Вот эта девушка... Именно она первой влезла на яхту. Груздева!

Жаров ткнул пальцем в это красивое, беспечно улыбающееся лицо.

Пилипенко тотчас завладел альбомом.

— Груздева, — сказал он, обращаясь к жене пропавшего. — Вы знаете эту девушку?

Шурупова взяла в руки альбом и посмотрела на фото.

— Впервые ее вижу. То есть я, конечно, не раз видела эту фотку, но не обратила внимания. Возможно, одна из сотрудниц фирмы моего супруга. У меня вообще плохая память на лица.

Женщина порылась в сумочке, достала маленький пластиковый пенал с валидолом и будничным жестом задвинула таблетку под язык. Что-то на самом деле столь взволновало ее, или же этот валидол был кодом некой значимости, подобно тому как иные люди носят очки с простыми стеклами?

— У вас в кабинете слишком душно, а я еще не прошла акклиматизацию после Одессы, — пояснила она.

Когда Шурупова ушла, Пилипенко медленно пролистал альбом с начала до конца. Клюев и Минин тоже смотрели. Все трое сдвинули плечи, словно в шеренге, а Жаров стоял напротив, видя перевернутый мир фотографий.

— Вот, опять она, — Пилипенко постучал пальцем по странице.

— Угу, — промычал Минин.

Еще через две страницы и он воскликнул:

— И еще раз!

Всего в альбоме насчиталось четыре фотографии Груздевой. Судя по всему, эта девушка

действительно работала в фирме Шурупова.

— Мне почему-то уже давно казалось, — проговорил Жаров, — что наш человек был среди тех пловцов, которые первыми обнаружили яхту.

— Неужто интуиция? — спросил Пилипенко.

— Нет. Это у тебя интуиция. Мой незыблемый принцип таков: законы детективного жанра столь сильны, что действуют и в жизни. Не мог автор затратить столько усилий на какого-то курортника, если этот персонаж непричастен к делу.

— Ну что ж! — сказал Пилипенко. — Груздева живет в гостинице «Крым». Журналист, конечно же, поедет со мной?

— Если позволишь.

— Знамо дело. Разве ты хоть раз упустил возможность полюбоваться на красивую девушку?

8

Милицейский «жигуленок» ехал от Управления до гостиницы минут семь, поскольку на Платановой была пробка: троллейбусы встали один за другим, что, как и чистенькие, беленькие девчонки с лотками на каждом углу, также было признаком начала курортного сезона.

За это время друзья успели выработать стратегию разговора с Груздевой. Предварительный звонок ей сделал именно Жаров, поскольку он был как бы ее знакомым, хоть и имел какое-то невразумительное отношение к милиции. Голос Татьяны звучал недовольно и подавленно: казалось, ей крайне нежелательна была эта встреча. Во всяком случае, выяснилось, что она сейчас в гостинице.

Пилипенко о чем-то напряженно думал, затем высказал результат:

— Мне тоже с самого начала казалась странной одна деталь. Гостиница рядом с Массандровским пляжем. Курортники обычно туда и ходят. Почему Груздева купалась в Ореанде?

— Я и говорю, — ответил Жаров, — она должна была встретить яхту.

По обстановке в номере сразу стало ясно, что девушка решила уехать. На кровати лежала раскрытая туристская сумка, часть вещей была уложена. Жаров отметил кружевные лиловые трусики в прозрачном пакете, их вид почему-то вызвал у него необъяснимую жалость.

— Я очень тороплюсь, — сказала Груздева. — У вас ко мне, как я понимаю, вопросы, связанные с этой яхтой?

Она была занята тем, что бережно заворачивала в тряпицу маленькие иконки. Нагнулась и уложила их рядом с трусиками. Ее нательный крестик на серебряной цепочке отклонился согласно гравитации и снова упал на грудь, когда девушка выпрямилась.

Пилипенко молча развернул альбом, который привезла жена Шурупова, и показал фото.

— Все гораздо сложнее, как видите.

— Да, я работаю в этой фирме, — сказала Груздева, мельком глянув в альбом.

— Вы... — следователь чуть было не произнес слово «любовница», — хорошо знаете Шурупова Сергея Александровича?

От внимания Груздевой тоже не ускользнуло движение губ следователя, собиравшегося произнести это старомодное слово.

— Да, я была его женщиной! — вдруг громко сказала она.

Жаров заметил, что при этих словах она легко коснулась двумя пальцами своего нательного креста.

— Как давно? — спросил следователь деловым, невозмутимым тоном.

— Пять месяцев и шесть дней.

Пилипенко быстро пошевелил пальцами, и Жаров понял, что следователь думает о том же, о чем и он. Как раз это и заметил Минин на фотографиях... Именно пять месяцев назад лицо Шурупова изменилось. С тех пор, как женатый мужчина зажил двойной жизнью.

— Вы условились встретиться в Ялте, не так ли? — спросил Пилипенко.

— Какое это имеет значение?

— Человек исчез. Мы ведем расследование.

— Да, — сказала Груздева. — Я и вправду ждала яхту в Ялте. Но вы же знаете, что произошло с ней.

— Мы понятия не имеем, что произошло с яхтой и на яхте! — не выдержал Жаров. — А вы?

— И я тоже.

— Почему же вы уезжаете? — спросил Жаров.

— Как почему? — девушка вскинула на него

свои огромные светлые глаза. — Ведь ваш коллега только что сказал: *человек исчез!*

— И куда же вы собираетесь? — холодно спросил Пилипенко, и Жаров хорошо знал, *что* он скажет в следующую минуту.

— Как куда? Домой, в Одессу.

— Вынужден вас огорчить, — и вправду начал следователь.

— Что может огорчить меня более, чем то, что уже произошло?

— Вы не едете в Одессу.

— Вот как?

— Я выпишу вам бумагу. Это называется — предписание. Как фигурант объявленного расследования вы не имеете права покидать территорию Большой Ялты.

— До каких пор?

— Пока мы не сочтем нужным. Лично я сочту. А лично я считаю: вы можете оказать неоценимую помощь в расследовании.

— Расследовании чего?

— Обстоятельств исчезновения вашего... друга. И, для начала, я попросил бы вас ответить на несколько вопросов.

— Да ради бога!

— Когда вы приехали в Крым?

— За день до Сергея. Поезд пришел в семь утра. Я бродила тут. Заночевала. Скучный город.

— Я бы поспорил. Но почему вы не сели с ним вместе на яхту? Зачем так громоздко?

— Он не хотел брать меня на борт. Хотел побыть один в море. Мы условились встретиться в Ялте и провести вместе несколько дней подряд, а не как раньше — урывками, порой на два-три часа... Но яхта, как вы знаете, пришла пустой. Я влезла на борт, но обнаружила лишь кипящий кофейник.

— Больше вы ничего не обнаружили? Что-то еще показалось вам странным?

— Да! Вещи были выброшены из шкафа и разбросаны по полу.

— Вы что же, условились, что яхта пристанет к берегу именно на этом маленьком пляже?

— Да нет же! Она должна была прийти в порт. В последнем разговоре Сергей уточнил время прибытия. Я прогуливалась по Набережной и ждала его. На звонки он перестал отвечать. Пеленг аппарата показывал, что яхта идет совсем в другое место.

— Что значит — пеленг аппарата? — не выдержал Жаров. — У вас что, есть функция джи-пи-эс?

— Да. Сергей был очень щепетильным и поставил мне ее на всякий случай. Мы ведь катались

на яхте последнее время, каждый уикенд по ночам. А на море всякое может случиться.

— Но позвольте! — воскликнул Жаров. — Ваш аппарат засекал что? Ведь не положение яхты, а положение мобильного телефона ее владельца!

— Да, ну и что?

— Это значит, что, когда Шурупов исчез с борта, мобильник еще оставался на яхте.

Груздева пожала плечами:

— Может быть, его просто смыло в море? Вряд ли его теперь можно найти.

— Может быть — нет. А может быть — и да, — задумчиво произнес Пилипенко.

9

Друзья молча дошли до «жигуленка», который был со всех сторон заставлен другими авто, словно старый чайник на плите среди тефлоновой посуды. Что-то не давало покоя Жарову, какое-то слово, употребленное не совсем так, как требовала логика. Как профессиональный литератор, он был особенно чувствителен именно к словам.

Они влезли в машину, протиснувшись в двери, которые нельзя было распахнуть полностью, не покорябав чужой тефлон. Пилипенко завел мотор и принялся выруливать. Скрежет старой коробки передач странным образом навел Жарова на потерянное слово. Он сказал:

— Груздева дважды оговорилась: сказала о Шурупове «был». Вот что. Шурупов уже мертв, и девушка знает об этом.

— Возможно, — сказал следователь. — В любом случае, я собирался по всем этим адресам.

— Твой рабочий день, между прочим, давно закончился.

— Ничего. Я выпишу сверхурочные.

Он, конечно, знал, что Жаров не оставит его, увяжется с ним, поэтому не тратил времени на

лишние разговоры.

— Осталось четыре места, где засекли Шурупова. Якобы узнали по расклеенным фото. Квартирные хозяйки и менеджер отеля. На Халтурина, на Руданского, в Массандре и в Гурзуфе. — Говоря, Пилипенко поводил головой туда-сюда, указывая подбородком в направлении означенных мест. — Думаю начать с самой дальней точки, с Гурзуфа.

— К тому же лодку нашли именно в том районе, — сказал Жаров.

— Да не в этом дело, — отмахнулся следователь. — Вполне возможно, что Шурупов заквартировал как можно дальше от места, где причалил к берегу. Просто лучше пилить в самую дальнюю точку с надеждой в сердце, чем возвращаться оттуда разочарованным.

— Приветствую такую логику.

— Ничего удивительного, — пробурчал Пилипенко. — Простая мужская логика. Женщина бы действовала наоборот.

До автовокзала томились в пробке, но, выехав зигзагом на трассу, почувствовали относительную свободу.

Хозяйка маленького пансиона в Гурзуфе производила впечатление вполне вменяемой. Друзья не сразу заметили, что именно с ней не так.

Человек, которого она опознала по фото, наклеенному на доску объявлений гурзуфского пятачка, был ее постояльцем и в данный момент, «естественно», спал пьяным в своей комнате. Дверь была не заперта, и все трое вошли в довольно вонючее логово, где на столе топорщился развороченный скелет курицы-гриль. То, что лежало на кровати, заставило друзей переглянуться. Человек, спавший поперек съехавшей постели, не имел ничего общего с Шуруповым. Мало того, что он был брюнетом, в отличие от белобрысого яхтсмена, но тугие щеки, меж. которых располагался круглый, тяжело дующий рот, не шли ни в какое сравнение с впалыми щеками разыскиваемого. Пилипенко закрыл дверь, перерезав поток сероводорода и ацетона, и сухо сказал женщине:

— Это не тот человек.

В маленьком холле висел постер Арнольда Шварценеггера.

— Вам тоже нравится Сильвестр Сталлоне? — поинтересовался Пилипенко, кивнув на изображение.

— Это не Сталлоне, — сердито сказала хозяйка.

— А кто?

— Это Стивен Сигал.

Уже по пути в Ялту следователь прокомментировал ситуацию:

— У этой женщины явная болезнь Альцгеймера. Она не распознает человеческих лиц. На место своего постояльца она подставила фото разыскиваемого, а произвольный плакат наполнила образом любимого актера.

— Рано или поздно она сожжет свой дом, — мрачно отозвался Жаров.

— Я сообщу гурзуфскому участковому, — сказал Пилипенко. — Пусть направит ее к врачу. Хоть это и неизлечимо, но пациент и его близкие должны знать о такой болезни.

Свернув с трассы в Массандру, Пилипенко безошибочно вывел машину в проулок к нужному дому. Жизнь в маленьком городке невольно заставляет изучить его назубок, вплоть до расположения зданий по номерам.

Раньше это был просто жилой дом на восемь квартир, но в новые времена некий «уважаемый человек» выкупил его, прогнав оттуда жильцов на выгодных для них условиях. Теперь здесь был небольшой и не очень дорогой, имея в виду положение высоко над морем, частный отель.

Менеджер отеля и позвонил сегодня утром в милицию, сообщив о том, что человек, похожий

на Шурупова, остановился на его территории.

Сообщение также оказалось ложным. Рассмотрев альбом, менеджер вернул его, виновато пожимая плечами.

— В объявлении была одна фотография, а здесь множество. Наш гость был просто похож на него. Да и съехал он уже.

Оставалось еще два адреса. Труп Шурупова друзья обнаружили по первому из них.

10

Хозяйка частной квартиры в многоэтажном доме по улице Руданского немедленно подтвердила свое телефонное заявление, лишь перелистнув две-три страницы альбома. В доме ей принадлежали три квартиры: две из них она сдавала, в третьей жила сама. На звонок никто не отзывался, следователь попросил открыть дверь запасным ключом.

Шурупов сидел на полу, привалившись к кровати. Голова была опущена на грудь. Пилипенко присел на корточки и заглянул ему в лицо. Судя по тому, как скривились губы следователя, Жаров понял, что ему также предстоит весьма неприятное зрелище.

Действительно, глаза мертвеца вылезли из орбит, существуя, словно два плохо закрепленных шара. Что-то похожее на фильмы, где у астронавта лопается стекло шлема. И гримаса ужаса, застывшая на лице.

— Похоже, то, что преследовало этого человека на яхте, все же настигло его, — сказал Жаров. — Тайна Марии Целесты существует.

Пилипенко уже стоял посередине комнаты и,

низко наклонившись и поводя носом, рассматривал предметы, лежавшие на столе.

— Не думаю, что здесь есть какая-то тайна вообще. Этот человек просто-напросто покончил с собой.

— Ты что же, как Пуаро, уловил запах горького миндаля в стакане?

— Положим, «Массандра» и так попахивает конским миндалем. Дело в том, что тут наличествует предсмертная записка.

Жаров подошел и тоже склонился над столом. Пустой бокал лежал на боку, уткнувшись в оловиненную бутылку вина. Посередине стола белел лист бумаги.

«Нет больше сил это терпеть. Я ухожу из жизни добровольно. Никого прошу не винить в моей смерти. Прощайте, друзья! Свидимся в другой жизни. Прощай, жена! Если придут, то скажи им, что взять с меня было нечего».

— Ушел, стало быть, от кредиторов, — сказал Пилипенко.

— Это первое, что приходит в голову, — проговорил Жаров. — Возможны и какие-то другие трактовки.

Жарова поразил не сам текст записки — нечто подобное он уже видел не раз, разъезжая с

оперативниками по Ялте и окрестностям. Предсмертное послание Шурупова было написано простым карандашом, а в самом листе без труда можно было узнать вырванную из судового журнала страницу. Пилипенко также был озадачен.

— Вряд ли самоубийца взял чистую страницу про запас, — сказал он. — Скорее всего, записка была написана еще на борту. Покидая яхту, он взял листок с собой. Это и видно: похоже, что бумага была сначала сложена, потом разглажена.

Трогать листок было нельзя до прихода эксперта, и Жаров нагнулся, рассматривая его.

— Что же это получается? — проговорил он, распрямившись. — Человек решает свести счеты с жизнью прямо на своей яхте. Пишет записку в судовом журнале. Внезапно что-то мешает ему. Он вырывает из журнала листок, сворачивает и кладет в карман. Торопливо пишет в журнале о том, что нечто здесь и повсюду, нечто преследует его. Спасаясь от чего-то ужасного, надувает лодку и мчится к берегу. Арендует квартиру. Живет здесь три дня. Затем исполняет свой план, используя ту же самую записку. По-моему, так не бывает.

— Если еще учесть, что перед первой попыткой самоубийства он решает испить кофейку и ста-

вит кофейник на плиту. Включает плиту. И лишь тогда покидает яхту. Более нелепого сценария мне не доводилось видеть.

Пилипенко замолчал, тщательно оглядывая комнату. Похоже, что он не приметил ничего необычного.

— Ясно одно, — наконец заговорил он. — И на яхте, и в этой комнате произошло нечто совсем другое. Хотя бы потому, что события, какими они видятся по первым впечатлениям, просто-напросто не могли произойти.

Жаров тем временем рассмотрел труп. На груди самоубийцы висел нательный крестик на простом шнурке.

— Именно так и носят новообращенные, не сразу покупают цепочку, — сказал он. — Следовательно, Татьяна сказала правду, что он недавно крестился.

— А с чего бы ей врать? К тому же вроде бы православным врать не полагается. Правда, часто мы сталкиваемся с обратным.

— Да все люди врут, черт бы их побрал. Православные ли, католики, мусульмане... — Жаров продолжал, уже обращаясь к мертвецу: — Крест, крест... Что же за крест ты носил на самом деле? Что преследовало тебя, окружало со всех сторон?

Пилипенко вздохнул:

— Ну, не столь возвышенно, может быть. В Одессе наехали бандюки. Достала жена. Надоела любовница. Вот и получается: со всех сторон... Нет, все же... Не повод, чтобы свести счеты с жизнью.

— Я бы уж точно сбежал от такой жизни, — сказал Жаров.

— Куда, в смерть?

— Нет, конечно. Но сбежал бы — это точно!

— Сбежал, сбежал... — бормотал следователь, нащелкивая кнопки на своем телефоне. — Об этом стоит подумать.

11

Прибывшая бригада тщательно осмотрела жилище мертвеца. Ни осмотр, ни последующая экспертиза не добавили ни одной новой детали, кроме тех, что и так предполагались.

Смерть Шурупова наступила в результате отравления цианидом. Следы яда были обнаружены только в бокале, то есть самоубийца просто бросил капсулу в свое вино. Скорее, это была именно растворимая капсула, поскольку никакого флакончика в комнате не нашли. Степень трупного окоченения показала, что Шурупов принял яд буквально за час до того, как был обнаружен мертвым.

— Если бы мы поехали сразу на Руданского, а не мотались туда-сюда, — вздохнул Жаров, — то могли бы спасти этого человека.

— Не вини себя в том, что действуешь согласно мужской природе, — пробурчал Пилипенко.

Была уже поздняя ночь, а друзья так и сидели в кабинете следователя. Не раз обсудили ситуацию, постоянно упираясь в одни и те же вопросы.

— Вопросы-то остаются, и странные, — сказал Клюев. — Но боюсь, для начальства неубедитель-

ные. Могу поклясться, что дело будет закрыто даже в таком виде.

— А знаете, ребята, что самое нелепое в этой истории? — вдруг спросил Жаров, обращаясь сразу ко всем присутствующим.

— Кофейник? — спросил Пилипенко.

— Нет, — сказал Жаров. — Можно представить, что человек включил его на автопилоте, по инерции. Ведь достаточно просто красную кнопку нажать.

— Страница из судового журнала? — предположил Минин.

— И это мимо. Вырвать страницу и уплыть с нею — факт, с трудом поддающийся объяснению, но все же возможный. Отложенная смерть. Малодушие или что-то еще... То, что никак, ни при каких обстоятельствах не может быть возможным: Груздева знала о том, что ее возлюбленный мертв, говорила о нем в прошедшем времени, и было это часа за три до его смерти. Откуда она знала, что через три часа Шурупов покончит с собой? Он что, попросил ее ассистировать, подержать свечку?

— Понятно. — сказал следователь. — Мистика никогда не давала тебе покоя. Тайна Марии Целесты лопнула, как пузырь на воде. И вот, ты

уже спешишь найти другую загадку из области непознанного. Ты неисправим, брат. Но, что бы там ни было, мы должны немедленно посетить эту девушку.

— Сейчас? Среди ночи?

— Именно.

Сказано — сделано. Уже через несколько минут, благо что теперь улица была свободна, Пилипенко и Жаров вошли в вестибюль гостиницы «Крым».

— А девушка ушла! — заявила администраторша, довольно пожилая строгая женщина.

— С вещами? — спросил Пилипенко столь грозно, что женщина отшатнулась.

— А вот и нет! — сказала она. — Просто так, прогуляться.

При этом она невзначай глянула на круглые стенные часы, где как раз в этот момент прыгнула стрелка, отсчитав час ночи.

— А дайте-ка нам, любезнейшая, — он указал округлым движением пальца на стену, — ее ключик.

— А у вас есть санкция? — спросила служащая, правда, уже снимая со стенда гостиничный ключ.

— Жаров, покажи ей санкцию! — сказал Пи-

липенко, уже осваивая ботинком лестницу, и журналист по локоть засунул руку себе за пазуху.

Этот трюк срабатывал на практике не один раз. Администраторша лишь мельком глянула в его сторону, и через минуту они все трое вошли в номер Груздевой.

— Что может делать девушка ночью в незнакомом городе? — пробормотал Пилипенко, вроде ни к кому не обращаясь, но женщина сочла своим долгом ответить:

— Можно догадаться!

— Правда, — добавил Жаров. — Груздева могла познакомиться с кем-то и...

— Это вряд ли, — сказал следователь, оглядываясь по сторонам. — Не та девушка. Христианка и прочее. Ее парень мертв, и она знает об этом. С нею что-то определенно случилось.

Он прошелся по комнате, выдвинул ящик стола, заглянул под кровать. Администраторша вдруг выбросила в сторону Жарова руку ладонью вверх.

— Так вы покажете мне санкцию на обыск?

— Разумеется! — воскликнул Жаров и снова углубился в изучение своего внутреннего кармана.

Пилипенко тем временем раскрыл платяной шкаф и плавным движением пальца потревожил платья. Было ясно, что Груздева уже распаковала свою туристскую сумку и вновь расположилась в номере. Жаров достал из кармана кипу бумажек и стал перебирать, бормоча:

— Квитанция за электричество. Вы представляете, сколько они заломили? Надо разобраться с этими ребятами, я не мог съесть в мае такое количество энергии!

Женщина с любопытством наблюдала за действиями Жарова, тем временем следователь зашел в туалет. Жаров продолжал:

— Счет за интернет... Это убийство какое-то! Вы представляете? — он помахал бумажкой перед носом женщины. — Кстати, небось заглядываете на разные интересные сайты. Не вы ли там под ником Ксюша-89?

— Нет! — раздраженно отрезала женщина. — И я не знаю, что такое «ник», и смутно понимаю, что такое «сайт». Так где же ваш ордер-то?

— Нашел! — радостно и громко закричал следователь из-за двери туалета. — В бачке от унитаза.

Он вошел в комнату, сияя. Жаров спокойно спрятал свои бумаги в карман. В руках у Пилипенко блестел обыкновенный аптечный флакончик.

— Предположительно, с ядом, — сказал он. — Иначе не имело смысла его так надежно прятать.

Слово «надежно» следователь явно заключил в кавычки.

— Получился несанкционированный обыск, — вздохнула администраторша.

— И что? — с возмущением возразил Жаров. — Речь идет о смерти человека.

— Самое меньшее, что мы можем предъявить девушке, живущей здесь, — это хранение и передача третьему лицу опасного, запрещенного к использованию вещества.

— А самое большее? — поинтересовалась администраторша.

— Подстрекательство к самоубийству, — немедленно ответил следователь. — Вот мой телефон. Позвоните немедленно, как девушка вернется.

— Надо отдать его Минину на экспертизу, — сказал он Жарову, когда они вышли на улицу. — Пусть и займется прямо с восьми утра. Вдруг там и вправду яд?

12

Уже часов с девяти Жаров с нетерпением ждал от друга звонка, поглядывая, как перемигивают на стене редакции электронные часы. Решил сам позвонить в десять, но Пилипенко опередил его — голос следователя прозвучал в офисе в девять сорок пять:

— Экспертиза подтвердила. В номере Груздевой найден тот самый цианид, которым отравлен Шурупов.

— Я не сомневался, — с грустью произнес Жаров. — Все красивые девчонки почему-то всегда... Гм!

У Жарова не выходили из головы живые, трогательные картинки: нательный крестик падает на грудь девушки и залипает на загорелой коже, рука ее, украшенная колечками и перстеньками, заворачивает маленькие иконы в тряпицу, укладывает рядом с лиловыми трусиками...

— Что замолчал? — послышалось в трубке. — Вспомнил других своих подружек, которые в итоге оказались убийцами или соучастницами? Может быть, у тебя того... некое мистическое свойство притяжения?

— В таком случае, тебе повезло, — ответил Жаров. — Я вроде индикатора у великого сыщика. Но дело в другом. Не верится мне, что эта девушка могла помочь кому-то перебраться на тот свет. Наоборот, она могла лишь препятствовать самоубийце. Потому что по христианству это большой грех.

— Человеческая душа — загадочная субстанция. Если она, конечно, существует... Ладно, — перебил себя следователь. — Сегодня утром я официально сообщил Шуруповой о гибели ее мужа.

— И какова реакция? — спросил Жаров.

— Самая обыкновенная. Бросилась в слезы. Глотала валидол. Да, валидол... — Пилипенко замолчал, что-то обдумывая, связанное, вероятно, с валидолом. Продолжил:

— Я, межпрочим, спросил ее, почему она поехала в Симферополь поездом. Почему не на самолете? Ведь у нее пропал муж, она должны была спешить.

— И как объяснила?

— Да укачивает ее. Странно все это. Груздева тоже ехала поездом. Хотя все эти гламурные бизнес-леди по определению предпочитают аэро. Знаешь... Эту твою красавицу я бы не в передаче яда обвинил, а в преднамеренном убийстве.

— Да на каком основании? Когда мы встретились с нею, Шурупов был еще жив. Правда, она почему-то говорила о нем в прошедшем времени...

— В том-то и дело! — воскликнул Пилипенко. — Она говорила «был», потому что считала вопрос уже решенным. Сразу после того, как мы ушли, отправилась на квартиру к Шурупову и отравила его. В то время, когда мы были в Гурзуфе.

— А записка?

— Очень просто. Записка ведь была у самого Шурупова. Вероятно, он колебался в своем решении. Написал записку, хотел умереть на яхте, прыгнуть в воду, что ли...

— А он не умел плавать? — спросил Жаров.

— Это я уточню. Или же... Мог быть у него пистолет? Мог! Эти бизнесмены часто носят оружие. Мог пистолет случайно упасть за борт? Вот он и бежал с яхты, не зная, что ему делать, и записку с собой прихватил.

— Но откуда Груздева узнала, где в Ялте остановился Шурупов? — спросил Жаров.

— Да что ты все ковыряешь? — возмутился следователь. — Мог он ей позвонить или нет?

— Конечно, мог. Только если у него был другой аппарат. Ведь Груздева засекла яхту по джи-пи-эс.

Это значит, что аппарат оставался на яхте, когда самого яхтсмена уже там не было.

— Он мог позвонить из автомата, — настаивал Пилипенко.

— Сомневаюсь. Люди редко помнят наизусть десятизначные номера. Их просто хранят в памяти телефона.

Пилипенко помолчал. Затем сказал, довольно мягко:

— Думаю, что кое-кому придется сегодня нырнуть.

— Может быть, лучше вызовешь водолаза? — проговорил Жаров.

— Глупости! Мы знаем, кто самый лучший ныряльщик на всем южном берегу.

13

Жаров больше не упирался: он и так любил нырять с маской и ластами. У него был замечательный японский комплект, купленный по дешевке как раз у японцев, зачем-то приехавших сюда на отдых: упругие ласты из чистого силикона, невесомые, словно домашние тапочки, с трехступенчатым переключателем скорости и маска с просветленными линзами, с шариковым клапаном — то есть ни капли воды не могло попасть в рот, и не надо было выпускать, выныривая, китовый фонтан.

При первом же погружении он проплыл вдоль следа на дне, который оставил киль яхты, когда ее тащили с мели. Плавно вильнул влево: именно туда кренилось судно. Если аппарат упал с палубы, он должен был быть здесь.

Песок, камни, заросшие тонким зеленым пушком… Маленький рак-отшельник медленно тащил свою, вернее, заимствованную у какого-то покойника, черную ракушку. Мобильника, предположительно также черного, поскольку все-таки мужской, здесь не наблюдалось.

Жаров выплыл на поверхность, нахлебался

воздуху. Вдали, на топчане, почти на том же месте, где сидела Груздева (до сих пор так и не появившаяся в гостинице), расположился Пилипенко. Его очки коротко блеснули, когда Жаров вынырнул. Он махнул ему крест-накрест руками, поставил силовые тяги ласт на максимум и вновь погрузился в пучину.

Борт яхты «Леокадия» имел не очень высокий привальный брус. Телефон мог поехать по палубе, стукнуться обо что-то, подпрыгнуть и перелететь через это ограждение. В тот самый момент, когда яхта ударилась килем о дно или выступающий камень. Тогда надо было искать дальше по ходу судна.

На глубине пяти-шести метров, среди камней, залепленных уже водорослями покрупнее, в уютной ложбинке висела зеленуха. Вывернув на Жарова глаза, она быстро брякнула плавниками и исчезла. Под ней и лежал плоский черный аппарат. Он уже был изрядно затянут песком и через день-другой скрылся бы насовсем.

— Честно говоря, не очень-то я и рад, — сказал Пилипенко, принимая из мокрой руки Жарова его находку. — Ведь теперь и вправду возникает новый вопрос: *зачем* он бросил мобильник на палубу? Он дал стрекача с яхты на скоростной

надувашке. Ясно, что он не собирался умирать в тот же день. Оставаться без телефона вообще? Зачем?

— Мы уверены, что он его бросил? Не выронил ли просто? В силу каких-то обстоятельств... То, что было повсюду, что преследовало его со всех сторон?

— Оплело его мокрыми щупальцами! — воскликнул Пилипенко, растопырив пальцы.

Тем же вечером экспертиза была закончена. Жаров попросил Минина позвонить ему, чтобы он сам мог присутствовать на совещании по этому поводу. Тот поворчал: дескать, ничто не обходится без Жарова, будто не журналист он вовсе, а тоже работник милиции.

— Не забывай, что не кто иной, как я, нашел этот ржавый мобильник! — воскликнул Жаров.

Минин позвонил ему за четверть часа до совещания. От редакции до УВД — шесть минут медленным шагом. Жаров встретил эксперта на лестничной клетке: тот как раз поднимался на второй этаж, держа под мышкой свою неизменную бархатную папку. В кабинет следователя они вошли вместе.

— Вообще-то была слабая вероятность, что ты нашел какой-то другой мобильник. Просто

мобильник, который кто-то уронил... Когда-то... Но...

Аппарат, разумеется, принадлежал Шурупову. Ребята из отдела Минина восстановили всю информацию — как из сим-карты, так и из памяти самого телефона. Все СМС-сообщения. Время звонков. Номера из записной книжки. Памятки бизнесмена, деловые заметки.

Пилипенко переворачивал листы, порой комментируя. Сам аппарат лежал у него под рукой, правда, он был не в рабочем состоянии: все-таки четыре дня пробыл в соленой воде.

— Ну что ж! — сказал следователь. — Информации много, но нас интересует прежде всего последняя неделя.

— Давай ты сам потом подробно ознакомишься, но я хочу доложить самое важное.

— Тебе и карты в руки, — согласился Пилипенко, тотчас вложив в руки Минину пусть и не карты, но стопку бумаг экспертизы.

— Если коротко, то суть такова, — начал эксперт. — Входящие сообщения за последние несколько часов только от Груздевой. Любовь, разбор полетов влюбленных. Смутные намеки на желание покинуть этот мир в ответах Шурупова. Звонков долго не было. Всего последних звонков,

не считая груздевских, четыре: один от жены Шурупова, что понятно, два от его сотрудников и один — от неустановленного лица.

— Надо как можно быстрее установить это лицо, — заметил следователь.

— Мои ребята работают над этим, — сказал Минин. — Характерно, что последняя СМС перекликается с предсмертной запиской и записью в журнале: оно здесь, оно повсюду...

Пилипенко поднял очки, почесал переносицу, что говорило об интенсивной работе его мысли. Сказал:

— Что-то тут не так. Шурупов сообщает о своем намерении покончить с собой: пишет об этом Груздевой, пишет также записку. Затем он вырывает записку из журнала и сваливает с яхты на лодке. Что могло заставить его передумать? Какую информацию он мог получить? В мобильнике нет ответа на этот вопрос.

На пороге появился лейтенант Клюев.

— У меня сводка, почитай.

Он положил бумагу на стол, но следователь припечатал ее ладонью:

— Это подождет.

— Между прочим, ночью на Садовой кто-то открыл огонь по прохожим. Пострадала женщина.

— Это убийство или покушение? — спросил Пилипенко.

— Покушение, — голос лейтенанта имитировал досаду.

— Значит, никто не погиб?

— Нет.

— Так пусть этим займутся наши борцы с хулиганами.

— А ты посмотри фамилию пострадавшей. Эта девушка была среди тех, кто нашел «Целесту». Груздева.

— Да что ж ты сразу не сказал! — возмутился следователь. — Надо же, театр тут устраивает, актер недоделанный!

— Ну, если бы я тогда, после школы, в театральном не провалился, — сказал Клюев, — то был бы по другую сторону экрана. А вы бы меня в сериале по вечерам смотрели и радовались, что с таким великим человеком в одном классе учились.

— В параллельных классах, — заметил Жаров.

— Я не забыл, — тяжело вздохнул Клюев. — Просто теперь, со временем, это уже и не важно.

— Может, ты и меня в одноклассники запишешь, хоть и мальцом был, когда я эту школу заканчивал? — подал голос Минин.

— Может, и запишу. Где-нибудь, совсем к старо-

сти. Время, знаешь ли... Странная штука.

14

Через полчаса бригада уже была на месте покушения. Прибыл и кинолог Ярцев. Ищейка Ральфа серой стрелой выпрыгнула из машины и замерла, готовая к работе. На асфальте явно выделал ось темное пятно крови.

Собака взяла след немедленно. Ярцев бежал за ней, держа на вытянутой руке длинный поводок. Часто мелькала далеко впереди его седая голова, пересекая солнечные лучи, что пробивались сквозь плоские кроны ливанских кедров. Оперативники едва поспевали за резвой Ральфой и ее не менее бодрым проводником, тем более что приходилось идти все время на подъем по изгибам Аутской улицы.

Миновали дом Чехова, круто завернули по Богдановича и вскоре вскарабкались довольно высоко, под самую трассу. Ральфа остановилась внезапно, ударив лапой о землю. Когда запыхавшиеся опера и Жаров (совсем легко дышавший, благодаря своей отличной физподготовке) достигли этого горнего места, собака сидела неподвижно и требовательно смотрела на своего поводыря, вывернув голову назад.

— Это здесь, — объявил Ярцев, указав надостаточно ржавую дверь в стене улицы.

Вошли. За дверью был двор. На двух веревках покачивалось белье, болтая тени по вытоптанной земле. Множество часто расположенных дверей в стене длинной постройки красноречиво свидетельствовало о том, что Ральфа привела бригаду в типичную ялтинскую халупу — чье-то владение с минимумом удобств по самой низкой цене.

Собака уверенно продолжила свой путь и тихо зарычала на третью дверь. Клюев на всякий случай достал пистолет, не тронув, впрочем, предохранитель. Пилипенко рывком распахнул дверь. Ральфа не удержалась и залаяла. Весь этот шум не произвел ни малейшего впечатления на того, кто спал на узком диване у стены.

Мужчина лет тридцати был давно не брит и вовсе не спал, как показалось вначале, а находился, что называется, «в отключке». Вырубился, значит. То, что он пил, ополовиненное, говорило о скромных доходах или потребностях этого человека. Простой таврический портвейн, правда, закупленный в неимоверном количестве. Жаров прикинул по числу бутылок, пустых и полных, что вместо всего этого шмурдяка можно было взять аж литр неплохого виски.

Когда человека все же растолкали, он первым делом схватил бутылку и присосался к ней. Никто не возражал: видавшие виды мужики понимали, что только так он придет в состояние вменяемости.

Двое оперативников тем временем провели короткий несанкционированный обыск, благо что в комнате размером два на три метра для этого не потребовалось особых усилий. Пистолет системы Браунинга просто лежал под тумбочкой. Пилипенко осторожно взял его в руки и понюхал. Кивнул, и это означало, что запах пороха оружие помнило хорошо.

— Ну вот, — сказал следователь. — Я полагаю, ты был кем-то нанят на работу. Но заплатили тебе, судя по всему, негусто.

Человек тупо уставился на браунинг, потом осмотрел помещение и только теперь увидел собаку. Казалось, он понял, что серьезно влип.

— Это не мое! — сказал он и быстро хлебнул еще глоток.

— Известное дело! — серьезно поддакнул следователь, а Клюев брезгливо вытащил из его рук бутылку.

— Поправился и хватит, — ласково сказал он.

— Нет, правда! — воскликнул пьяный. — Я

впервые вижу этот браунинг.

— Вот и попался. Откуда ты знаешь, что это браунинг?

— Да что ж я, браунингов не видел?

— Где же ты их видел? — строго спросил Клюев.

— В кино, гражданин начальник.

— Почему говоришь «гражданин»? Ты что, сидел?

— Да в кино как раз так и говорят! Ладно. Не скроешь же от вас. Сидел по двести девяносто шестой.

— «Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка из мотивов явного неуважения к обществу, которое сопровождается особой дерзостью или исключительным цинизмом», — процитировал Клюев упомянутую статью.

— Дело прошлое! — сказал задержанный.

Пилипенко брезгливо посмотрел на него. Сказал:

— Я, между прочим, не по «гражданину» вычислил. У вас, зеков, особое выражение лица. Даже цвет кожи какой-то... Золотисто-зеленый, как у гарбуза.

Он повернулся к младшим операм:

— Тщательно здесь всё проверьте.

Затем — к Минину:

— А ты знаешь, что делать с оружием. Отпечатки, время последнего выстрела и прочее.

Наконец опять посмотрел на пьяного, так и сидевшего на своей мятой постели:

— Вот таких, как ты, я особенно ненавижу. Честных работников ножа и топора.

15

Последующие три часа выглядели каким-то идиотским фарсом.

Человек этот, конечно, имел имя. Жаров записал все нужные данные для статьи, но мысленно его называл просто киллером. Так военнослужащего, выделяющегося среди прочих своей формой, воспринимают как просто какого-то солдата. Киллер казался Жарову безликим, серым, как и все они, которых он за многие годы работы с милицией повидал достаточно.

Отпечатки на браунинге были его, и никаких других больше. Сам он приехал на южный берег якобы отдохнуть. И жил, между прочим, в Одессе, как и Шурупов, его жена и Груздева. Человек с сомнительным прошлым, уголовник. Такой человек вполне может быть профессиональным убийцей. Ему могли бы заказать, например, самого Шурупова. Но вот зачем ему стрелять в Груздеву?

Показания он давал довольно путаные. Да, из Одессы — ну и что? Пьет беспробудно — это да, есть такой грех! Пистолет? Не знает, откуда он взялся.

Все улики были против него: и взятый служебной собакой след, и оружие с отпечатками. Не считая косвенных доказательств: его принадлежность к Одессе и уголовную личину. Уход в молчанку не давал ему никаких шансов. Посадят в любом случае: выдаст он своих заказчиков или нет.

Раненая женщина меж тем была без сознания, но врач уверял, что ее жизнь уже вне опасности...

Вечером Пилипенко зашел к Жарову в редакцию. В очаге поблескивало искусственное пламя, но привычка класть ноги на каминный экран была неистребима, как и потягивать представительское виски.

— Я решил взглянуть на всю эту историю под другим углом, — заявил следователь, поднимая стакан, гремящий льдом. — Только что еще раз допросил киллера. Но уже с новой точки зрения.

— Ты, как всегда, опять скрываешь существенные детали.

— Вовсе нет. Вот эта деталь. Дело в том, что киллер тоже — как Груздева и Шурупова — ехал из Одессы поездом.

— В этом нет ничего удивительного, ведь он вез с собой браунинг. Он не смог бы пройти через

контроль в самолете.

— Да это понятно, — махнул рукой Пилипенко. — С Груздевой тоже: при ней был флакончик с ядом. Возникает вопрос: а какую недопустимую вещь везла Шурупова?

— Может быть, ее и вправду укачивает в самолете? Случайное совпадение...

— Брось! Ты лучше меня знаешь, что случайных совпадений в детективе быть не может.

— Но у нее не все в порядке со здоровьем. Вспомни, как она глотала валидол.

— Да, я видел, причем два раза. Уж не демонстрация ли это была?

— Демонстрация чего? Больного сердца? Зачем?

Пилипенко отхлебнул из своего стакана и надолго задумался. Вдруг лицо его просветлело. Жаров услышал хорошо знакомый звук: следователь щелкнул пальцами. Это означало, что и очередная разгадка щелкнула сейчас в его голове.

— Не расскажешь? — спросил Жаров друга.

— Нет, конечно. Я только что и в самом деле сложил значительную часть пазла, именно вспомнив, как глотала эта женщина валидол, вернее — какой валидол. Первый раз это был тот,

что она привезла из Одессы. Второй — я заметил — в блистере местного производства. В этом-то и суть.

— Ладно, — вздохнул Жаров. — Ближе к концу ты всегда закрываешься. А вот у меня перед глазами два нательных крестика — на груди Груздевой и Шурупова. Не покидает ощущение, что тайна кроется именно в этих крестиках.

— Крестик, крестик, нательный крестик... Ну, конечно! — Пилипенко во второй раз щелкнул большим и средним пальцами. — Молодец, Жаров! Ты подсказал мне последнюю идею. Теперь пазл сложен полностью. Пусть мы еще и не нашли человека, чей номер записался в мобильник Шурупова, но я уже знаю, кто этот человек. Вернее, представляю, чем он занимается. Финал расследования теперь — просто вопрос времени.

И вправду: рано утром в редакции раздался звонок.

— Мы нашли и взяли этого человека! — будто бы отрапортовал Жарову следователь. — И я хочу попросить тебя об одной любезности. Вечером, ровно в семь я намереваюсь провести небольшое собрание в неформальной обстановке.

— Ясно, — сказал Жаров. — Мой офис в твоем распоряжении.

— Ты только позаботься о чае там, кофе с пирожными...

— Ого! Будет дама?

— Обе! Груздева вполне оправилась от ранения, и ее отпустят из больницы на часок. Ну а нам с тобой после всего — сам знаешь что.

16

В портале камина стоял электрический агрегат, имитирующий топку. Мерно мерцало изображение пламени. Жаров покрутил ручку управления на пульте, пламя засветилось ярче.

— Летом камин по-настоящему не затопишь, — объявил он, разгибаясь. — Тут сразу откроется городская баня.

Он подошел к окну и присел на край подоконника. Не все присутствующие знали, что это всего лишь старая привычка журналиста: кому-то из гостей могло показаться, что он избрал себе такое неудобное место просто потому, что все остальные были заняты. Лишь компьютерное кресло следователь задвинул за столешницу, попросив его не трогать. Очевидно, оно должно было сегодня понадобиться для каких-то особых целей.

Лейтенант Клюев стоял у плотно закрытой двери, ведущей в холл для посетителей. Минин сидел за журнальным столиком, держа наготове бархатную папку с бумагами и загадочную коробку из-под обуви. Шурупова и Груздева расположились на черном кожаном диване. Голову раненой облегала плотная повязка. Жаров читал историю

ее травмы и хорошо представлял, что сейчас под этой повязкой. Было ясно: эта девушка навсегда простилась со своими пушистыми волосами, так пленившими Жарова при первой встрече.

— Баня очищает не только тело, но и душу, — серьезным тоном сказал следователь. — Кое-кому все же придется отмыть свои грехи... Это касается не только здесь присутствующих, но и лиц, находящихся за дверью.

Он указал на дверь, ведущую в приемную. Все посмотрели на эту добротную деревянную дверь. Меж тем Пилипенко продолжал, по своей старой привычке цитируя классику — как всегда, нечто широко известное, из школьной программы, чтобы каждый присутствующий мог настроиться на легкую волну:

— Я пригласил вас, господа, с тем, дабы здесь, в неформальной обстановке, расставить все мыслимые и немыслимые точки над «ё». Для того чтобы завершить это странное, запутанное дело, нам и понадобилось присутствие других гостей.

— Разве дело о смерти моего мужа не закрыто? — с недоумением спросила Шурупова.

— Вероятно, это произойдет завтра, в самом начале рабочего дня, — сказал следователь. — А теперь позвольте представить вам одного чело-

века. Лейтенант Клюев! Это твой первый объект.

Клюев, похоже давно ожидавший сигнала, немедленно распахнул дубовую дверь. За нею стоял часовой в форме, а позади него в креслах сидели двое мужчин. Один из них был пресловутым киллером из Одессы: он красноречиво поблескивал стальными наручниками. Другого Жаров видел впервые.

Вот так всегда, с грустью подумал он. Из кожи вон лезешь, всячески помогаешь им, а когда приходит финал расследования, Пилипенко внезапно отрезает всю информацию, будто печется о том, чтобы Жарову было интересно высиживать это зрелище до конца, словно Жаров не участник событий, а зритель, смотрящий по телеку детектив.

Дело, конечно, было в другом: как бы ни доверял ему старый друг, Жаров был прежде всего журналистом. А с этими ребятами и девчонками надо держать ухо востро и рот на замке, как любил повторять следователь. Например, Анюту, которая прислала Жарову снимки аварийной яхты в самый первый день, он ненавидел поистине на физиологическом уровне.

Так или иначе, но все это торможение работало на главную идею Жарова, на его метод

расследования, который он выстрадал путем долгой практики и глубокого теоретизирования. Искусство и жизнь настолько переплетены в реальности, что в какой-то момент принципы искусства начинают работать и в жизни. Надо лишь вовремя поймать этот момент и воспользоваться им. Только потому, что Жаров смотрел на расследование как на какой-то сверхсценарий, который пишет некий высший автор, всем им, в этой долгой общей работе, и удавалось найти ключи даже к самым немыслимым тайнам.

Меж тем Клюев что-то сказал часовому, тот кивнул и передал в глубь помещения:

— Бакунин, на выход!

Маленький щуплый человек поднялся, переступил через ноги киллера, словно через пару огромных бревен, и вошел в помещение редакции.

— Садитесь, — сказал Пилипенко и вывернул из-за стола компьютерное кресло Жарова.

— Обычно говорят «присаживайтесь», — пробурчал Бакунин.

— А вы вот садитесь, — твердо повторил Пилипенко.

Бакунин сел.

— Представьтесь, пожалуйста, — попросил

следователь.

— Бакунин Борис Андреевич, — сказал новый фигурант и выжидающе посмотрел на следователя.

— И что же вы замолчали? — спросил тот. — Расскажите, кто вы и чем занимаетесь. Повторите все, что сообщили на предварительном следствии.

— Я это. Особых дел мастер, — с натянутой улыбкой проговорил Бакунин.

Жаров с удивлением оглядел его: маленький, довольно пожилой человек в крупных очках, лысоватый, с выпуклым лбом, что делало его похожим на классического инопланетянина.

— Продолжайте! — подтолкнул его следователь. — Нам всем очень интересно.

— Ну, я того, — промямлил Бакунин. — Помогаю людям порой начать новую жизнь.

Жаров встрепенулся:

— Вы акушер-гинеколог?

Бакунин замахал ручонками.

— Нет, что вы! Я всего лишь художник.

— Не стесняйся, — ехидно подхватил следователь, уже переходя на «ты». — Расскажи нам, что ты там такое рисуешь?

Бакунин опустил голову, ответил уныло:

— Новые документы.

— Фальшивые, — зловеще прошептал следователь.

Бакунин вдруг возмутился, вскинул голову:

— Пардон, настоящие!

Пилипенко резко обернулся к Клюеву.

— А что же он у тебя без браслетов?

Клюев развел руками.

— Так он не задержанный. И почему ему надо быть в браслетах?

— Потому что он убивает людей.

Все присутствующие с удивлением посмотрели в сторону Бакунина. Тот сидел, опустив большую голову на тонкой шее, словно нашкодивший мальчишка. Наконец ответил:

— Я это... Еще никого своими руками...

— Заказываешь, батенька! — выкрикнул Пилипенко. — Вот что нам сообщили из Одессы.

Он взял со стола Минина лист бумаги, оглядел его, держа на вытянутой руке. Проговорил:

— Две недели назад Шурупов Сергей Александрович перевел значительную сумму на счет Евстигнеева Олега Григорьевича, жителя поселка Мирный Тюменской области. И не просто значительную сумму, а все свое состояние.

Шурупова встрепенулась:

— Как это «все состояние»? Зачем? Да кто такой этот Евстигнеев?

Она с недоумением переводила взгляд с Пилипенко на Бакунина. Следователь сказал:

— Поведай почтенной публике, кто такой Евстигнеев?

— Он того...

Бакунин замолк, умоляюще глядя на следователя.

— Тогда я расскажу, — со вздохом начал Пилипенко. — Замечу сначала, как вообще здесь оказался гражданин Бакунин. Среди камней на дне моря, в мире крабов и раковин, неподалеку от того места, где пристала к берегу яхта, мы обнаружили мобильный телефон покойного.

Минин, словно некий ассистент в театральной постановке, достал из обувной коробки телефон и продемонстрировал его публике.

— Звонок от этого человека, — Пилипенко указал на Бакунина, — был записан в памяти аппарата. Как и ваши сообщения, между прочим, — следователь обернулся к Груздевой с грустной улыбкой.

Девушка вспыхнула:

— Значит, вы прочитали, о чем и Сергей писал мне?

— И это стало ключом к разгадке, — сказал следователь. — Теперь о Евстигнееве из поселка Мирный.

Он заглянул в листок, словно в шпаргалку.

— Одинокий, несчастный пьяница, — следователь посмотрел на Шурупову. — Ваш муж перевел ему все свое состояние, но никогда в жизни не видел этого человека. Неделю назад Евстигнеев исчез. Думаю, что он убит. И вряд ли будут найдены его останки.

Особых дел мастер Бакунин хотел было что-то сказать, но изумленный возглас Шуруповой перебил его:

— Я ничего не понимаю!

— Немного терпения, — сказал ей следователь и вновь обратился к Груздевой: — По вашим показаниям, вы приехали в Ялту для того, чтобы встретиться с Шуруповым Сергеем и просто провести с ним несколько дней, так?

— Да уж... — прокомментировала Шурупова, бросив на девушку полный отвращения взгляд.

Груздева выглядела возмущенной. Высоким голосом отчеканила:

— Все уже выяснялось неоднократно. Да, я ждала Сергея в Ялте. Да, я увидела яхту. Она шла полным ходом к берегу. На звонки Сергей не отве-

чал. И я поторопилась встретить яхту на берегу.

Пилипенко глубоко вздохнул:

— Все было не так, как вы нам рассказываете. Вы действительно находились на пляже в Ореанде, когда яхта подошла к берегу, и вправду влезли на борт.

— Разве я отрицаю? Должна же я была узнать, что случилось на яхте...

Пилипенко махнул рукой.

— Дело не в этом. Вот как все было на самом деле. Вы спустились в каюту, открыли платяной шкаф и разбросали вещи по полу, имитируя беспорядок. Включили газовую плиту, на которой стоял кофейник.

— Да, я сделала это! — сказала Груздева.

— Зачем? — не выдержал Жаров.

— Это, может быть, трудно объяснить...

— А вы попробуйте, — подбодрил девушку Пилипенко.

Груздева, после некоторого колебания, заговорила тихим голосом:

— Сергей позвонил с борта яхты и коротко сообщил, что... Принял решение. Попрощался. И прекратил разговор. Я перезвонила, но он уже не отвечал. Пеленг аппарата показывал, что яхта идет к берегу в районе «Ореанды». Я пред-

положила самое худшее: он все же осуществил задуманное. Сам прыгнул, а телефон бросил на палубу. Аппарат работал, значит, он не утонул вместе с ним. И надо было избавиться от этого телефона. Я взяла машину и помчалась к «Ореанде». Я должна была перехватить яхту прежде, чем это сделает кто-либо другой!

— Зачем, милочка? — с отвращением проговорила Шурупова.

— Я не с вами разговариваю, — не глядя на нее, сказала Груздева. — Дело в том, что я не могла допустить, чтобы о Сергее осталась именно такая память. Что он покончил с собой. Это противоречит религии. Сергей был христианином при жизни и должен был остаться им навсегда.

— То есть вы поднялись на борт яхты, — сказал следователь, — сымитировали все атрибуты таинственного исчезновения, сделали в журнале последнюю загадочную запись, скопировав почерк Шурупова, а мобильник...

— Сбросила в море. Я думала, что Сергей уже мертв. Я сделала все, чтобы память о нем была незапятнанной.

— Вот так и появилась «Мария Целеста», — протянул Жаров, поймав себя на чувстве глубокого разочарования.

— Но он все же сделал это, — закончила Груздева.

— Ошибаетесь, — бодро возразил Пилипенко. — Он этого не делал. Шурупов Сергей Александрович вовсе не покончил с собой.

— Не хотите ли вы сказать, что это был какой-то несчастный случай? Случайное отравление? — Шурупова была явно возмущена.

— Нет, — сказал следователь.

— Так что же это было? — спросила Груздева.

— Убийство.

— Если он был убит, — сказала Шурупова, — то кем и как? Если знаете, то так и скажите.

— Я безусловно знаю. И непременно скажу. — Следователь обратился к Груздевой: — Объясните нам, пожалуйста, откуда вы взяли яд? Тот самый цианид, которым был отравлен Шурупов Сергей?

Он достал из обувной коробки флакончик и продемонстрировал его присутствующим.

— Это очень просто, — пожала плечами Груздева, — Я взяла яд у Сергея. Еще в Одессе. Я случайно обнаружила флакон в его вещах. Он не заметил. Ушел. Потом я позвонила ему и сказала, что вытащила яд.

— Зачем же вы его хранили? — спросил следо-

ватель. — Логично было бы уничтожить опасное зелье.

— Я и собиралась. Но Сергей умолял не делать этого. Он сказал, что сам тайком взял этот флакон у одного уважаемого человека. Если бы он... Если бы он использовал яд, то было бы уже все равно, а теперь, когда он передумал, надо незаметно вернуть флакон хозяину. Он попросил вернуть ему флакон. Поэтому мне и пришлось ехать поездом, хотя я предпочитаю летать.

Пилипенко задумчиво хмыкнул. Казалось, что он больше не слушает девушку, которая продолжала свои объяснения:

— Он уверял меня, что передумал. Мы договорились встретиться в Ялте и провести время, просто отдохнуть. Но с яхты он стал звонить мне и писать сообщения. Он опять решил сделать это!

Следователь будто очнулся, спросил:

— Каким же образом флакончик вновь оказался в вашем номере, а яд все же был использован и Шурупов отравлен?

— Он не мог быть в моем номере. Его забрала... Одна женщина... Я все поняла! Это она! Она подбросила мне флакончик.

Груздева вскочила и указала на Шурупову дрожащим пальцем.

— Я? Подбросила? — возмутилась та. — Вот интересно: как и когда?

— Не имею понятия. Я показала тебе флакон. Вместе с запиской Сергея, которую я вырвала из судового журнала. Ты ж сама настояла на том, что должна иметь эти вещи. Как законная жена. И забрала.

— Клевета и наглая ложь.

— Я христианка и всегда говорю правду.

— Но порой о чем-то умалчиваете, — мягко возразил Пилипенко. — Я одного не пойму, как же это можно проникнуть в гостиницу, пройти незамеченной, попасть в ваш номер? И подбросить флакон.

— То-то и оно! — вставила Шурупова.

Она развернулась на диване, усевшись вполоборота к Груздевой, почти спиной к ней.

Пилипенко задумался. Вдруг лицо его просияло. Он тихо щелкнул пальцами. Сказал бодро:

— А теперь позвольте представить вам еще одного человека. Лейтенант! Очередь за объектом номер два.

Лейтенант Клюев встал и вновь распахнул дверь. Часовой впустил в помещение редакции киллера, закованного в наручники.

— Этот человек подозревается в покушении на

заказное убийство, — объявил Пилипенко.

Киллер оглядел присутствующих, вдруг улыбнулся.

— Здравствуйте! — воскликнул он, обращаясь к кому-то.

Груздева, Шурупова и Бакунин разом вскинули головы. Киллер явно смотрел на одного из этих людей, но никто из них не подал вида, что узнал его.

— Кому ты это сказал? — спросил следователь. — Ты узнаешь кого-либо?

Киллер, широко улыбаясь, протянул обе руки, сцепленные в браслеты.

— Вот эту красивую женщину.

— Какую из двух? Здесь все женщины красивые.

— Да вот. Ту, что сидит слева. Мы ехали в одном купе из Одессы.

— Впервые вижу этого человека! — с негодованием воскликнула Шурупова.

— Не сомневался, что вы сделаете именно такое заявление, — сказал ей Пилипенко и повернулся к киллеру. — Ты не ошибаешься? Ты ж всю дорогу бухой был.

Улыбка на лице киллера погасла.

— Если мне удастся выкарабкаться из этой ис-

тории, — сказал он, — клянусь: ни капли больше в рот не возьму!

— Это правильно, — с деланным одобрением сказал Пилипенко. — Я вот, например, уже полгода, как курить бросаю.

— Честно слово! Я и правда — плохо помню, *что* было в поезде.

— Вот видите! — чуть ли не крикнула Шурупова.

— Но вас я помню, — продолжал киллер. — Как женщину...

— Что-о? Уберите этого помешанного!

— В смысле, красивую женщину. Соседку по купе.

— Ты разговаривал с нею? — быстро спросил следователь.

— Да, конечно!

— Ты дал ей свой телефон?

Лицо Киллера изобразило страдание.

— Не помню. Я совсем не помню, о чем разговаривал.

Пилипенко обратился к Шуруповой:

— Светлана Викторовна, а вы-то трезвой в этом поезде ехали?

— Да за кого вы меня принимаете?

— Тогда вы должны помнить, кто был с вами

в купе.

— Люди какие-то, — пожала плечами Шурупова. — Я не приглядывалась. У меня вообще плохая память на лица.

Она пристально посмотрела на киллера. Проговорила:

— Возможно, он и вправду был в купе.

— Да точно был! — весело воскликнул киллер. — Бухой — не бухой, но вас-то я помню.

— Да все вы на одно лицо! — не глядя, парировала Шурупова, затем обратилась к следователю: — Наверное, это все же был он. Но никакого телефона он мне не давал. И я ничего не записывала, можете проверить мой аппарат.

Она достала из сумочки мобильный телефон — дорогую, стильную модель — и протянула следователю.

— Я ведь замужняя женщина! — с возмущением сказала она и добавила: — Была...

— Хорошо. Я вам верю, — сказал Пилипенко. — Телефона вы не записывали. А адрес?

— И адрес тоже!

Пилипенко посмотрел на киллера:

— А ты знал заранее адрес, по которому будешь проживать в Ялте?

— Конечно! Я ведь всегда останавливаюсь в

этой халупе в Аутке, у одной и той же хозяйки, чуть выше домика Чехова. Там даже ручей по участку течет тот самый, который затем течет...

Пилипенко поморщился, ткнул ладонью в сторону киллера:

— Не надо географии.

— ...по участку великого писателя... — никак не мог остановиться киллер.

— Да хватит за литературу, сказали ж вам! — рявкнул на него Жаров.

— Молчу, — ответил киллер и картинно застыл в покорности.

— Заметим эту деталь, — сказал следователь. — Наш неудачливый киллер знал адрес своего будущего проживания. Он мог сообщить его Шурупповой в поезде. Что он и сделал, между прочим. А вы воспользовались информацией, чтобы подбросить этому нетрезвому человеку пистолет. Даже в бесчувственную руку ему вложить, чтобы отпечатки оставил. Это ваш след взяла служебная собака, а не его. Так и привела нас к халупе.

— Какой пистолет? — возмутилась Шурупова.

Пилипенко посмотрел на нее, как казалось, с искренним изумлением.

— Да браунинг! Тот, из которого вы стреляли в девушку.

— Зачем мне было стрелять в девушку?

— А вот это я спрошу у самой девушки. Таня, как вы думаете? Была ли какая-то причина у нее вас убивать?

Груздева отодвинулась от Шуруповой на самый край дивана.

— Понятия не имею, — сказал она. — Не из ревности же?

— Вот именно! — подхватила Шурупова. — Какая может быть ревность, если моего мужа уже не было в живых?

— Вопрос. А вы знали об этом на тот момент?

Шурупова хотела что-то сказать, но вдруг закусила губу.

— Да нет. Тогда еще не знала.

— А когда вы об этом узнали?

— От вас и узнала. На следующий день.

— Значит, мотив ревности не снимается. Впрочем, это не так уж и важно: знала ты о том, что муж уже убит или нет. Не ревность, так месть. Но мотив у тебя был другой. Не месть и не ревность.

— Вы мне не тыкайте! — возмутилась Шурупова.

— А я всегда на «ты» с убийцами, — миролюбиво произнес Пилипенко. — верно, Бакунин?

Тот слабо улыбнулся в ответ.

— В чем вы меня обвиняете? — ледяным голосом спросила Шурупова. — Я буду говорить только в присутствии адвоката. Я больше ни слова не скажу. И почему я до сих пор здесь сижу?

Она попыталась встать, но к ней подошел лейтенант Клюев и многозначительно замер, склонившись над нею, словно вопросительный знак.

— Потому что я тебя не выпущу отсюда, — зловеще произнес Пилипенко.

В комнате воцарилась тишина. Все ждали, что скажет следователь, который молчал довольно долго, пристально глядя на Шурупову. Наконец он начал свою негромкую речь:

— Дело было так. Когда мой старый друг, журналист Жаров Виктор, узнал на фотографии из твоего семейного альбома эту девушку, ты получила информацию, что она сейчас находится в Ялте. Покинув Управление, ты немедленно позвонила ей. Она сообщила тебе, что твой муж мертв. Хотя на тот момент времени он был жив и здоров и находился в квартире по улице Руданского. Ты настояла на встрече и пришла к девушке в гостиницу. Ты требовала доказательств: откуда она знает, что твой муж мертв? Она была вынуждена показать тебе его предсмертную записку,

рассказать о яхте, о звонках и сообщениях с мобильного, даже флакон с ядом, отобранный у него, предъявила. И ты взяла все эти вещи. Так оно было, Татьяна?

— Да! Да! Да! — вскричала Груздева. Я не хотела отдавать, хотела только показать. Но она взяла флакон и записку. Это она отравила Сергея! А потом подбросила флакон мне в унитаз... То есть — тьфу! — в бачок унитаза.

Шурупова, похоже, не смогла удержаться от смеха:

— Как же я подбросила флакон? Вы не в своем уме. Ведь и следователь уже сказал. Я что же — прошла мимо рецепшена гостиницы, стащила у менеджера ключи? Ха-ха, скажу я вам!

— А ты и не подбрасывала флакон, — невозмутимо возразил Пилипенко.

— Ну, и что же ты тогда на меня напраслину гонишь, следователь?

— Давно бы так. По-свойски, на «ты»... Вся штука в том, что флакон не покидал номера гостиницы «Крым». Татьяна, вспомните хорошенько визит этой женщины. Наверняка ведь она перед тем, как уйти, попросилась в туалет.

— Что за вопрос! — вознегодовала Шурупова.

— Самый обыкновенный, — сказал Пилипен-

ко.

— Совершенно верно, — подтвердила Груздева. — Именно перед самым уходом.

— Я захотела пи-пи!

— Конечно, — сказал Пилипенко. — Это ж святое дело: пи-пи. И дело техники. Отливаешь из флакона куда-нибудь, вроде как в пенальчик от валидола, а флакон в унитазном бачке хоронишь. Валидол у тебя с собой?

— Он всегда со мной.

— А ну, покажи!

Шурупова достала из сумочки блистер. Пилипенко выхватил его из рук женщины.

— Блистер! Видите? — он развернулся на месте, показывая всем упаковку. — А в кабинете был маленький пенал. Я этот блистер еще третьего дня заметил. Именно он и навел меня на подозрение.

Пилипенко рассмотрел таблетки, поднеся их близко к глазам и сдвинув очки на лоб. Прочитал:

— Произведено в Севастополе фирмой «Золотая пчела». Такие у нас продаются, в аптеке на Боткинской.

— Ну и что? — повела плечами Шурупова. — В Ялте и купила. Потому что мои кончились.

— Они потому кончились, что ты их в унитаз выбросила, а в пенальчик отлила ядику. Пенальчик-то был полон позавчера, а валидол такими дозами только лошади жрут. А все началось вот как. Ты пришла в Управление как раз в тот момент, когда доблестный лейтенант Клюев показывал талантливому журналисту Жарову адреса тех людей, которые узнали по фотографии твоего пропавшего мужа... Ты ведь сначала хотела застрелить своего мужа, имитируя корпоративную разборку, но когда увидела яд, завладела пузырьком и запиской, поняла, что можешь отравить его, а всю вину спихнуть на эту девушку. Попросившись в туалет в гостинице, ты перелила часть яда в пенал от валидола, а флакон спрятала в бачке, как раз для того, чтобы мы его там нашли. Так что уникальный случай: орудие убийства подброшено еще до совершения убийства! В то самое время, как мы с Жаровым, чисто по мужской привычке, начали поиски с самой дальней квартиры в Гурзуфе, ты, именно по своей женской логике, выбрала самую ближнюю, на улице Руданского. Когда ты нашла мужа, то исполнила свой новый план. Затем приступила ко второй его части. Ведь девушка могла дать показания. И дело не в яде, который мы в любом

случае бы нашли, по твоему замыслу, в унитазе... Гм! В унитазном бачке. Дело в предсмертной записке, которую ты отобрала у девушки. Мы должны были найти труп Шурупова и записку. Найти на улице мертвую девушку, а в ее номере — флакон с ядом. Пистолет — у этого нетрезвого человека, который тоже одессит и якобы киллер, действовавший по заказу каких-то одесских бизнесменов. Все это выглядело бы так, будто девушка имитировала самоубийство своего бойфренда, а затем ее саму застрелили. Вот и всё. Только одна беда. Деньги-то покойный Шурупов перевел на имя Евстигнеева, также покойного. И ты не получила бы того, что хотела.

— Но зачем? — вскричала Шурупова с явным страданием. — Зачем он перевел все свои деньги какому-то Евстигнееву?

— А вот об этом нам особых дел мастер, некогда подававший большие надежды художник Бакунин расскажет. Только покороче, пожалуйста, будь другом!

Пилипенко посмотрел на Бакунина. Тот глубоко вздохнул.

— Я это... В двух словах оно трудно... В общем, бывают случаи, когда человеку надо исчезнуть. И начать новую жизнь. Я всего лишь делаю доку-

менты. Остальное — другие сотрудники фирмы.

— Не фирмы, а банды, — уточнил следователь.

— Как пожелаете. Я и не знал толком, что происходит, когда меня брали на работу. Я делаю документы на указанное имя. Когда-то и вправду надежды подавал как художник... Затем выбирают какого-нибудь человека, как этот несчастный Евстигнеев. Документы на имя Евстигнеева, а фото — Шурупова. Евстигнеев якобы продает свою квартиру и покупает новую, в другом городе. Евстигнеев исчезает. А в этом городе появляется человек под его именем, но с другим лицом.

— Вот что хотел сделать твой муж, — обратился Пилипенко к Шуруповой. — Он перевел все деньги на счет своего будущего аватара. Которого убили, между прочим.

— Еще нет...

— Вот ты и раскололся. Знаешь все же гораздо больше, чем прикидываешься. Ответишь, разумеется, за это. Евстигнееву повезло, не успели его закопать. Сам умрет от водки через год-другой. А кому-то — нет. Человек двадцать уже таких счастливчиков через твои руки прошло. Желающих начать новую жизнь. Без старой жены. Без надоевшей любовницы. Без поборов и правил со стороны уважаемых людей. Шурупов Сергей

именно этого и хотел. Он тщательно подготовился. Положил на видное место флакон с ядом, наврал этой девушке, что должен его отдать там кому-то. Вот и вещественное доказательство. Ее выбрал в свидетели всего процесса. Яхта должна была прийти пустой, а в судовом журнале — предсмертная записка. На палубе — мобильник, чтобы всем стало ясно, кому он звонил и писал. Единственный прокол Шурупова — не стер из памяти его звонок, — Пилипенко кивнул на Бакунина.

— Все мы иногда ошибаемся, — философски заметил тот. — Все мы порой...

— Молчать! Замысел Шурупова должен был получиться, если бы девушка не была столь усердной христианкой. Если бы жена, съедаемая ревностью, не прикончила его на самом деле.

Шурупова вскочила с дивана. Она уже кричала, размахивая руками:

— Зато я разобралась и со своим мужем, и его девкой! Да, я сделала это! И ни секунды не жалею. Пусть ты и осталась жива, милочка, но не носить тебе больше таких шикарных волос. В парике всю жизнь ходить будешь.

Минин пробурчал тихо и мрачно:

— Пуля прошла по краю черепа, между костью

и кожей, словно обруч поставила. Навсегда.

— Мыши заведутся в твоем парике! — никак не могла остановиться Шурупова.

Лейтенант Клюев мягко взял ее за плечо и усадил на диван. Груздева непроизвольно потрогала свою повязку. Ее лицо страдальчески сморщилось, и стало вдруг отталкивающим, неприятным и жалким.

17

Шурупову взяли под стражу, увели и бесцеремонно запихнули в одноместную мобильную камеру «уазика», пополам с особых дел мастером Бакуниным. Лейтенант Клюев повез Груздеву обратно в ливадийскую больницу, Минин просто ушел домой, к своей многодетной семье. Киллер-неудачник отправился на все четыре стороны — заливать стресс таврическим портвейном.

В редакции остались двое — Пилипенко и Жаров. Они сидели у темного камина и потягивали из стаканов яванский ром. Именно рома хотел отведать следователь по окончании дела о яхте «Леокадия» — традиционного напитка моряков.

— Мы с самого начала встали на ложный путь, — сказал он, протянув ноги к пустому камину. — Я решил, что кофейник был полон, когда его поставили на плиту, и кипел он более получаса. А на самом деле, воды было на донышке, и закипела она через минуту после включения. А еще через несколько минут ты его заметил и выключил.

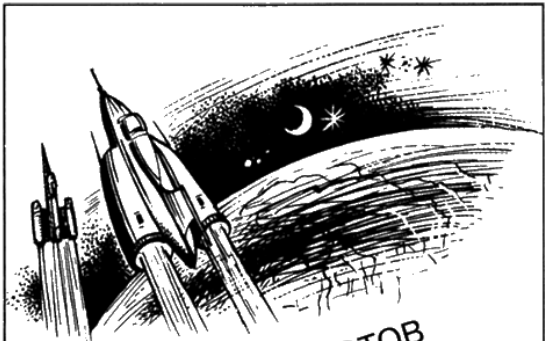
— Уж лучше бы «Мария Целеста», — с грустью сказал Жаров и отхлебнул глоток традиционного.

— Думаю, что и сто пятьдесят лет назад, на «Целесте», произошло что-то в этом роде, — сказал Пилипенко, — Какой-то криминал плюс желание его скрыть. Не было тогда мобильных телефонов. Негде было достать особых дел мастера Бакунина.

Жаров с грустью смотрел в черный портал камина.

— Уж лучше бы «Мария Целеста», — тихо повторил он.

Сергей КРИВОРОТОВ
БАШНЯ ЗЛА



Сергей КРИВОРОТОВ

БАШНЯ ЗЛА

Фундаментом для крепости был страх,
Замкнула злоба двери у нее.
Ольга Кирш «Блокгауз»
(Пер. с африкаанс В. Рогова)

Башня одиноко возносилась над равниной, словно огромный перст, указующий в близкое небо. Временами облака скрывали ее вершину, усиливая и без того загадочный, нереальный вид. Когда солнце вырывалось из-за туч, темно-матовое покрытие начинало зловеще светиться. Развалины древнего города мрачно чернели у подножия, всего лишь пигмеи, раздавленные тяжестью веков, и только Башня, не меняясь со временем, по-прежнему стремилась вверх, прочь от надоевшей однообразной поверхности, но так и не могла окончательно избавиться от пут ее притяжения.

Развалины города и его окрестности считались запретными для живущих в округе племен. Старики говорили, что сначала появилась Башня, а после возгордившиеся люди, возомнив себя вправе, возвели вокруг огромный город. Тогда Духи Неба, построившие Башню, разгневались и смешали их языки, люди перестали понимать себя

и перебили друг друга, сожгли город, разрушили некогда прекрасные здания, страна совершенно обезлюдела. Дикие племена, позднее заселившие равнину, уже никогда не поднялись до уровня предков.

Среди повсеместного опустошения и разрухи уцелела одна Башня, таинственная и неприступная. Могло показаться, что циклопическое сооружение мертво и грозно лишь устрашающими размерами, но это было не так. Силы Зла и Разрушения, созданные и вложенные в Башню тысячелетия назад, дремали в ее нутре, ожидая своего часа. И такой момент наступил.

Лео медленно приходил в себя, тело ныло, в затылке пульсировала боль. Останки космокара разбитой скорлупой разлетелись на десятки метров вокруг. Он припомнил обстоятельства аварии и мотнул головой, сомнений не оставалось, его просто-напросто сбили. Кто и зачем? На эти вопросы еще предстояло ответить. Он скинул треснувшее забрало и вытер кровь с лица, сухой воздух планеты ворвался в легкие с первым же вдохом, в горле запершило. Лео прокашлялся и сплюнул густую красноватую слюну, еще и еще раз, пока она не очистилась. Он потрогал припухшую губу — так и есть, перчатка окрасилась

кровью. Ладно, хорошо хоть руки-ноги целы. Значит, бортовой комп успел катапультировать его...

Лео поднялся и только теперь вспомнил: Башня. Он посмотрел по сторонам и увидел темный силуэт, застывший на горизонте, словно грозящий ему палец. Она действительно существовала помимо его воображения. За секунды до аварии он обнаружил загадочный объект там, где земля сходилась с небом. Солнце слепило глаза, мешая подробнее разглядеть увиденное, но едва он начал прощупывать башню сканерами, как тут же ощутил удар и потерял сознание.

Лео пошарил по рукаву, пробуя включить вызов корабля, — так и есть, передатчик приказал долго жить. Он стянул перчатки, отбросил ставший ненужным наручный коммуникатор, проверил в карманах наличие аварийного пайка, и снова потрогал гудящую голову. Положение прояснилось. Его должны были хватиться, как только оборвалась связь, наверняка поисковая группа уже выслана. Удаляться от места аварии не стоит, но... Он посмотрел на далекое таинственное сооружение, вздохнул и решительно двинулся к нему.

Все знали, что старый Аё помнит немало преда-

ний, и редкое среди них не связывалось с Башней. Но говорить о ней вслух считалось дурным предзнаменованием. Только Йей, самый любопытный мальчишка племени речных охотников, не отставал от Ае с расспросами. Тот долго и добродушно ворчал, зная, что просто так от настырного мальчугана не отделаться, и в конце концов делился с ним воспоминаниями. Старик видел уже совсем плохо, ноги еле держали его худое согбенное тело, а лицо, иссеченное сетью морщин, казалось порождением сухих ветров пустыни, столетьями приносящих струи горячего песка. Самый старый охотник и молодой, совсем мальчишка, еще не ставший им, но зато самый любопытный из племени. Что-то объединяло их, заставляя проводить вместе много времени. Тогда как его одногодки резвились в речной воде или играли в охоту, прячась в высокой траве на берегу, Йей, лишь выдавалась свободная минутка, спешил к убогой лачуге старика. Это что-то объединявшее их, было теми самыми рассказами, которыми немощный Аё заворожил пытливого мальчишку. Он просил рассказывать еще и еще, подолгу сидя неподвижно с открытым ртом у высохших ног старого охотника, а тому было приятно подобное внимание. С реки доносился плеск и крики

играющей детворы, но мальчик слышал только тихий дребезжащий голос, обращенный к нему.

Иногда за Йеем увязывалась младшая сестренка, черноглазая Ай. Волосы ее были темны, как ночное небо, а приоткрытые губы краснели, словно сладкие ягоды растущего на берегах колючего кустарника. Обычно смешливая, в лачуге старика она становилась неузнаваемо тихой, и хотя многого не понимала в рассказах, но робко сидела в сторонке, не задавая никаких вопросов.

Аё знал немало, он верил, что в Башне дремлют силы Зла, для которых ее и создали когда-то могущественные Духи Неба, воевавшие между собой. Башня служила стражем этих мест, огненные птицы враждебных Духов не могли даже пролететь в виду ее недреманного ока. Силы Зла неусыпно следили за округой и тотчас уничтожали непрошеных гостей. Случилось так, что Духи Неба почти полностью истребили друг друга повсюду — на земле, на воде и в небе. Они больше не носились надменные и гордые на громовых колесницах, часть их жалких остатков укрылась в чреве Башни. Другие поселились среди диких племен и народов, предков Аё и Йея. Они утратили былое высокомерие и воинственность и попытались творить добро. Но воздух, земля и

вода были отравлены, мир стал иным, чуждым и враждебным. Все усилия Духов Неба оказывались тщетны, их оставалось все меньше и меньше, пока они не исчезли совсем. Но жизнь не погибла, предки Аё и Йея выжили в те суровые времена.

У подножия Башни появился Город, люди верили: Башня защитит их от любой беды. Они боялись возвращения огненных птиц и враждебных Духов, живших некогда за морем. Только силы, таящиеся в Башне, могли бы уничтожить любого врага, как делали это не раз. И люди поклонялись Башне, превратив ее в идола, не ведая, что силы, заключенные в ней, — силы Зла и Разрушения, а не Добра и Созидания, и силы эти лишь дремлют.

Шли годы, город разрастался, его строения поднимались все выше. Люди познали железо, изобрели хитроумные механизмы и пошли по пути Духов Неба. Они перестали почитать Башню и попытались проникнуть в нее при помощи созданных ими же машин. И тогда пробудились силы Зла, дремавшие в Башне. Они наслали на страну ужасный многодневный ливень и последовавшую за ним небывалую сушь. Они сделали так, что люди перестали понимать друг друга, ими снова овладела жажда убийств и разру-

шения. Город превратился в арену боев. Башня огрызнулась небесным огнем, докончив начатое людьми. Город больше не существовал, остались лишь обугленные развалины. Сумевшие выжить в ужасе бежали прочь, но немногие нашли спасение в уцелевших вдали лесах. И долго еще у их женщин рождались двухголовые уроды или покрытые красной шерстью хвостатые чудовища.

Много позже, когда предки Аё и Йея вышли на равнину, земля, на которой высилась по-прежнему невредимая Башня, стала считаться запретной. Нарушители табу в назидание прочим карались жестокой смертью.

Вот что узнал от старого Аё любознательный мальчик из племени речных охотников. Услышанные истории отличались одна от другой подобно берегам реки в разное время года, но главная их суть, так же как и равнинная река — основа жизни племени, оставалась единой. И чем старше становился Йей, тем сильнее Башня занимала его дерзкие мысли.

Когда дряхлый Аё собрался уйти из жизни, он призвал своего юного приятеля и передал треугольную пластинку на тонком шнурке. Темно-матовая металлическая поверхность ее пестрела таинственными письменами, о которых

сам старик не имел ни малейшего понятия.

— Йей, сынок, береги ее... Это амулет Башни... Ее оставил последний из Духов Неба. В ней скрыто счастье нашего народа... — Аё уже еле шевелил позеленевшими губами, и как ни тормошил его молодой охотник, ничего больше не прибавилось к произнесенному. Выцветшие глаза неподвижно смотрели в небо, дыхание становилось все реже и слабее, пока не прервалось совсем. Сдерживая слезы, Йей надел шнурок с амулетом себе на шею, чтобы никогда не расставаться с бесценным даром.

Лео не был «прирожденным космопроходцем», как говорят еще иногда в передачах стереовидения. Про него нельзя было сказать, что «с детских лет он мечтал о дальних полетах, глядя ночами в звездные бездны неба» и тому подобное. Никогда он об этом не мечтал, а если и поигрывал в «космические» игры со сверстниками, то это являлось лишь уступкой моде. И когда ему стукнуло пятнадцать и многие однокашники выбрали свой путь, Лео еще не решил, к чему его тянет. Учитывая данные тестов на способности, он попытался стать стереопластиком — скульптором-художником нового века, но быстро остыл, не получив казавшегося столь скорым признания. Затем он

попытался избрать профессию дрессировщика морских животных, но тоже вскоре ощутил, что лишь зря тратит силы и время. После этого он перепробовал еще с полдюжины занятий, и неизвестно, сколько бы еще метался в поисках дела по душе, если бы не знакомство с Ниной.

Они встретились на конгрессе палеолингвистов, к которому Лео подготовил два доклада по семантике древнеславянских языков. Такое у него появилось к этому времени новое увлечение. Специалисты отметили ряд оригинальных мыслей в представленном исследовании, но в то же время поверхностность и недостаток аргументации. Да и неудивительно, ведь Лео заинтересовался темой менее одного года назад, а закончив подготовку докладов, почувствовал, что катастрофически быстро теряет интерес и к этому предмету. Случайно соседкой Лео в зале конгресса оказалась высокая светловолосая девушка с серьезным выражением лица. Это и была Нина, но имя стало известно Лео только после ее выступления с обстоятельным докладом о загадках языка этрусков. Сколько раз она просила Лео не мешать слушать выступления других, глаза ее смотрели при этом так строго и укоряюще! Но Лео не унимался, он делал, казалось, все, чтобы

вызвать у девушки интерес к своей персоне, и, только когда та пригрозила, что поищет себе более спокойных соседей, угомонился и попытался вникнуть в суть длинных докладов. И все же в свободные от заседаний часы ее взор становился мягче, глаза как бы теплели, и она милостиво разрешала своему беспокойному соседу разделять ее общество. Они отправлялись то на скалистый берег моря, то на песчаный пляж, то в старинную крепость-музей на вершине под самыми облаками, то просто взбирались на крутые склоны, чтобы еще раз полюбоваться оттуда захватывающими дух картинами древних гор.

Нина не принимала всерьез Лео, она одинаково смеялась и над его шутками, и в те редкие минуты, когда он пытался говорить вполне серьезно. Дни конгресса пролетели быстро, и Лео понял, что его недолгое счастье подошло к концу. Но едва он заикнулся о совместной работе, как девушка опять рассмеялась. Она уезжала на курсы космонавтов, чтобы принять участие в контактной группе на недавно открытой обитаемой планете.

— ... А уж космонавт из тебя никогда не получится. Силенки воли не хватит, — авторитетно заверила девушка напоследок.

— Но почему ты так думаешь! — попробовал

возмутиться уязвленный Лео.

— Уж очень ты... как бы это сказать... Только не обижайся, пожалуйста... В общем, не твое это дело, впрочем, как и палеолингвистика тоже. Ну, терпения, что ли, у тебя маловато...

С тем они и расстались, только очень уж она обозлила Лео таким заключением. Если и впрямь ему иногда не хватало выдержки или силы воли, то упрямства было не занимать, и он твердо решил доказать ей, на что способен. Так Лео и попал в космонавты. Но к тому времени, как торжествующий выпускник космокурсов предстал перед Ниной в полной парадной форме, она уже отказалась от далеко идущих космических планов, навсегда связав судьбу с маленьким застенчивым археологом, специалистом по древним цивилизациям Востока, и выбрала Землю. Что ж, решил Лео после того, как она познакомила его со своей полугодовалой дочкой, все равно я буду космонавтом.

Он стал им, больше того, сделался исследователем Дальнего Космоса. Его непредсказуемые выходки зачастую вызывали головную боль у начальства, но, несмотря на пренебрежение инструкциями и уставом космопроходцев, Лео сумел отличиться с хорошей стороны. Ведь его

считали, что называется, «свежей головой», его непредвзятое мнение помогало оценивать некоторые известные факты с новой точки зрения. И поэтому после двух межзвездных рейдов ему посчастливилось попасть на вновь открытую обитаемую планету.

Жизнь речных охотников была далека от идиллии. Большую часть времени мужчины тратили на добычу пищи, а женщины на хозяйство и собирание съедобных плодов. Усталые возвращались они к родным очагам, и тут уж им было не до россказней старого Аё. Да и дети далеко не каждый погожий день резвились в реке или проводили время в безмятежных играх, зачастую они помогали взрослым, и нередко по ночам, особенно в холодный сезон, их пустые животы напоминали о себе голодным урчанием.

Племя селилось вблизи от реки-кормилицы, с незапамятных времен ставя на ее берегах округлые хижины на нескольку человек. Густые заросли кустарника, служившего строительным материалом, подходили к самой воде, но в них не водились крупные звери, хотя нередко люди племени обнаруживали при обвалах берега огромные кости обитавших здесь некогда животных. Лишь изредка, словно демоны ночи,

являлись из сердца пустыни ужасные когтистые хищники, не уходившие назад без добычи. Зато в реке водилась всяческая живность, и в теплое время года пища переставала быть такой уж насущной проблемой.

Подросший Йей быстро овладел мастерством речного охотника, ему сопутствовала удача, и редко он возвращался к родной хижине с пустыми руками. Но из того, что Йей добывал на реке, лишь малая часть перепадала его многочисленным сестренкам. Дело в том, что, рано лишившись отца-кормильца, утонувшего при наводнении, семья. много лет жила впроголодь на подаяния племени и на те крохи, что удавалось собирать больной престарелой матери. Теперь Йей был обязан постоянно отдавать треть добычи в общий котел племени, а еще одна треть по законам забиралась вождем и старейшинами. Тем не менее он делал все, чтобы его сестрички и особенно любимая Ай пореже знались с голодом. Постепенно становились взрослыми сестры и уходили в новые семьи, только Ай и полуслепая мать оставались в хижине Йея. Пришло время и ему выбирать себе подругу жизни, но его сердце молчало. И огорченная мать так и умерла, не дождавшись, когда сын приведет к их очагу

невестку.

Многие начинали заглядываться на подраставшую Ай, говорили даже, что некому сравниться по красоте с младшей сестрой Йея, но его кулаки держали воздыхателей на расстоянии. Даже сын вождя племени Её не решался приблизиться к юной Ай.

А та, казалось, не замечала ничего этого и на шутливые расспросы брата отвечала, что никогда не оставит его одного.

Однажды, набравшись смелости, Её дождался у реки Йея, уходившего на очередную охоту. Схватив его за руку и брызгая слюной, сын вождя сбивчиво и непонятно заговорил о сестре, зрачки его при этом бегали по сторонам, как у сумасшедшего Йюя, бросившегося с обрыва в реку в голодный год. Йей догадался только, что сын вождя просит отдать ему сестру.

— Да ты сам не сможешь ее и прокормить! — рассмеялся Йей, неловкость сына вождя ни для кого не была секретом.

— Ты думаешь, я не займу место моего отца? — обозлился Её и тут же пригрозил, что возьмет Ай силой.

В гневе Йей ударил назойливого жениха и разбил ему лицо. Отбежав на безопасное расстояние,

Её обернулся, злобно оскалив зубы:

— Ты пожалеешь об этом, нищий Йей!

— Только подойди к моей сестре, и тебя не спасет даже твой отец! — убедительно пообещал Йей, продолжая путь.

Треугольная пластинка старого Аё, заняв постоянное место на груди юноши, казалось, утвердила его странную связь с Башней на горизонте. Уходя на охоту, Йей постепенно удалялся все дальше от расположения племени, продвигаясь с каждым разом все ближе к запретным для него землям. Только носившие звание «свободных охотников», не жившие постоянно среди соплеменников, могли безнаказанно совершать такие далекие рейды.

И однажды Её выследил Йея, когда тот возвращался со стороны заповедной зоны, и донес отцу и старейшинам, что брат Ай нарушил табу племени. Нашлись и другие свидетели, видевшие, как Йей уходил в сторону Башни. Преступление выглядело столь серьезным, что многочисленные друзья Йея и мужья его сестер смогли лишь добиться отмены положенной за такое смерти. Но отныне Йею было запрещено жить среди племени. Правда, и здесь его родичам удалось смягчить приговор: его не изгнали навечно, а

только объявили «свободным охотником», живущим вне племени, изредка он мог навещать своих близких, но ненадолго. Её торжествовал, он надеялся, что теперь-то без брата легко будет сломить упрямство красавицы Ай. Но неожиданно та попросила старейшин разрешить ей сопровождать брата. Так Йей и его сестра ушли из племени речных охотников и начали новую жизнь.

Лео не участвовал в Первой экспедиции на планету по очень простой причине: его тогда еще не было на свете. Но он внимательно изучил полученные материалы и помнил главные результаты. Констатировав наличие высокоорганизованной белковой жизни и обнаружив гуманоидов на примитивной стадии развития, участники Первой не смогли установить с ними контакт. Не были найдены и следы более развитых цивилизаций.

И вот теперь во время Второй экспедиции, в составе которой находился и Лео, открытия и находки сыпались как из рога изобилия. Первобытные люди планеты оказались совсем не такими дикарями, как предполагали участники Первой. Были открыты и дешифрованы несколько языков аборигенов. Состоялись первые, пока

эпизодические контакты. Обнаружены следы высокотехнизированной цивилизации, прекратившей свое существование по неизвестной причине. Это породило гипотезу о цикличности культур планеты.

И вот Лео впервые наткнулся на Башню. Он не сомневался, нападение связано с попыткой пролоцировать ее. Отсутствие до сих пор сообщений о подобном циклопическом объекте наводило на мысль об имевшемся у Башни маскировочном механизме, не давшем заметить ее из космоса.

Он не мог не идти теперь к таинственному сооружению, прекрасно отдавая отчет, что грубо нарушает инструкцию. Лео влекло к Башне, он надеялся встретить возле нее туземцев прежде, чем у него кончится паек.

Чем дольше Лео шел и смотрел на высившуюся у горизонта Башню, а ее размеры он примерно определил в четыреста метров еще до аварии, тем больше уверялся в ее искусственном происхождении. Но сколько он ни шел к ней, казалось, цель не становится ближе.

Наступивший вечер застал его на берегу нешироко спокойной реки. Ветер, приносивший днем горячие песчаные вихри, утих, на небе высыпали узоры незнакомых созвездий. Стало прохладно,

и хотя поврежденный скафандр все равно не дал бы ему замерзнуть, а чудом уцелевший дезинтегратор своей тяжестью в набедренной кобуре придавал уверенность на случай встречи с местными хищниками, Лео подумал, что неплохо бы провести ночь у костра. Он вспомнил далекую Землю, отражение огня в ночной реке, запах ухи, кипящей в котелке, высвеченную костром палатку у темнеющих силуэтов деревьев, ощущение звучащих струн гитары под пальцами, слова полузабытой песни и устремленные на него черные глаза с отблесками пламени, большие черные глаза сидящей рядом девушки. Казалось, это происходило столь давно и совсем в иной жизни... И все же как здорово было бы оказаться сейчас у зажженного костра!..

Словно в ответ на его пожелание, выше по течению вспыхнул и словно застенчиво мигнул огонек. Сначала робко раздвинув сгустившуюся тьму, затем разгораясь ярче и смелее. Лео пошел на свет, сожалея, что лингопереводчик разбился вместе с капсулой.

Йей любил ходить в одиночку на рыбную ловлю. И сегодня его небольшая сеть из прочных гибких стеблей не осталась пустой. Под вечер, продев прутья в жабры пойманных рыбин, он

выбрал парочку из улова и развел костер, добыв огня точными ударами искроносных камней. Аппетитный зов жареного разнесся далеко над рекой, забивая все другие запахи ночи. Он-то, наверное, и приманил одинокого Духа Неба.

Когда Дух вышел на свет, Йей чуть не свалился от страха в самое пламя, но Дух не угрожал, в нем не чувствовалось враждебности, и юноша успокоился. Он жестом пригласил незваного гостя к костру и протянул ему вертел с прожаренной рыбиной. Дух присел возле огня и вертел взял обеими руками, но покачал головой, грустно улыбнувшись, как показалось Йею, и тут же положил на землю. Он вынул из складок своего блестящего одеяния какие-то колдовские предметы и разложил перед собой.

Йей никогда до этого не видел Духа Неба, более того, он полагал, что они, скорее всего, выдуманы стариками, а если когда и были (ведь построил же кто-то Башню!), то теперь-то их нет и в помине. Однако стоило пришельцу выйти к костру, как Йей сразу признал его. Ведь он не стал есть его рыбу, значит, за что-то гневается на него, Йея. Дух махнул рукой и что-то произнес, голос его был необычен, но не зловещ, и все же Йей сильнее прижался к земле, не поднимая глаз.

Тьфу, ты! — подумал Лео. Как объяснить гостеприимному хозяину, что он не может рискнуть попробовать местные продукты, хотя угощение так вкусно пахнет! Он разложил сухой паек и задумчиво посмотрел на распластавшегося перед ним туземца. Уж не вызвал ли он к жизни новую религию? Нет, подобное начинание надо пресечь в корне!

— Слушай, парень, хватит! Слышь, как там тебя зовут, а? Давай, перестань валяться, садись, перекусим по-человечески... — И он в который раз пожалел об утрате наручного комма с лингопереводчиком.

Йей сел и, бросая быстрые настороженные взгляды на пришельца, принялся раздирать зубами свою дымящуюся рыбину. Дух явно не выказывал враждебности, и звуки, издаваемые им, казались совершенно безобидными.

Лео принял высококалорийный концентрат, запил его из тюбика с органическим растворителем и убрал остатки пайка по карманам. Настроение поднялось, и ему захотелось поболтать с аборигеном. Космос меня возьми! — вдруг одернул он себя, да ведь это же настоящий контакт, может быть, даже более удачный, чем все состоявшиеся до сих пор за недолгие дни Второй экспедиции.

К тому же в этом секторе планеты исследования только еще начинались. Как жаль, что нет связи. Он выпрямился.

— Лео, — указал он на свою грудь. — А как зовут тебя?

Йей перестал жевать и недоуменно уставился на Духа. А тот настойчиво указывал на себя, произнося какой-то один и тот же звук, а затем тыкал пальцем в сторону Йея и вопросительно молчал, затем повторял то же со все возраставшей настойчивостью. И Йей наконец понял и радостно закрутил головой: Ле-о — так зовут Духа, и он хочет узнать имя его, Йея.

Он с напряжением повторил услышанное, вытянув руку в сторону пришельца и удивленно вслушиваясь в необычные произносимые им же самим звуки:

— Ле-о...

И тут же гордо хлопнул себя по закрытой звериными шкурками груди, издав отрывистый звук:

— Йей.

Лео широко раскрыл глаза от удивления: туземец так быстро понял его! Чтобы не было ошибки, он повторил: «Йей», вопросительно глядя на рыбака, и тот снова хлопнул себя по груди и, указав на Лео, произнес его имя. Землянин радостно рас-

смеялся, и Йей вторил ему какими-то лающими звуками, затем подбросил сухих сучьев в костер. Пламя взметнулось выше, отодвигая тьму, и они смогли лучше разглядеть друг друга.

Лео не преминул еще раз удивиться, как похожи на людей аборигены; что ж, что у них плоские безносые лица и губы выступают наподобие птичьего клюва. Круглые глаза, не мигая, смотрят перед собой, и над ними совсем нет бровей, а уши двигаются словно локаторы. На руках и ногах различное количество пальцев. Какое все это имело значение, если у них по две руки и ноги, по одной голове, заключающей мозг, благодаря которому они поняли друг друга? Лео перестал чувствовать себя одиноким.

Йей совершенно убедился, что Дух Неба по имени Лео не причинит ему никакого вреда. Но зачем он здесь?

Они долго сидели, глядя друг на друга, пытаясь находить значения других слов, и это им иногда удавалось. Наконец сон сморил Йея, и он растянулся возле костра, а землянин, недолго думая, последовал его примеру.

Утром они не чувствовали вчерашней напряженности при общении. Лео знал уже названия предметов, оказавшихся под рукой: сучья, рыба,

вода, огонь. Солнце еще не взошло, но с каждой минутой становилось светлее, и грозящий перст на горизонте вновь выступил из тьмы, приковав к себе взгляд Лео. Не надеясь на успех, он указал в ту сторону и вопросительно посмотрел на Йея.

— Башня, — неожиданно ответил охотник на своем языке. Лео запомнил: «Башня» — и начал собираться в путь.

Сначала Йей думал только посмотреть, как Дух вознесется на небо. Он не сомневался, что тот лишь отойдет немного подальше от места стоянки. Он рассчитывал чуть проводить Лео и вернуться назад, пойманная рыба осталась у потушенного костра. Но по мере того, как Лео продолжал вышагивать по равнине, Йею становилось понятно, куда он держит путь, и лицо его принимало все более растерянное выражение. Йею не хотелось расставаться с Духом, пока тот не возносился на небо. Но Небесный Дух шел к Башне, Йей никогда еще не приближался настолько к запретной Стороне. Если убежать сейчас прочь, представится ли еще такая возможность побывать там в обществе Духа? И, преодолевая боязнь и предубеждение, Йей решился сопровождать землянина на пути к Башне. Но прежде всего ему надо было обезопасить сестру, укрытую

в хижине недалеко от места стоянки, и захватить в дорогу запас пищи и воды. Как упросить Небесного Духа вернуться назад? Йей решился на отчаянный шаг, он обогнал землянина и упал перед ним на колени.

От неожиданности Лео шарахнулся в сторону и остановился, бессмысленно повторяя:

— Ну, парень, ну-ну, парень...

Видя, что Небесный Дух не гневается, охотник осмелел и горячо заговорил о своей сестре и необходимости ненадолго возвратиться. Лео улавливал только часто повторяемое «Ай» и почему-то решил, что это женское имя.

«Хорошо, — подумал он, — Башня от меня никуда не уйдет. Прежде надо выяснить, чего хочет этот бедолага, и помочь ему».

Космонавт поднял туземца с земли и знаками показал, что готов следовать за ним.

— Идем! — сказал просиявший Йей.

Он вывел Духа к речному откосу выше по течению от места ночевки. Ближе к воде разрастались настоящие джунгли из густого кустарника в человеческий рост. Они спустились к потухшему костру, подобрали вчерашний улов Йея, погрузили все в спрятанную у воды пирогу и сели в нее сами. Ловко управляя единственным веслом,

Йей доставил их дальше по течению. Хотя Лео постоянно ожидал какого-либо неприятного знакомства с обитателями вод, путешествие прошло благополучно. Едва лодка ткнулась носом в узкую песчаную отмель, как Йей издал пронзительный крик, вероятно, подражая какой-то местной птице, и почти тут же прозвучал ответ. Из зарослей бурого кустарника показалась девушка-туземка, похожая на Йея, Она выбежала навстречу, но, разглядев Лео, настороженно замерла, готовая скрыться обратно. Землянин не сразу смог определить, кем она приходится его спутнику: подругой или сестрой, да и не имел он никаких понятий о здешних нравах. Поэтому, чтобы не испугать соплеменницу рыбака резким движением, он остановился поодаль, с любопытством наблюдая за девушкой. Йей подошел ближе и быстро-быстро заговорил что-то, часто повторяя: «Дух Неба, Дух Неба». Все же поразительное внешнее сходство и манеры поведения убедили космонавта в их близком родстве. Наконец девушка покорно кивнула, приблизилась к Лео и, низко поклонившись, отступила с опущенной головой.

— Ай, — назвал туземец имя своей сестры.

Лео смотрел на нее, и ему казалось, что перед

ним оживший фантастический фильм о контакте мудрых землян с дикими инопланетянами. Неужели эта девушка существовала в действительности? В первую же минуту ему пришло на ум сравнение с древнеегипетскими богинями. Он вспомнил Пахт в образе женщины с львиной головой, птицеголового бога Ра, зловещего Сета... Словцо в мифологии давно исчезнувшего народа Земли, чудесно отразилось увиденное им теперь на этой планете.

Туземка не достала бы ему до плеча, встань она рядом. Золоти-сто-медное тело едва прикрывалось пояском из пятнистых шкурок местных зверьков. Она была стройнее и тоньше земных женщин, но, несомненно, близка к ним анатомически. Лео вспомнил рассуждения ксенологов-антропоцентристов и признал справедливость утверждения о сходстве развития жизни на планетах земного типа. Главное внешнее отличие заключалось в лице: огромные глаза почти правильной овальной формы, словно вобравшие в себя всю темноту местных ночей, смотрели на землянина без страха, но настороженно, с немым вопросом. Нос или его видимый аналог отсутствовал, губы клювообразно выдавались вперед, придавая лицу сходство с земной птицей. Чер-

ные, с медным отливом волосы обрамляли этот необычный портрет, касаясь длинной точеной шеи, падали на плечи, спину туземки. Чем дольше смотрел на нее Лео, тем меньше он замечал непривычные и неприятные на первый взгляд нечеловеческие черты, зато другие, вызывающие симпатию и восхищение, властно выступали на первый план.

— Идем, — произнес Йей знакомое слово, прерывая созерцание Лео.

Сестра пошла впереди, указывая неприметную глазам землянина тропинку в зарослях, а Йей и его ночной гость ступали за нею след в след.

Солнце покатилось к закату, когда они только пришли к цели. Лео решил не настаивать на немедленном выступлении к Башне. Пока он отдыхал под крышей из переплетенных ветвей, Йей тщетно пытался уговорить Ай отправиться к родичам до их возвращения из опасного и трудного похода.

— Нет, — сказала Ай. — Ты забыл, брат: я вольна распоряжаться собой, как все женщины речных охотников. Я иду с вами к Башне. Я сказала все.

Йей вынужденно смирился: не в обычаях племени было навязывать свою волю женщинам. Но как отнесется к появлению спутницы Дух Неба?

Йей поспешил высказать сестре свои сомнения. Если Ай хочет идти с ними, это ее право, но прежде она должна исполнить заклинание Духа.

Здесь же неподалеку, на сухом пригорке, свободном от кустарника, Йей развел в сумерках обрядовый костер и жестами пригласил Духа на почетное место. Лео чувствовал легкое недомогание и предпочел бы поспать до утра под кровом незатейливой хижины, но торжественный вид Йея и подчеркнутая официальность церемонии возбудили в нем любопытство. Едва землянин вытянул ноги у огня, Йей подбросил в костер сучьев, присел сбоку и затянул на одной ноте напев без слов, помогая себе ритмичными хлопками ладоней. Взметнувшиеся языки огня выхватили из сгустившейся тьмы фигуру девушки, стоящей поодаль. Грациозно сбросив накидку из звериных шкурок и распустив поясок короткой юбки из широких остроконечных листьев, Ай предстала взору землянина совершенно обнаженной. Пританцовывая под мелодию Йея, девушка поднялась на пригорок и приблизилась к Лео, низко поклонившись ему в зареве костра.

Ай запела, изгибаясь под участившиеся ритмичные хлопки Йея, двигаясь по кругу, едва не касаясь горящих сучьев. Она пела старинное за-

клинание Духа Неба, передаваемое от женщины к женщине, от матери к дочери из поколения в поколение речных охотников:

О могущественный Дух Неба!
Не будь столь жесток и беспощаден.
Снизойди к нам хоть на один день
Без вражды и жажды убийства.
О, яви же нам свое могущество
И силу в благих делах,
Будь милосерден и добр.
Дай нам утеху и радость,
Ниспошли удачу в охоте,
Отдых после долгого пути,
Отврати болезни и немочь,
Дай силы в жизни
И смерть легкую в свой час.
Снизойди до нас, молящих тебя.
О, могущественный Дух Неба!
Одари нас благодатью своей,
Не помни зла и не держи обиды,
Будь милостив и великодушен...

Языки пламени колыхались, озаряя лицо и

фигуру танцующей, блестящие глаза то вспыхивали, то исчезали под россыпью черных^ как прогоревшие угли, волос. Ай извивалась перед Лео, протягивала к нему руки, отступала, кружилась на месте, не прекращая напева. Она молила, заклинала не только голосом, но и каждым движением тела. Сидящий неподвижно Лео завороженно, едва дыша, следил за этим священнодействием, боясь пропустить хоть один шаг, хоть один жест девушки. Он почти не понимал слов, но ему передалось торжественное неистовство мольбы, он осознал, что это вовсе не любовное признание и не застольная песня. В какой-то миг у него промелькнуло сожаление, что нет возможности записать этот ритуал на аппаратуру, уж он бы утер тогда носы ксенологам! И тут же бесследно исчезло, уступив место всепоглощающему восхищению действом у костра. Он не отрывал взгляда от лица девушки, казавшегося теперь в отсвете пламени необыкновенно прекрасным в своей одухотворенности, несмотря на совершенно неземной вид.

О звезды, подумал впервые Лео, а ведь она красавица! И то был миг торжества истинной всекосмической красоты, которая, явившись результатом неустанной работы природы над

поколениями живых существ, пробила препоны инопланетного разума, открывшись ему в своем подлинном качестве.

Словно черная молния мелькнула в воздухе и ударила в землю подле танцующей девушки, промахнувшись на две вытянутые руки. Йей издал вопль ужаса и, выхватив из костра головню, ткнул в горящие ненавистью и голодным вожделением глаза. Запахло паленым. С жутким воем нападавший отполз прочь, пятясь от огня, исступленно молотя толстым чешуйчатым хвостом, но тут же изготовился к новому прыжку. Лео успел разглядеть злобный оскал щетинистой морды, два красных блюдца-глаза с сумасшедшими от боли зрачками, короткую шевелящуюся чешую на гибком теле, огромные когти, пропахавшие землю наподобие плуга... Йей размахивал огненной палицей, загораживая сестру, сердце юноши сжалось от страха, но отступать он не собирался. «Это моя смерть!» — тоскливо подумал он, делая шаг навстречу когтистому мясоеду, ночному кошмару речных охотников, всегда неожиданно появлявшемуся из глубин пустыни, чтобы оборвать чью-то жизнь. Он даже забыл о небесном Духе и, чем большее отчаяние испытывал, тем яростнее размахивал своим случайным

оружием.

Зверь снова взвился в воздух, но не закончил прыжок. Едва его темное тело вытянулось в полете, тускло отразив чешуей отсветы костра, раздалось легкое мгновенное шипенье, почти шелест, словно коснулись сухих опавших листьев, и он тут же исчез, даже когтей не осталось. Только несколько темных капель брызнули во все стороны и пропали, не долетев до земли. Одна из них угодила Йею на руку, и он увидел, что это кровь. Не было больше зверя, лишь запах его последним напоминанием рассеивался в воздухе. Йей вспомнил о Небесном Духе и растерянно обернулся.

Лео, стараясь сохранить невозмутимый вид, убрал в кобуру дезинтегратор. «Всего лишь местный дракончик», — подумал он про себя, утирая моментально вспотевший лоб. Ай торжествующе улыбнулась, страх совершенно не коснулся ее: она верила, и Небесный Дух явил свое могущество, ее заклинание подействовало. Она нараспев произнесла только что придуманное имя для Лео и неспешно подобрала с земли свою экзотичную юбку. Брат, только теперь опустивший дымящуюся головню, повторил свистящим шепотом на языке речных охотников:

— Разящая Рука, Разящая Рука...

«Ну вот, — невесело подумал землянин, — мало того, что я снова нарушил инструкции, уничтожил шикарный образчик фауны, этим я отдалил их от себя еще больше. Теперь они и вовсе сотворят из меня бога...»

Но его новые друзья остались целы и невредимы, никто не пострадал, кроме зловредного обитателя ночи, нашедшего у костра свою погибель. Йей и Ай окончательно поняли, что небесный Дух добр к ним, он оказался воистину Их Духом, и всячески пытались выказать ему свою признательность. И Лео перестал сомневаться, он твердо знал, что не мог поступить иначе.

Посреди ночи землянин почувствовал, что замерзает, он придвинулся к костру, но слабые язычки огня, едва лижущие прогоревшие сучья, не давали желанного тепла. Лео продолжал трястись в ознобе, все тело ломило, словно неведомые духи планеты выкручивали ему суставы, он чувствовал, еще немного, и потеряет сознание. Утрачивая контроль над собой, он громко застонал и тотчас увидел склоненное к нему встревоженное лицо Ай. Ее черные волосы, пропахшие местными травами и дымом костра, коснулись щеки Лео. Девушка что-то запричи-

тала на своем языке, заботливые руки укутали космонавта одеялом из шкурок какого-то зверька. Лео быстро согрелся и забылся тяжелым сном.

Утром он чувствовал слабость и разбитость, но, шатаясь, поднялся под обеспокоенными взглядами Йея и Ай. Туземцы долго о чем-то спорили, отчаянно жестикулируя. Женская интуиция подсказывала Ай, что Дух нездоров, что ему не по себе. Она пыталась растолковать это брату, но тот лишь недоверчиво покачал головой: разве может Дух Неба заболеть? Что это еще выдумала сестра?

— Идем, — сказал Лео, и изменившаяся интонация его голоса убедила охотника в правоте девушки.

— Нет, — твердо произнес Йей. — Ты болен.

Ай преподнесла землянину чашу со странно пахнущим отваром, Лео чувствовал такую апатию, что даже не стал сопротивляться. «Будь, что будет, — вяло подумал он. — Из ее рук я выпью и яд».

Напиток обладал своеобразным терпким вкусом и оказался не таким уж неприятным, но после нескольких глотков Лео вывернуло наизнанку. Странно, но едва он отдышался, как ощутил небывалое облегчение и бодрость. «Может быть,

это просто адаптация к их климату», — подумал про себя Лео и с благодарностью посмотрел на туземку, с участием следившую за ним издали.

— Спасибо, — кивнул он ей и рывком вскочил на ноги.

Ошибки быть не могло — ее глаза осветились в ответ почти земной радостью.

— Спа-си-о, — старательно повторила Ай, как бы запоминая незнакомое слово.

— Идем теперь, — сказал Йей, поднимая вязку сушеной рыбы и большой рог с водой.

Они долго шли по равнине, и Лео не чувствовал усталости. Девушка нисколько не уступала мужчинам, и Башня постепенно приближалась. А вправе ли он подвергать их жизни угрозе, вести за собой навстречу, быть может, неведомой опасности? — уже в который раз спрашивал себя Лео. Но словно какая-то сила толкала его вперед, а новые друзья следовали за ним и не покинули бы Небесного Духа, даже если бы он решился прогнать их прочь.

Вечером Йей и Ай собрали достаточно сухих веток колючего кустарника, чтобы развести и поддерживать костер. К их пище землянин так и не рискнул притронуться, но вскипятил немного воды из рога туземца, чтобы запить свой пище-

концентрат. После они примостились у тлеющего костра, и Ай напевала грустную колыбельную речных охотников, пока не убедилась, что ее спутники заснули.

— Лео, Дух Неба Лео, Разящая Рука, и все же ты почти такой, как мы, — ласково прошептали ее засыпающие губы.

К концу третьего дня они достигли черных развалин, Башня угрожающе темнела прямо перед ними. Оранжевый шар солнца клонился к пустынным холмам, ничто не указывало на наличие жизни в этих местах. Лео не переставал удивляться, что до сих пор не появились авторазведчики из поисковой группы, он не мог знать, что одного из них постигла судьба его космокара в зоне действия такой же Башни, но в тысячах километров отсюда. Это и задержало поиски, но вездеходы со спасателями уже отправились в предполагаемый район исчезновения Лео, а новые авторазведчики прочесывали квадрат за квадратом, неминуемо приближаясь к открытию и этой Башни.

Весь вечер они бродили по занесенным песком улицам древнего города, и черные остовы зданий напоминали Лео кадры старинной земной кинохроники. Здесь явно бушевала война или

космическая катастрофа, сотни и сотни лет минули с той страшной поры, оплавившиеся от жары стены уже наполовину погребены пустыней. Но Башня, сверкая неведомым покрытием в лучах заходящего солнца, нетронутая временем и непостижимая, грозно возносилась над мертвыми руинами, и это было непонятно землянину.

Они выбрали место для ночлега в поросших низким колючим кустарником развалинах, но Йей побоялся разводить огонь по соседству с Башней, да и пригодных для костра сучьев явно недоставало. Лео же не попросил об этом спутника, он вообще ничего не говорил, удивляясь: как это Башня подпустила их столь близко к себе и они все еще живы? Он смотрел на незнакомые звезды и мучительно думал, что же делать дальше. Ждать помощи с корабля или попытаться проникнуть в Башню до прибытия подкрепления? Он не верил в успех этой попытки, продуктов почти не оставалось. Получилось так, что он оказался как бы в ответе и за жизни туземцев, к которым не мог уже относиться с безразличием, особенно к девушке. И дело было совершенно не в том, что он представлял иное человечество...

— Завтра мы попробуем войти в Башню, — последнее слово он произнес на языке Йея и

Ай. Они поняли, Йей согласно покрутил головой, Ай первая доверчиво свернулась калачиком под защитой оплавленной стены, и Лео снова подумал, что девушка не так уж сильно отличается от земных... Он вспомнил Нину, далекую и постепенно забываемую, и с удивлением открыл, что воспоминания о ней не волнуют его как прежде.

Лео проснулся от прикосновения охотника. Уже совсем рассвело, и утренняя свежесть заставила его поежиться, он не сразу понял, чего хочет туземец. Йей указывал в ту сторону, откуда они пришли: большой серебристый шмель выплыл из-за холмов, в воздухе раздалось далекое слабое жужжание, слышимое теперь и землянином. Ай тоже проснулась и смотрела на неведомое для нее явление расширенными глазами. Может быть, она вспомнила, как и Йей, рассказы старого Аё о враждебных Духах Неба, летавших на огненных птицах? Внезапно все трое вздрогнули: со стороны зловещей Башни донесся звук, похожий на скрежет. Лео упал за уцелевший кусок стены, увлекая за собой Йея и Ай. Далекая вспышка затмила на миг оранжевые лучи восходящего солнца, и вскоре до них докатился приглушенный грохот взрыва. Серебристый шмель исчез, расцветя за миг до того великолепным небы-

валым цветком на утреннем небосклоне. Лео побледнел: Башня уничтожила и авторазведчик. Он поднялся, отряхнул песок с разорванного скафандра и протянул руку девушке. Йей встал было на колени, оборотившись к Башне, но, посмотрев на укоризненные лица Духа и сестры, вскочил и прислушался, успокаиваясь.

По-прежнему щелкали в колючем бурьяне развалин неведомые насекомые планеты, посвистывала невидимая птица из своего укромного гнезда. Лео прикончил остатки аварийного пайка, Йей с грустью оглядел пустой рог, болтавшийся у него на поясе, и ничего не сказал. Ай хранила непроницаемое выражение лица и не издавала ни звука.

В полдень они подошли к Башне.

Основание ее диаметром в десятки метров выглядело совершенно монолитным. Нигде ни малейшей неровности. Темносерая металлическая колонна, матово блестевшая под солнечными лучами, плавно возносилась вверх на немыслимую высоту. Лео бессильно приложился щекой к шероховатой прохладной поверхности и встретился глазами с Йеем. Он прочел в них такое безграничное доверие, что устыдился своей минутной слабости и тут же нашел взглядом

еще одну пару восхищенных глаз, устремленных прямо на него. Землянин отошел в тень Башни и присел на корточки, задумчиво рассматривая свой портативный дезинтегратор.

Йей осторожно приблизился к Башне, вблизи она не казалась столь страшной. Он тронул ее пальцами, погладил раскрытой ладонью, лизнул языком — Башня безмолвствовала. Ощупывая каждый сантиметр, туземец двинулся по периметру окружности и вскоре исчез из вида. Ай последовала за братом, и Небесный Дух на время остался один.

Нет, вздохнул Лео, ничего он не сможет сделать со своим почти игрушечным рядом с махиной Башни ручным оружием. Если бы хоть намек на вход! Пожалуй, придется возвращаться ни с чем... Только выдержит ли он? Вся надежда на новых друзей...

Внезапно из-за Башни выскочила Ай, она высоко подпрыгивала, жестикулируя и сыпля непонятными словами. Несколько раз землянин уловил свое имя, произносимое на разные лады. Он поспешил к девушке навстречу, пытаясь понять, что она хочет. Ай требовательно указывала на подходившего к ним брата, точнее, на предмет, висящий у того на шее. Йей со вздохом

покорно снял и протянул на ладони амулет старого Аё, пытаясь что-то пояснить, нетерпеливо махнул рукой с ним в сторону Башни. Лео совершенно не понимал их щебета. Он бережно взял в руку треугольную пластинку на шнурке, наверняка служившую ритуальным предметом не одному поколению туземцев, и с удивлением воскликнул:

— Нержавейка какая-то! Откуда это у тебя? А, Йей?.. — и тут же осекся, приблизился к Башне и поднес пластинку. Сомнений не оставалось, амулет был изготовлен из одного с ней материала.

Йей нетерпеливо тянул его за собой, и Лео подчинился. Туземец привел к небольшой, незаметной при беглом взгляде треугольной выемке в стене. Он возбужденно показывал то на пластинку в руке Лео, то на идеально правильной формы углубление, продолжая беспрерывный щебет на своем языке. Ай взволнованно вторила ему, продолжая поминать имена землянина.

Лео поднес пластинку — она идеально подходила к выемке. Поколебавшись мгновение, он вставил треугольник на предназначенное ему место, и поверхность стала ровной, как и повсюду.

И вдруг послышался звук, заставивший всех отшатнуться от Башни, а Йей и Ай даже пали

ниц. Словно стон донесся из утробы сооружения, там заскрежетала ржавая цепь или колеса неведомого механизма, и тут же Лео различил наметившийся контур двери. Скрежет усилился, и тяжелая плита отошла в сторону, пластинка со звоном выпала из паза на каменный пол к ногам землянина. Он помедлил, нагнулся за ней и посмотрел на дрожащих туземцев, закрывших лица ладонями.

— Йей! Ай! — позвал он тихо, почти шепотом. — Нас приглашают во дворец.

Голос Небесного Духа успокоил туземцев. Видя, что ничего ужасного пока не произошло, они встали рядом с Лео.

— Пусть Ай отойдет подальше и ждет нас там.

Йей напряженно сморщил лицо, пытаясь понять Духа, и, кажется, уловил смысл сказанного. Он настойчиво заговорил с Ай, убеждая ее в чем-то, и на этот раз девушка послушалась без возражений, покорно отошла в сторону и молча опустилась на землю.

— Идем, — отчетливо произнес Йей уже знакомое землянину слово и протянул руку за амулетом.

Изготовив дезинтегратор, Лео вошел первым. Прямо перед ним начинались ступени винтовой

лестницы, уходящей наверх. Ничего даже отдаленно напоминавшего кабину лифта. Несколько шагов, и стало темнеть, свет из входной двери уже не доходил сюда. Раздался звук автоматически задвигаемой плиты, отрезавшей ждущую снаружи Ай, но Йей уже стоял рядом, и Лео ощутил его дрожь.

— Йей, — бодро позвал Лео и начал подниматься, двигаясь на ощупь в кромешной тьме. Ступени более или менее соответствовали человеческому шагу. Перил не было, с одной стороны гладкая стена, с другой толстые тросы, неизвестно откуда и куда протянутые. Лео слышал беспокойное дыхание Йея позади, и это придавало ему уверенности.

Через двадцать-тридцать ступеней он уперся во вторую дверь и долго шарил по ней прежде, чем обнаружил искомую треугольную выемку. Дверь отворилась, как и предыдущая, они попали в новый отсек с продолжением той же бесконечной лестницы. Но здесь с боков струился сумеречный неестественный свет, и Лео подумал, что треугольник Йея включил аварийное освещение, или строители использовали неизвестный самосветящийся материал, или же ослабленный дневной свет каким-то образом просачивался

сквозь толщу стен. Это обнадежило немного: значит, создатели Башни обладали сходным зрением. Он оглянулся на притихшего туземца и продолжил подъем.

* * *

Когда вконец обессилевшие путники уже решили, будто бесчисленные ступени уходят прямо в небо, лестница привела их в сумрачный круглый зал со сводчатым потолком. Несколько сферических кабин из матового материала в центре протягивали к стенам, точно щупальца осьминога, разнокалиберные черные трубки. Тонкие стеклянные нити, блестящие проволоки, натянутые как струны или закрученные спиралями, уходили вниз, беря начало из открытых наружу амбразур. Все здесь показалось Лео чуждым и зловеще многозначительным, каково же приходилось его спутнику? Лео взглянул на дико озирающегося по сторонам туземца, и тут Йей неожиданно предостерегающе вскрикнул: прямо на них покатился из ничего возникший сплюснутый шар, ощетинившийся короткими трубчатыми отростками. Он угрожающе отливал красноватым светом и походил на взбесившегося ежа — так пришло в голову Лео, хотя он видел

ежа только однажды на слайде, а взбесившегося и вовсе никогда.

Космонавт вскинул дезинтегратор, намереваясь разнести нападающего в пыль, но Йей смело шагнул вперед с поднятым в руке амулетом, и внезапно «еж» остановился, как бы признавая право пришельцев на присутствие в Башне.

— Наверное, это охранный робот, — кивнул Лео туземцу и ободряюще улыбнулся. — Это ты здорово придумал, дружище.

Йей тоже улыбнулся и, не опуская руки, сделал шаг к «ежу». Тот медленно откатился, красный свет внутри него померк, затем повернулся вокруг оси и исчез, пройдя сквозь матовую стенку одной из сфер.

Но, едва Лео и Йей собрались уже беспрепятственно приступить к осмотру зала, Башня опять проявила признаки жизни, знакомые звуки вновь заставили вздрогнуть незваных гостей. Словно скрытый где-то внутри великан злобно заскрежетал зубами, зафыркал, заохал. Вспыхнул один из овальных экранов на стене, и Лео узнал в появившейся в небе точке шмеля — автомат-разведчик. Скрежет и металлические стоны в нутре Башни нарастали, отдаваясь гулким эхом, сливаясь в какофонию душераздирающих, невы-

носимых человеческому уху звуков. Лео осмотрел главный пульт, уже знакомый треугольный паз в центре заговорщически зиял пустотой. Он в нерешительности взял у Йея амулет. Не вызовет ли замыкание цепи к жизни какую-либо программу разрушения? Но грохот нарастал, к тому же Лео показалось, что один из боковых излучателей пришел в действие: синие искры забегали по черному стволу орудия, исчезая в амбразуре. Землянин решился и закрыл пустоту углубления амулетом туземцев.

Почти тотчас утихли жуткие стоны, в последний раз донесся гулкий скрежет в момент обессилевшего великана, и все вокруг стало угасать: искры на стволе неведомого орудия, подсвеченный овальный экран, огни на пульте, мертвенный свет из стен. Только солнце проникало через одну из бойниц узким лучом, в котором плясали поднятые пришельцами золотые пылинки. Казалось, Башня засыпает. Йей отыскал узкий лаз наружу и позвал землянина. Лео с трудом протиснулся за ним, и у него перехватило дух от бесконечности залитой солнцем пустыни. Йей издал победный клич. Теперь они оказались на узком балконе, окольцевавшем вершину Башни. Шумы внутри совершенно прекратились, стало

слышно, как ветер свистит в перилах балкона и в амбразурах. Йей продолжал настороженно прислушиваться, но нутро сооружения умолкло.

— Лео, — спросил он пересохшими губами. — Теперь Башня совсем умерла?

Землянин не понял его, он вернулся внутрь, озабоченный одной лишь мыслью: как дать знак своим, что он жив и находится здесь, на вершине Башни? Ему очень хотелось пить, жажда казалась невыносимой. Плохо соображая, что делает, Лео добрался до пульта, на котором заметил изображение облака и черточки под ним. Он нажал одну за другой все клавиши под схематичным рисунком и потерял сознание.

Очнулся он оттого, что Йей брызнул в лицо холодной водой, издавая лающие звуки, заменявшие ему смех. Лео дотащился до амбразуры, ничего не было видно за серой пеленой, лишь капли дождя попали ему на лоб и щеки. Снаружи шел настоящий ливень, с неба низвергались потоки воды. Лео выбрался на балкон, с жадностью поймал ртом падающие струи, набрал воды в кобуру дезинтегратора и сразу выпил. Терять ему было уже нечего. Вода оказалась несколько кисловатой, но на вкус пригодной для питья. Йей наполнил свой рог, и они поспешили укрыться

от ливня. Лео вернулся к пульту с изображением облака, привел клавиши в исходный порядок, и вскоре дождь прекратился.

Из всех пультов продолжал светиться лишь один, под огромным изображением семипалой руки. И тут Лео осенило: Башня переключилась с автоматического на ручное управление. Он подошел к пульту и принялся изучать значки у клавиш. Стоило нажать расположенную у горизонтальной черточки — следовал короткий рев огрызающегося огнем орудия, тронуть обозначенную зигзагообразной линией — синие искры появлялись на черных стволах, беззвучно убегая по ним наружу. Сомнений не оставалось: он стал властелином Башни.

Когда на пути к недавно обнаруженному циклопическому сооружению взорвался еще один авторазведчик, в дело, пустили вездеходы с защитой высшего класса. На одном из них отправился экипаж из трех человек. Им удалось проникнуть дальше воздушных разведчиков. Когда у землян появилась иллюзия, что неведомый противник поражает лишь воздушные цели, Башня нанесла удар по первому вездеходу. Его защитный экран деформировался под сфокусированным импульсом энергии, но выдержал испытание.

Последовал еще один удар, затем еще, песчаная почва вокруг вездеходов оплавилась, покрывшись сплошной корой из каплевидных частиц кварца. Казалось, еще один-два удара, и защита не поможет, но внезапно все утихло. Экипаж поспешно отвел вездеход из зоны обстрела. Башня вышла победителем и на этот раз.

Однако когда спустя полчаса земляне повторили попытку, Башня молчала. Вот уже сто метров пройдено с места первой атаки, двести, триста... Второй вездеход вошел в опасную зону вслед за первым. Медленно, но упорно они продвигались к Башне. У экипажей появилось ощущение безопасности, и первый вездеход прибавил скорость.

Ай с ужасом наблюдала, как из-за оплавленной груды древних развалин выползает невиданное урчащее чудище. Захотелось тотчас бежать прочь, но она сообразила, что на открытом месте не уйти далеко, к тому же в Башне остались Йей и Небесный Дух... Значит, надо спрятаться внутри Башни. Не отрывая глаз от вставшего невдалеке огромного блестящего жука, она пятилась, пока не ощутила спиной спасительную опору стены и, уже не отрываясь от нее, двинулась вбок, ища руками хоть намек на закрывшуюся дверь.

На спине жука откинулась круглая пластина, и целых три Небесных Духа скатились с его крутобокого корпуса. Они несомненно походили на Лео, только их одежда выглядела новой и неповрежденной, а головы защищались круглыми шлемами. О Лео, взмолилась Ай, сделай так, чтобы они не были врагами!

Один из Духов приблизился к парализованной ужасом девушке, что-то щелкнуло в небольшой коробочке у него на запястье, и громкий металлический голос произнес на языке речных охотников как заклинание:

— Не бойся! Не бойся!

И Ай догадалась, что ее просьба услышана: это не враждебные Духи, она попыталась улыбнуться, но на ее птичьем лице вышла лишь беспомощная гримаска.

— Лео, там Лео — Разящая Рука! — сказала она, указывая на верх Башни, и Духи сразу поняли ее.

Аэрокар высадил их возле деревни. Йей, разминавший отвыкшие от твердой земли ноги, предвкушал триумф возвращения в компании Небесных Духов. Ай пыталась оправиться от легкого испуга после первого в ее жизни полета. Лео первым двинулся к обезлюдевшему поселку.

В хижинах никого не осталось, даже старики

таинственным образом исчезли со своих обычных мест. Все говорило о том, что племя спешно покинуло деревню. Йей выглядел озадаченным не меньше землянина.

— Надо идти за ними, — высказала вслух Ай его мысль, ища в траве следы ушедших.

Они настигли племя к вечеру того же дня — несколько десятков речных охотников попрятались в прибрежных зарослях при появлении Небесного духа в обществе Йея и Ай.

— Не бойтесь, Небесный Дух не причинит вам зла! Идите к нам! — громко и властно крикнула девушка.

Первыми приблизились старейшины, испуганные и одновременно недовольные поведением дерзкой девчонки. Слыханное ли дело — не успела из яйца вылупиться, даже еще не женщина, а уже хочет командовать ими, уважаемыми людьми племени! Но присутствие небесного Духа исключало всякие счеты с ней сейчас. Следом вышли мужчины, затем женщины и дети. Последним из зарослей показался озлобленный и напуганный вождь Её, совсем недавно занявший место умершего отца.

Йей властно усадил всех в круг и сел сам подле Небесного Духа, Ай примостилась по другую

сторону от Лео.

— Что случилось, братья мои? Почему вы столь поспешно покинули обжитые места, или в нашей реке стало меньше рыбы?

— Нет, Йей, не так. Рыбы много, как и прежде, — покачал головой один из старейшин, седой немощный Эя, когда-то самый удачливый из речных охотников.

И тогда, преодолевая робость перед Небесным Духом, давая волю своим страхам и сомнениям, охотники заговорили наперебой. Как только появились огненные птицы и ожила после долгого молчания Башня, Её обвинил во всем происходящем нарушителя запретов Йея. Он отправил охотников силой захватить отступника с сестрой и привести для заслуженной расправы на глазах всего племени. Только так еще можно было умилостивить Небесных Духов, говорил при этом молодой вождь. Но Йея и Ай, к счастью, не оказалось в их потайных убежищах и обычных местах рыбной охоты. И тогда Её увел племя прочь, запугав скорой местью со стороны Небесных Духов...

— Разящая Рука... — зашептал Йей рядом с землянином. — Скажи им, скажи сейчас, что все это не так, что вы не враги им! Слышишь, Разящая Рука?..

Лео не был готов к подобному, но понял, что выбора нет, последнее слово должно остаться за Небесным Духом. Он поправил на руке новенький коммуникатор с лингопереводчиком и, глубоко вздохнув, заговорил, выбирая подходящие для перевода слова. И, глядя на внимательные лица соплеменников, слушающих пришельца, Её с тоской первым понял, что короткое время его власти невозвратимо ушло, но изменить что-либо было уже не в его силах.

ТЕМ, КТО ПРИДЕТ ПОСЛЕ МЕНЯ

(Запись на кристаллической кассете, обнаруженной в Башне Йеем из племени Речных Охотников. Из материалов Второй экспедиции. Дешифровано в Институте Космолингвистики на Земле.)

Теперь я один, я и Башня, точнее, система, цепь Башен, созданных для нашей обороны. На самом деле, они не дали нам долгожданной безопасности, как мы вначале рассчитывали. Мне осталось недолго существовать прежде, чем наступит небытие, я стар, слишком стар. И к тому же устал от жизни. Башни же простоят века, совершенное орудие убийства, чудовищные силы разрушения вложены в них. И если еще дикая иная раса

пойдет по нашему пути — пути технологического сумасшествия — система Башен уничтожит их механизмы до того, как они истребят друг друга полностью, как это произошло с нами. Внутри Башен спрятана информация, которая пригодится потомкам ныне диких племен для достижения счастливой жизни, она поможет избежать технологического тупика и дальнейшего кровопролития. Мы были самоуверенны и заносчивы, верили во всемогущество техники и непогрешимость прогресса. Мы недооценили разрушительных сторон своей натуры, заложенной в нас тяги к убийству. И расплата пришла — вырождение и смерть.

Если вы смогли добраться до этого послания — надеюсь, сможете избежать наших ошибок. А если вы превзошли нас в развитии и преодолели то, что привело к нашей гибели, тогда эти знания заинтересуют вас как частица истории.

Последние из нас, желая искупить вину перед будущим, уже отправились к диким племенам ускорить их развитие. Теперь и я последую за ними, как и они; я передам наиболее достойным средство для блокирования смертоносных сил Башен. Уничтожить их, наше порождение, мы не в силах, а если лишить их защиты, как со-

хранить сокровища накопленных знаний, пока народы равнины не созреют для их понимания и не употребят их себе на пользу? Вероятно, это не лучший способ обратиться к потомкам, но ничего другого придумать мы уже не успели. Наше время невозвратимо ушло. Я ухожу. Будьте счастливее нас и мудрее, будьте достойны своей чудесной планеты. И... не судите нас слишком строго: мы были достаточно несчастны и понесли заслуженное наказание. Прощайте.

Башня величественно возносилась над зеленым полем, и облака временами цеплялись за ее вершину. Она казалась загадочной, но не грозной, просто ископаемое сооружение давно минувшей эпохи.

Аэрокар с группой любознательных космотуристов опустился у ее подножия. Сопровождавший их местный уроженец, недавно прошедший курсы ускоренного обучения, заканчивал свой рассказ:

— ...В первую очередь разобрали смертоносные орудия. Не было уверенности, что нет скрытого механизма, приводящего их в действие. Теперь Башни не угрожали жизни. После того как извлекли укрытые в них знания, они не приносили и пользы. Казалось, им суждено навсегда остаться

бессмысленным памятником истребившей себя расе. Но выход нашли! Пусть не идеальный, но посмотрите на эти цветущие земли — прежде тут простиралась одна безжизненная пустыня! Дело в том, что создатели Башен задумали их и как метеорологическое оружие. Они могли вызывать сокрушительные ураганы, проливные дожди, засуху... После незначительной перестройки Башни используются нами в виде эээ... метеорегуляторов. Кстати, знаете ли, начальник местного отделения — землянин, мой хороший друг и даже... ммм... родственник.

— Как?! — вырвалось у некоторых изумленных туристов. Особенно поразился жизнерадостный толстячок, сидевший в голове комфортабельного салона и что-то беспрерывно комментировавший своей улыбчивой спутнице.

— Да, да, вы не ослышались, Он один из вас, землян, и зовут его Лео. Мы познакомились... во время Второй экспедиции... есть и его заслуга в том, что Башни перестали быть Башнями Зла, но это совсем другая история... Может быть, вы даже слышали... Он полюбил самую красивую девушку местного племени и остался здесь. Правда, ему пришлось пойти на некоторые изменения своего организма... Теперь они вдвоем управляют пого-

дой огромного района, и именно сейчас должен начаться очередной дождь... Лео, — произнес он уже в микрофон коммуникатора. — Все произойдет, как обычно? Никаких изменений?

— Да, Йей, — ответил приятный мужской голос. — Мы с Ай уже готовы. Через пару минут начинаем.

— Подождите! — Разом посерьезневшая соседка толстячка поправила светлые короткие волосы и потянулась к микрофону. — Извините, но... вы изучали когда-нибудь семантику древнеславянских языков на Земле?

После недолгого молчания отозвался тот же мужской голос, только теперь все услышали в нем нескрываемое удивление:

— Да... А что? Кто это спрашивает?

— Я Нина, Нина! Помните меня, Лео?

— Нина?! Вы?.. Какими судьбами?

Весь аэрокар невольно прислушался к диалогу, затаив дыхание, даже толстячок на время умерил свою жизнерадостность.

— Мы залетели на несколько часов, всего лишь туристы... Я вот услышала, что ты здесь, и решила... впрочем, неважно...

— А из меня, как видишь, так и не вышло космонавта... Ты оказалась права. Но я совсем не

жалею... Извини, времени уже не осталось...

— Лео, подожди! Ответь только, ты счастлив? Ты уверен, что действительно нашел свое место? — вопрошала она с непонятным для посторонних упорством.

— А ты думаешь, иначе я остался бы здесь?!

Словно кто-то застучал по крыше аэрокара, сначала неуверенно, даже робко, затем громче и настойчивее. Все до единого взглянули за прозрачные окна, где на зеленую равнину пали первые капли всеочищающего дождя. Мир за стеклом подернулся дымкой, будто на бесконечное поле мгновенно набросили легкую вуаль. Но зелень оставалась пронзительно свежей и яркой, и казалось, не было никогда под этим небом ни пустыни, ни вражды, ни смерти.

INFO

(393)

2011

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Художник
Андрей СИМАНЧУК

Адрес редакции
127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции (495) 685-47-06
E-mail real@iskatel.net
office@iskatel.net
info@iskatel.net
art@iskatel.net
Сайт www.iskatel.net
Телефоны для размещения рекламы
(495) 685-47-06, (495) 685-39-27
Служба распространения
(495) 685-59-01, (495) 685-66-87
E-mail mir_isk@orc.ru

Учредитель журнала
ООО «Книги «Искателя»
Издатель
ООО «Искательпресс»
© «Искательпресс»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-35888 от 31 марта 2009 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в др. странах.

Подписано в печать 15.09.2011. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 8,4.
Лицензия № 06095. Заказ № К-6609.
Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

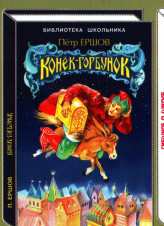
.....

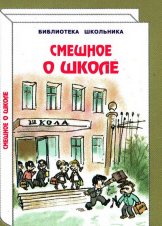
Сканирование
и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2026

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

НАШИ НОВИНКИ





Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

ISSN 0130-6634